

ГЕОРГИЙ
ГУРЕВИЧ

ПРОХОЖДЕНИЕ

ПЕ
М
Е
З
И
Д
Ы

ПРОХОЖДЕНИЕ НЕМЕЗИДЫ

ГЕОРГИЙ ГУРЕВИЧ

ГЕОРГИЙ
ГУРЕВИЧ

**ПРОХОЖДЕНИЕ
ЧЕМЕЗИДЫ**

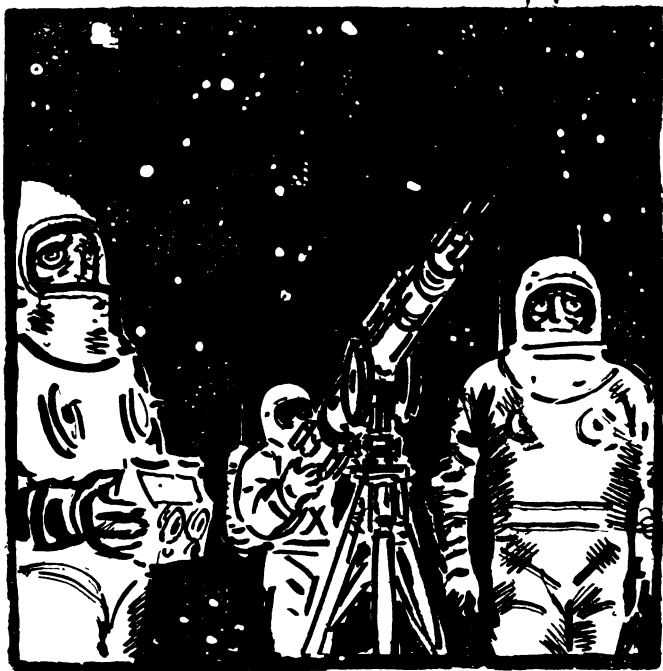
НАУЧНО-
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ПОВЕСТЬ
И
РАССКАЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
"МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ"

1961

ПРОХОЖДЕНИЕ НЕМЕЗИДИ

1

Проснитесь, спящие!

День или ночь, не разберешь. Слепящее Солнце заливает светом снежную равнину. Искрятся жесткие сухие снежинки, чуть вьется пар над прозрачными лужами, застоявшимися между сугробами. От сверкающей белизны больно глазам, а наверху — угольно-черное небо с пылью звезд, прозрачная кисея Млечного Пути, и на фоне его одна звезда всех ярче — не блеск, не светлячок, яркая лампочка на бисерном пологе неба.

На нее, сверкающую, и смотрят трое в скафандрах. У них телескоп, аппараты в лакированных ящиках, где мелькают разноцветные кривые и светящиеся цифры. Трое смотрят то на небо, то на экраны аппаратов, и один из них, тот, кто должен принять решение, говорит громко:

— Проснитесь, спящие, мы у цели!

Снежная равнина нема и глуха. Нет над ней воздуха: замерзнув, он превратился в прозрачные лужи. Ветер не воет над ней, снег не скрипит под ногами, обледенелые растения не шелестят листвой. Слова гаснут на поверхности скафандра, но радио подхватывает их, и умершие звуки рождаются вновь там, где воздух имеется: в далеких подземельях, где спящие лежат рядами, неподвижные, как изваяния.

— Проснитесь!

Дежурные слышат приказ. Как и те, наверху, они прежде всего смотрят на экраны аппаратов. Они проверяют температуру, обходят спящих одного за другим, осторожно притрагиваются к каждому и, убедившись, что время пришло, включают усилитель. Тогда голос сверху, удесятеренный электрической гортанью, грохочущими раскатами, заполняет помещение:

— Проснитесь, спящие!

...Я слушаю эти слова в кабине Центральной фонотеки. Стены, одетые звукоизоляционными плитами, отделяют меня от всего мира. Я здесь один с забытыми трагедиями. На моем столе книги, все, которые нашлись в каталоге, в том числе «Введение в курс немезидоведения» в трех томах. Я взял подшивки старых газет, раскрыл картонные папки, широкие как щиты, и на каждой полосе прочел тревожные заголовки. Я вставил в проигрыватель тоненькую проволочку с невидимыми магнитными знаками, и человек, которого нет уже, заговорил со мной полным голосом:

— Проснитесь, спящие...

В тесной кабине нас двое, я и голос. Я переживаю вместе с ним тревогу, надежду и уверенность. Я верю голосу. Я вижу то, что он описывает. Перед

моими глазами снежная равнина под звездным небом, ослепительное Солнце на фоне Млечного Пути и глубокие подземелья, где спящие лежат рядами, неподвижные как изваяния.

— Проснитесь!..

Супруги Трегубовы работали на Памирской высокогорной обсерватории, одной из лучших в мире. Трегубов был директором, жена его — одним из научных сотрудников.

Анатолию Борисовичу уже исполнилось шестьдесят, но для своих лет он был очень бодр, читал без очков, летом ходил в горы, даже поднимался на снежные вершины. Но у него уже появились стариковские привычки: излюбленная академическая шапочка, любимая палка с резным набалдашником, любимые словечки, постоянные шутки, неизменные маршруты для прогулок. Казалось, что он не хочет тратить сил на новые решения и потому придерживается проторенных путей во всем, кроме науки.

Жена его была младше лет на двадцать. Точнее сказать затрудняюсь. Антонина Николаевна выглядела моложе своих лет. Она следила за своей внешностью, выписывала журналы мод, принимала холодные ванны, делала массаж лица и очень гордилась, когда про нее говорили: «Такая молодая — и уже профессор!»

Студенты побаивались ее. Она была строга и придирчива, требовала точности в терминологии, каждую формулу спрашивала с выводом, задавала трудные задачи с громоздкими вычислениями и каверзные вопросы, требующие не соображения, а памяти. Отметки она ставила скупое, пятерки — почти никогда. Анатолий Борисович, наоборот, был снисходителен, любил студентов не выучивающих, а рассуждающих, хотя бы и рассуждающих неверно. На экзаменах подсказывал ответы и часто сам начинал объяснять, если речь шла о больших проблемах, волнующих его, — о бесконечности, времени, жизни, сознании.

Трегубову знали только специалисты. Она писала

для избранных, понимающих математику. Трегубов же писал охотно и для инженеров и для пионеров. Писал он увлекательно, и многие десятки людей стали астрономами благодаря ему.

Антонина Николаевна сама была из их числа. Перед скромной девушкой, застенчивой, погруженной в математику, Трегубов открыл вселенную, где каждая звезда ждала своего Коперника, — наблюдай, исследуй, дерзай! Своего научного руководителя девушка избрала руководителем и в жизни.

Годы шли. Великие открытия не падали в руки Антонины Николаевны, и тогда она выбрала хоть и не легкую, но четко очерченную задачу — поиски малых планет. Ей удалось открыть 14 новых астероидов: Лапуту, Крыму, Черномору, Памиру, Пулковину и другие. Орбиты их были определены, названия внесены в каталог. Трегубова была довольна собой.

— Разменяла талант на пустячки, — говорил муж.

Был ли он прав? Вряд ли. Ведь наука обширна, для разных целей нужны и люди разного склада. Трегубов принадлежал к числу толкователей науки, Трегубова была наблюдателем. Кто полезнее — педагог или лаборант, теоретик или экспериментатор? Нужно ли ставить такие вопросы вообще?

Так или иначе, Немезиду Трегубовы открыли вдвоем.

Вот как это произошло.

4 декабря 19... года, проснувшись поутру, Трегубов вспомнил, что для него приготовлены фотографии звезды 7327 из созвездия Девы. Эта небольшая звезда из числа красных карликов находится сравнительно близко к Солнцу, на расстоянии «всего лишь» одиннадцати световых лет. Трегубов надеялся выяснить, есть ли у этой звезды планетная система.

Одеваясь и завтракая, он с удовольствием думал о предстоящих исследованиях, но от привычного уклада не отступил ни на шаг. Он трижды прошелся по своей любимой дорожке, усыпанной хрустящим гравием, выпил два стакана кофе со сливками и только после этого, сменив пиджак на синий халат, прошел в кабинет.

В то время уже отошла в прошлое классическая фигура астронома-наблюдателя, который по ночам, ежась от холода, одним глазом смотрел в окуляр. На Памирской обсерватории вообще не было окуляров. Здесь стояли многотрубные телескопы с электронными усилителями.

До появления этих телескопов возможности астрономов ограничивала стекольная промышленность. Лучшие в мире оптические заводы годами старались сварить подходящий кусок стекла, достаточно крупный и однородный, а затем шлифовали его годами, чтобы придать ему точную форму. Но гигантские линзы и зеркала, прогибаясь от собственной тяжести, искажали изображения. Метровая линза и шестиметровое зеркало — дальше этого техника не пошла.

Конструкторы Памирской обсерватории избрали иной путь. Они поставили телескопы скромного размера — не более полуметра в диаметре. Их можно было изготавливать сериями без особых усилий. Но изображение в этих телескопах (а их было сто сорок четыре) направлялось не в окуляр, не в глаз наблюдателю, а на светочувствительный экран. Затем усилитель как бы увеличивал зеркало телескопа. В результате Памирская обсерватория видела дальше других в несколько раз. Она вступила в строй всего несколько месяцев назад, но уже завоевала завидное прозвище «фабрики открытий». Открытия здесь делали еженедельно. У Трегубовых появилась особая астрономическая специальность: они разъясняли недоумения, проверяли чужие догадки, разрешали споры, «снимали» вопросы.

Конечно, ни один человек не смог бы согласованно управлять ста сорока четырьмя телескопами. Памирская обсерватория была автоматизирована. Каждый вечер Анатолий Борисович передавал инженеру список очередных «объектов». Инженер составлял задание и диктовал программу действий счетно-решающей машине. Затем люди отправлялись мирно спать, а неутомимая машина поворачивала и направляла трубы, следила за выдержкой, меняла пла-

стинки, проявляла, сушила. И поутру инженер приносил Трегубову стопки пронумерованных пластинок — решения мировых загадок.

Так было и 4 декабря. Облачившись в синий халат, Трегубов прочно уселся в кресле и принялся решать загадку звезды 7327.

Но, увы, разочарование ожидало Анатолия Борисовича. Ни микроскоп, ни другие приборы не говорили о существовании планет.

— А это, кажется, по твоей части, — сказал Трегубов, передавая один из снимков жене. И он указал на крошечную черточку. Так выглядят на снимках сравнительно близкие небесные тела, например, астероиды, которые успевают переместиться в поле зрения за время выдержки.

Трегубова жадно схватила снимок.

— Нет, не по моей части, — вздохнула она. — След астероида длиннее раз в пять.

Но ловец астероидов, как и всякий охотник, должен быть терпеливым и цепким. Трегубова задержала в руке пластинку. Она боялась пройти мимо открытия.

— А нет ли у тебя других снимков той же области?

— Только один — апрельский.

— Это слишком давно. Ладно, покажи на всякий случай.

Черточек на апрельском снимке не было. Но наметанный глаз Трегубовой обнаружил в звездном узоре лишнюю точку совсем рядом со звездой 7327.

— Может быть, это астероид, Тонечка?

— Едва ли. Передвинуться за три месяца на полградуса?.. Маловато для астероида.

— А если он летит почти прямо к Земле?

— Нужно сделать еще один снимок.

И проверочная съемка была задана на следующую ночь. Невод забросили в звездное небо, и безымянный астероид попался. Снова он выдал свое местоположение коротенькой черточкой, почти крапинкой. Теперь было три следа — по трем точкам астрономы

умеют высчитывать весь путь движения небесного тела.

За расчет взялся Трегубов. Он продиктовал условия задачи настольной электронной машине, и через несколько минут на ленте появились цифры.

— Что получилось, Толя? — спросила Антонина Николаевна, глядя на недоумевающее лицо мужа.

— Ерунда какая-то! Орбита страшно вытянута. Не эллипс, не парабола, скорее — гипербола.

— Может быть, это комета, а не астероид?

— Кометы не видны на таком расстоянии. У меня получается, что это тело страшно далеко. До него тридцать астрономических единиц, в тридцать раз дальше, чем до Солнца.

— Тридцать единиц! Но это же на границе солнечной системы.

— Да, да, за орбитой Нептуна. И одиннадцатая звездная величина притом. Неужели это новая планета, Тонечка?

— Не надо увлекаться, Толя, не надо фантазировать. Лучше сделаем еще один снимок. Апрельскому нельзя доверять.

Но попробуй не гадать, когда открытие почти в руках. Анатолий Борисович не мог успокоиться.

— Подумай, настоящая планета! За всю историю телескопа люди открыли только три планеты...

— Ну, какая же это планета, Толя! Ведь она летит по гиперболе.

— Да, верно. И скорость у нее — триста километров в секунду. При такой скорости Солнце не удержит ее. Она пролетит солнечную систему насквозь. Что же это такое?.. Ничья планета? Что-то небывалое в астрономии.

— Потерпи, Толя, потерпи. Сделаем еще несколько снимков и тогда все выясним.

Но небо, как назло, решило испытать их терпение. С вечера началась пасмурная погода, густой туман лег на горы, тучи шли низко, поливали голые склоны дождем. Изредка проглядывали звезды, но не те, что нужно, и слишком ненадолго.

Контрольный снимок удалось сделать только

в ночь на 12 декабря. Четвертая точка аккуратно легла на ту же гиперболу. Ошибки не было. Неведомое светило несло к Солнцу и должно было пересечь орбиту Земли 3 июня, почти через шесть месяцев. Интересно, что Земля проходила точку пересечения 4 июня, примерно через сутки. А так как за сутки Земля пролетает около 3 миллионов километров, выходило, что Земля и неведомое тело пройдут довольно близко друг от друга, по астрономическим понятиям — впритирку.

«Чудовищно! Непостижимо! — думал Трегубов. — Необходимо срочно произвести вычисления и немедленно оповестить академию, сообщить в газеты...»

В тот же вечер, передав жене расчеты для проверки, Трегубов заперся в кабинете. Всю ночь он писал. А утром Антонина Николаевна настоятельно постучала в кабинет. Она протянула мужу сложенную вчетверо иностранную газету, и Анатолий Борисович увидел набранный крупными буквами заголовок:

МИНУТЫ ОТСЧИТАНЫ!

«Наша газета раньше всех других имеет честь сообщить читателям о потрясающем открытии, которое сделал наш талантливый соотечественник профессор Э. А. У. Липп.

8 декабря, изучая небесный свод, профессор Э. А. У. Липп обнаружил небесное светило, перемещающееся на фоне далеких звезд. По прошествии трех дней он сумел определить его размеры и орбиту. Оказалось, что перед нами новая неведомая планета, по размерам равная Земле или даже несколько превосходящая ее. Планета сейчас находится на далеких окраинах солнечной системы, за орбитой Нептуна, на расстоянии 4,5 миллиарда километров от Солнца, в области вечного мрака, откуда наше светило выглядит как бриллиантовая булавка, не более.

Новая планета названа Немезидой в честь греческой богини возмездия, мрачной и безжалостной дочери Ночи. И имя это выбрано не случайно. Как установил профессор Липп, Немезида не обращается

вокруг Солнца: она мчится прямо к Земле со скоростью 300 километров в секунду. 4,5 миллиарда километров она пройдет за 173 дня!

Минуты отсчитаны! 173 дня дано нам, чтобы подвести итоги, отмерить наши деяния. Десница божья занесена над возомнившей Землей. Мы воображали, что нам дано понять вселенную, но вот появилась Немезида — порождение вечного мрака, и мы не знаем, пройдет ли мимо карающий меч, или будет, как сказано в писании: «Господь же обрушил на Содом и Гоморру серу и огонь с неба и ниспроверг города эти, и всю долину, и всех жителей городов, и растения почвы, и пар от земли восходил, как пар плавильни...»

— Какая гнусная спекуляция наукой! Какая дешевая погоня за сенсацией! — воскликнул Анатолий Борисович. — Тоня, мы должны немедленно выступить с разъяснениями. Дай срочно перепечатать в трех экземплярах мой доклад... Один я пошлю в газету.

«...Посмотрим мужественно в глаза опасности, — писал в докладе Трегубов. — Подсчеты показывают, что новое небесное тело пройдет на расстоянии 3 миллионов километров от Земли. Но эти подсчеты основаны на измерениях, а наши измерения имеют предел точности.

Кроме того, мы не знаем массы нового небесного тела, а от массы зависят возмущения — те искривления, которые внесет в орбиту Юпитер, мимо которого новое тело пройдет в начале мая. Только после того, как Юпитер внесет свои коррективы, мы будем знать, разминется ли новое тело с Землей благополучно. И эта неопределенность, существующая сегодня, заставляет нас взвесить самые неприятные варианты.

Возможно ли столкновение? Оно маловероятно, но все же возможно. По моим вычислениям, в данном случае за столкновение — один шанс против ста тысяч шансов. Опасность не слишком велика, но вместе с тем и не исчезающе мала. Но угроза для нас, пассажиров планеты Земля, заключается не только в возможном прямом столкновении. Не надо забы-

вать о силах притяжения. Даже наша скромная Луна своим притяжением создает морские приливы. Гость из космоса, по-видимому, ненамного больше Земли и раз в сто массивнее Луны. Приливообразующая сила увеличивается с массой и уменьшается пропорционально третьей степени расстояния. Таковы точные формулы, и на них мы опираемся.

Если новое тело пройдет на расстоянии 3 миллионов километров, ничего страшного не случится. Приливы увеличатся всего на 20 процентов. С такой неприятностью можно примириться.

Но тело может оказаться и ближе. Допустим, на расстоянии 1,7 миллиона километров. Тогда приливы увеличатся вдвое. Невиданной силы волна войдет в устья рек, зальет порты, набережные, дома и деревни, выбросит корабли на берег.

Допустим, тело пройдет в два раза дальше Луны. Тогда приливы увеличатся в 13 раз. Океан вздуется горой. Стометровые валы ринутся на Западную Европу. Под водой скроются Голландия, Бельгия, половина Франции, почти вся Англия. Перехлестнув через Данию в Германию, вал ворвется в Балтийское море. И чем ближе пройдет небесное тело, тем страшнее будет потоп.

Опасность представляет также сближение с Лунной. Притяжение нового тела несколько сильнее земного. Впрочем, наш спутник не будет украден, ибо взаимные скорости тут слишком велики. Луна останется при нас, если только не будет пересечен роковой предел Роша. В этом случае наш спутник лопнет, рассыплется на наших глазах, превратится в кучу сталкивающихся метеоритов. И десятки лет после этого на поля, города и села будут валиться обломки лунных гор, уродуя Землю взрывными кратерами один страшнее другого...»

В экземпляре, предназначенном для газеты, Анатолий Борисович дописал:

«Еще раз повторяю, что шансы на столкновение ничтожны. Только чрезвычайная осторожность заставляет нас предупредить народ о такой возможности. Человечество проходит в эти дни серьезный

экзамен. Ученые и инженеры обязаны призвать на помощь всю технику и достижения науки, чтобы предотвратить хотя и маловероятную, но все же возможную катастрофу. Я верю в человека, в его ум, в его силу. Никакой паники! Мужество и дерзания решают сегодня судьбу человечества».

2

Трегубов напрасно возмущался Липпом: видимо, все рассуждения насчет кары, меча и десницы придумал не в меру старательный корреспондент. Сам Липп дня через два выступил с очень корректным солидным опровержением. Он считал, что столкновение маловероятно. «Немезида пройдет на расстоянии 3—5 миллионов километров от Земли, точнее установить сейчас нельзя. Мы увидим на небе как бы вторую Луну. Перед нами редкое явление, удивительная загадка природы. Ее следует изучать внимательно... но пугаться нет никаких оснований».

Так написал Липп. Но странное дело: его заметка, набранная мелким шрифтом, была помещена на седьмой странице, а на первой лезли в глаза черные буквы грохочущих заголовков:

ОСТАЛОСЬ 170 ДНЕЙ!

ХВАТИТ ЛИ МЕСТА ПОД СОЛНЦЕМ?

ГДЕ ПРОВЕДЕТЕ ВЫ ПОСЛЕДНИЕ ПОЛГОДА СВОЕЙ ЖИЗНИ?

«Немезида! Немезида! Немезида!» — не сходило с газетных полос.

Ученые терялись в догадках. Что представляет собой эта бродячая планета? Откуда она пришла в солнечную систему? Кажется, не было такого астронома, философа, физика, который не высказал бы своих предположений.

Весть о Немезиде встряхнула мир. Муть всплыла на поверхность: темные дельцы, любители легкой наживы, ринулись в погоню за добычей. Гадальщики печатали в газетах объявления: по звездам, даже по шишкам на черепе они брались предсказать каждому, уцелеет ли он при столкновении с Немезидой.

«Немезида! Немезида! Немезида!»

«Материализм опровергнут окончательно, — написал Лекциус Сибелиус, доктор трансцендентальных наук. — Жалкие слепцы, именующие себя реалистами, утверждают, что все в мире возникает из материи. А Немезида? На ваших глазах из ничего родилось светило. И вы не знаете даже: перед вами небесное тело или скользящая тень потустороннего мира, сквозь которую Земля пройдет словно сквозь привидение».

«Немезида! Немезида! Немезида!»

В церквах начались проповеди о «страшном суде». «Планета сия — булыжник в руках разгневанного бога, — заявил один знаменитый проповедник. — Господь бог замахнулся; падите на колени с молитвой».

Какой-то ученый ядовито заметил:

— Почему же бог замахивается со скоростью трехсот километров в секунду? И если он всемогущ, к чему принимать облик планеты? Пусть явится лично и устроит суд по всем правилам!

— Пути господни неисповедимы, — отвечал находчивый проповедник. — Кто мы, чтобы угадывать его волю? Может быть, бог нарочно притормаживает Немезиду, чтобы мы успели одуматься, покаяться и очистить себя от грехов.

«Немезида! Немезида! Немезида!» Толпы людей осаждали обсерватории. На бульварах возле телескопов всю ночь стояли очереди. Каждому хотелось увидеть своими глазами виновницу переполоха. Мерзли, хлопали руками, терпели... и отходили разочарованные. Им показывали слабую звездочку, ничем не отличавшуюся от окружающих. Люди пожимали плечами: «Неужели это и есть Немезида? Эта блеска угрожает нам? Не может быть! Звезд на небе полно, для всех места хватает. Авось разойдемся как-нибудь!»

В январе Немезида уже выглядела крошечным кружочком. По его диаметру вычислили размеры планеты. Получилось, что Немезида несколько больше Земли. Изучение спектра дало немного. Спектр Немезиды был точным повторением солнечного. Как

все планеты, она светила отраженным светом. И никакой атмосферы на ней не было, иначе заметны были бы линии кислорода, метана, аммиака или углекислого газа. Все темные линии в спектре были сдвинуты. По величине сдвига определили скорость. Вышло как у Трегубова — 300 километров в секунду. Итак, пока люди занимались своими делами, наблюдали, спорили, пугались и успокаивались, Немезида приближалась, отсчитывая 300 километров каждую секунду.

300 километров в секунду! Можно сказать, что Немезида мчалась, можно сказать, что она тащилась. В сравнении с обычными скоростями скорость у нее была бешеная, невыносимая, молниеносная. Но ведь свой собственный поперечник она проходила за 50 секунд! Пожалуй, с таким же правом можно было утверждать, что она ползла как улитка, еле-еле продвигалась по темным межпланетным просторам.

Немезиду открыли в начале декабря. В том же месяце 17-го числа она пересекла орбиту Нептуна. Кончился год, прошел январь, и только в феврале осталась позади орбита Урана. Еще восемь недель понадобилось, чтобы дойти до орбиты Сатурна. Немезида миновала ее уже весной — 12 апреля.

В апреле люди с хорошим зрением начали различать Немезиду невооруженным глазом. В телескопы же на крошечном диске уже видны были кое-какие подробности. Анатолий Борисович, работавший на самом совершенном телескопе, первым заметил темное пятнышко. Оно перемещалось. Таким образом удалось установить, что Немезида вращается вокруг своей оси. Тамошние сутки были несколько длиннее земных — они равнялись 33 часам.

Затем был открыт темный ободок, как бы обруч, стягивающий экватор. Один английский астроном обнаружил, что на этом ободке заметна радиоактивность. Может быть, здесь находились особенные радиоактивные вулканы?

За исключением этого ободка и пятнышка, все остальное было ярко-белым. Работая с цветными фильтрами, Трегубов пришел к выводу, что Немези-

да отражает свет примерно так же, как снежное поле. Снег?! Если там есть снег, значит были водяные пары, была когда-то и атмосфера?! Куда же делся воздух? «Видимо, он замерз, — решил Трегубов, — и вся планета покрыта слоем твердого воздуха. Но сейчас она приближается к Солнцу, прогревается, воздух скоро начнет испаряться».

Вскоре пришло подтверждение. В начале мая в спектре Немезиды были обнаружены линии кислорода. И снова загадка: откуда взялся кислород? На Земле кислород — результат жизнедеятельности растений. Но какие же растения могли быть на Немезиде, вдалеке от Солнца, при морозе ниже 200 градусов?

Немезиду изучала и Антонина Николаевна Трегубова, но с другой точки зрения. Никаких догадок, никаких рассуждений. Ее интересовали исключительно цифры, точные и безупречные. Она высчитала путь Немезиды и теперь с нетерпением ожидала ее прохождения мимо Юпитера. «Как изменит Юпитер орбиту Немезиды?» — вот что волновало Трегубову.

Событие это произошло 9 мая. Немезида опередила Юпитер. Проскочила перед этим гигантом, как юркий миноносец перед носом у линкора. Расстояние между ними было более 40 миллионов километров, как от Земли до Венеры, но могучий Юпитер все же искривил орбиту Немезиды, и даже больше, чем ожидалось. Теперь с достаточной точностью можно было определить весь дальнейший путь. И это было сделано через два дня. Международная расчетная комиссия опубликовала сообщение Трегубовой. По ее подсчетам, Немезида должна была миновать Землю на безопасном расстоянии — около 2 миллионов 800 тысяч километров.

Мир вздохнул с облегчением. Но прошло еще несколько дней, и Немезида преподнесла новый сюрприз.

Произошло это в полосе малых планет. Ученые до сих пор спорят, откуда взялись эти многочисленные тела — остатки ли это развалившейся планеты Фазтона, или небольшая часть той метеорной тучи, из

которой образовались все остальные спутники Солнца, так сказать, строительный мусор солнечной системы. Так или иначе, в этом поясе открыто уже более полутора тысяч крупных астероидов. Проходя здесь, Немезида неминуемо должна была получить несколько увесистых ударов.

Как известно, Антонина Николаевна посвятила свою жизнь изучению этой беспокойной области. Именно она и установила, что Немезида должна встретиться с астероидом № 1673 — малой планетой по имени Лапута.

Трегубова сама открыла эту Лапуту много лет тому назад, будучи еще молодым наблюдателем, и дала ей название в честь летающего острова, описанного в «Путешествиях Гулливера». Позже было установлено, что трегубовская Лапута — глыба неправильной формы, похожая на букву «Г», и длина ее около 40 километров. Вот этот «камешек», на котором мог бы разместиться большой город, и должен был грохнуться на Немезиду в ночь на 18 мая в 4 часа 47 минут по московскому времени.

Итак, столкновение должно было состояться. Правда, не Земля, а мертвая Лапута принимала удар. Астрономы приготовились наблюдать редкое зрелище. Спорили, что произойдет при встрече, — чудовищный взрыв или просто удар? Будет Лапута распылена или только расколота и отброшена?

В ночь на 18 мая астрономы не смыкали глаз. Академики, профессора, кандидаты, студенты смотрели в окуляры, следя, как сближаются Немезида и Лапута, — светящееся зернышко и крошечная блеска. Около часу ночи самые внимательные наблюдатели заметили какое-то сияние на экваторе Немезиды. Впрочем, об этом вспомнили позднее. В ту ночь о посторонних вспышках думали очень мало. Астрономы волновались, ожидая столкновения. В 4 часа 28 минут началось прохождение. Оказавшись на ярком фоне Немезиды, Лапута исчезла из виду. Только в самые большие телескопы можно было заметить темное пятнышко — ее тень. Тень скользила справа налево. Минуты шли, напряжение

возрастало. 4 часа 45 минут... 4 часа 46 минут... И вдруг слева от диска засветилась яркая точка. Углая Лапута проскочила перед Немезидой. Удар не состоялся.

Трегубова сделала новые снимки, получила новую спектрограмму. И вдруг очередная неожиданность: скорость Немезиды оказалась не 300, а 294 километра в секунду! Именно это изменение скорости спасло Лапуту от столкновения. Почему Немезида изменила скорость? Почему это странное небесное тело игнорирует законы Ньютона? Впрочем, рассуждать было некогда. Замедлив ход, Немезида должна была пройти гораздо ближе к Земле. Опасности, перечисленные Трегубовым, становились грозной действительностью.

3

Поль Жевьер, известный астроном и общественный деятель, обратился с призывом ко всем странам сплотить усилия в борьбе с надвигающейся опасностью. Опасность была слишком грозной, чтобы медлить. И Международная конференция была созвана немедленно на родине Жевьера, в одной из древних европейских столиц.

В числе приглашенных на конференцию были и супруги Трегубовы.

До открытия конференции оставалось несколько часов. Верный своим старым привычкам, Анатолий Борисович отправился бродить по городу. Он ходил пешком, без определенного плана и очень скоро с пышных центральных улиц попал в узкие переулки со старыми, отживающими свой век домами. Переулки были похожи на каменные ущелья, дворики — на клетки. На углах с лотков торговали вином, овощами и леденцами. Девушки предлагали горячие каштаны, мальчишки — газеты. Продавались орехи, углы в комнатах, акции, билеты в оперу... Жизнь шла своим чередом.

Трегубов хорошо понимал язык. Ему нравилось, толкаясь в толпе, ловить отрывочные замечания прохожих. Вот, например, жизнерадостные студенты.

— Бальзак — великий писатель, хотя он и не умел строить интригу, — утверждал один из них, рыхлый увалень с большим бантом вместо галстука.

— Пять-ноль, я же знал, что они просадят!

— Мадам, купите каштаны!..

О Немезиде говорили повсюду, изредка со страхом, чаще с сомнением. Трегубов слышал такой диалог:

— Она ударит в Луну, а Луна упадет на нас.

— Враки, выдумки!

— Но я сама слыхала по радио. Ученые подсчитали точно.

— Выдумали твои ученые, им тоже нужно хлеб зарабатывать!

В сквере, где грелись на солнце старички, а молодые матери катали в колясках младенцев, к Трегубову подошел юноша в коротком голубом пиджаке.

— Папаша, вам повезло, — шепнул он доверительно. — Исключительная удача, редкая возможность! У меня остался один-единственный билет на острова Антиподов, и совсем недорого, за свою цену. Пожалейте себя, папаша, вы в цветущем возрасте. Жизнь дороже нескольких тысяч. Не отказывайтесь от Антиподов. Прекрасный здоровый климат, благоустроенные отели, пляж, яхты, прогулки по морю, музыкальные вечера, карты, ресторан... Я сам бы поехал, но больная мать-старушка...

— К чему мне Антиподы? — удивился Трегубов. — Уж если бы я вздумал отдыхать, Ницца гораздо ближе.

Парень в голубом пиджаке удивился в свою очередь:

— Откуда вы свалились, папаша? С Немезиды? Всему миру известно, что уцелеют только острова Антиподов. — И он сунул в руки Трегубову рекламную афишку:

Акционерное общество
«ОБЕТОВАННЫЕ АНТИПОДЫ»
СПАСЕТ ВАШУ ЖИЗНЬ
за умеренную плату.

Агентства на всех континентах.

...Конференция происходила во Дворце науки — гигантском кубическом здании из поляризованного стекла. Стекло это пропускало свет только в одну сторону. Изнутри улица была видна, а снаружи стены казались матовыми. Трегубовы сидели в креслах с наушниками и слушали речи ораторов, переведенные электронными машинами на двадцать языков одновременно.

Анатолий Борисович изредка поглядывал на улицу: за полупрозрачной стеной был виден монастырь. Оттуда доносился колокольный звон; из ворот то и дело выходили монашки в черных накидках, с белыми платками, надвинутыми на брови. Не подымая глаз, поджав губы, они кивком подзывали такси, чтобы ехать по своим делам в банк, в ремонтную контору или на молитву...

Открыл конференцию сам Жевьер. Это был высокий представительный старик с орлиным носом и выдающимся подбородком. Он был изысканно одет, скорее как артист, но не как ученый, и голос у него был артистический, с бархатными переливами. Казалось, Жевьер увлекает слушателей звуками, а не словами.

На конференции было представлено несколько расчетов орбиты Немезиды. Наилучшим признали расчет Антонины Трегубовой. Ее цифры и приняли за основу. И в коммюнике записали, что Немезида пересечет земную орбиту 3 июня в 23 часа 12 минут по гринвичскому времени и пройдет на расстоянии 900 тысяч километров от Земли и 500 тысяч километров от Луны.

Такое близкое прохождение не угрожало гибелью Земле, но необычайные приливы были неизбежны. Поэтому на конференции была избрана комиссия по определению затопляемой зоны. Конечно, строить дамбы было уже поздно, нужно было срочно вывозить людей.

Осталось только одно «но»... И о нем напомнил Жевьер в конце заседания.

— Дамы и господа, не поймите меня ложно, —

сказал он. — Я с глубоким уважением отношусь к представленным расчетам и не сомневаюсь, что они правильны. Математики учли притяжение Юпитера, Солнца, Земли и даже Марса и Венеры. Но Немезида, как мне представляется, подчиняется не только притяжению. Иные и более грозные силы управляют ее движением. Она, видимо, относится к классу неустойчивых небесных тел, подобных новым звездам. Чудовищные взрывы сотрясают ее недра, и, возможно, они сталкивают планету с естественного пути. В ночь на двадцать третье мая мы были свидетелями таких взрывов, нам они представлялись неяркими вспышками. Можно предположить, что эти взрывы замедлили движение Немезиды и спасли Лапуту. Нам неясно, какую роль играл здесь случай и какую притяжение Лапуты. Но если ничтожно малое притяжение астероида могло поколебать неустойчивые недра Немезиды, какие же взрывы вызовет мощное притяжение Земли. С другой стороны, есть у нас и утешение — притяжение Юпитера, гораздо более сильное, чем лапутское, не вызвало никаких вспышек. Вполне возможно, что все обойдется без неприятностей и Немезида проследует по вычисленному пути. Но хотя вероятность столкновения ничтожно мала, все же остается у нас досадная доза неуверенности. А мы рискуем слишком многим, чтобы заниматься самоуспокоением. По-моему, у нас есть единственный выход, который мы обязаны предусмотреть. В настоящее время на Земле имеется двадцать восемь ракет, способных поднять сто четырнадцать пассажиров. Мы не в состоянии спасти все человечество, но можем сохранить сто четырнадцать его представителей; не можем вывезти всех ученых, но мысли их — библиотеку микрокниг можем сберечь. Пусть они увезут наследие человечества в мировое пространство, пусть переждут там грозу и вернуться на Землю или высадутся на Марс, на Венеру, чтобы продолжать наш род, нашу культуру, нашу жизнь.

Итак, задача состоит в том, чтобы отобрать 114 человек, мужчин и женщин, молодых, здоровых, выносливых, образованных, и вручить им все достижения

человеческой мысли. К этому святому делу я и призываю вас, делегаты!

Жевьер сел и что-то быстро написал на листке из блокнота. Через минуту Трегубовы получили записку: «Вам надо выступить, так как в Советском Союзе большинство межпланетных кораблей. Ваш Жевьер».

Между тем в зале заседаний стояла подавленная тишина.

Трегубов попросил слова.

— Господа, — сказал он, — наша страна примет участие в любом коллективном мероприятии, предложенном этой конференцией. Но посылка наследников в мировое пространство — это пассивная мера, мера отчаяния. Между тем мое правительство и Советский межпланетный комитет поручили мне сообщить вам итоги последнего совещания, которое состоялось в Москве. На этом совещании обсуждены результаты исследований по отысканию активных и действенных мер. Советский Союз обладает реальной возможностью изменить орбиту Немезиды...

Изменить орбиту! Какой поднялся тут шум! Корреспонденты вскочили, готовясь записывать каждое слово.

— Уверены ли вы в успехе? — крикнул с места голландский делегат. — Можно ли прекратить наращивание плотин?

Трегубов терпеливо дождался, пока улеглось волнение.

— Господа, я не хочу возбуждать необоснованных надежд. Меры предосторожности не следует отменять. Мы подготовили сложный опыт... Но нет гарантий против неожиданных осложнений... Я уполномочен пригласить делегатов на совещание в Москву, где вопрос об этом опыте будет решен окончательно...

4

...Возможность изменить орбиту! Чтобы разъяснить слова Трегубова, нам нужно вернуться назад на полгода, когда впервые появилось сообщение об открытии Немезиды. Это случилось в декабре меся-

це. Трегубова срочно вызвали тогда в Межпланетный комитет.

Расстояние в то время уже не было препятствием. Три часа на вертолете до Алма-Аты, еще три часа от Алма-Аты до Москвы на сверхзвуковом самолете, и к концу рабочего дня Трегубов входил в кабинет председателя комитета Виталия Григорьевича Хоменко.

Описывать Хоменко нет необходимости. Весь мир знает его высокий лоб, мохнатые брови, раздвоенный подбородок. Это тот самый Хоменко, который руководил первым полетом на Луну и сам летал туда со второй и третьей экспедициями.

Кроме Хоменко, в кабинете был еще один незнакомый Трегубову человек — коренастый, с бритой головой и пышными усами. Он сидел в сторонке, не вмешиваясь в разговор, и поглаживал усы.

— Нам хотелось посоветоваться с вами, Анатолий Борисович, — сказал Хоменко, протягивая руку.

— Я изложил свое мнение в докладе, — ответил Трегубов. — О столкновении незачем и думать — один шанс против ста тысяч.

— Ну, а если он выпадет все же? — спросил Хоменко. — Что можно предпринять тогда? Не сумеем ли мы... отклонить Немезиду? Взрывами, например?

Трегубов подсел к столу, набросал несколько цифр на бумаге.

— К сожалению, тут обсуждать нечего, — сказал он. — Снежную лавину не остановишь, стреляя в нее из ружья. Какие взрывы сильнее всего? Атомные. И вот расчет: одна атомная бомба может уменьшить или увеличить скорость Немезиды на одну десяти-миллиардную долю миллимикрона в секунду. Ударив заблаговременно, недели за две, вы накопите разницу побольше — толщину одного электрона. Сколько вы сделаете бомб? Тысячу? Десять, сто тысяч? Ну, так вы сдвинете планету на один атом. А нужно маневрировать десятками тысяч километров.

— Какую бомбу вы имеете в виду?

— Урановую. У них определенный размер. Но и водородная не облегчает дело. Вам придется забра-

сывать на Немезиду запасы тяжелого водорода. Вы же сами межпланетчик, вы знаете, что каждая ракета строится годами, а поднимает десятки тонн...

Здесь усатый человек впервые раскрыл рот.

— А есть на Немезиде лед? — спросил он.

Трегубов удивился. С недоумением взглянул на Хоменко.

— Мы не так беспомощны, как вы думаете, Анатолий Борисович, — улыбнулся Хоменко. — Вот товарищ Лобанов берется, если мы захотим, отшвырнуть Немезиду с нашего пути.

* * *

Весь декабрь Трегубов провел в разъездах: Памир, Москва, заграничная конференция, опять Москва и опять Памир, где Лобанов проводил решающие испытания.

Инженер Лобанов оказался трудным собеседником. На все вопросы он отвечал одно и то же: «Увидите, оцените». Чтобы увидеть и оценить, Трегубов пролетел 4 тысячи километров на самолете, проехал 200 километров по горной дороге, где пассажиров укачивало от обилия поворотов, и несколько часов просидел в подземном убежище, любуясь горами через перископ.

Пять снежных хребтов вздымались перед ним один выше другого. Ближайший — черно-бурый, с рыжеватыми пятнами голых роц, выпуклый, бугристый, тяжеловесный. За ним виднелся сине-лиловый хребет, третий казался синим, четвертый — голубым, пятый, самый отдаленный, как бы парил, оторвавшись от Земли. В час восхода он был нежно-розовым, потом стал сиреневатым, дымчатым. Он был почти прозрачен, невесом. Казалось, ветер дунет, солнце взойдет повыше, и вершины его растают в синем небе, как сахар в теплой воде.

Горы вселяли в Трегубова спокойствие. Десятки миллионов лет стоят эти каменные волны, стоят и будут стоять. Все на своем месте: на небе звезды, на Земле горы — устойчиво, непоколебимо.

Наконец настал час испытания. «Смотрите!» — сказал Лобанов и нажал кнопку с красной буквой «О» — огонь...

И тогда над дальним хребтом встало второе Солнце, ослепительно яркое, гораздо ярче небесного. Дымчатый кряж приобрел форму и вес, он стал виден стчетливо, словно обведенный тушью. Трегубов разглядел и черные зигзаги ущелий, и тени под скалами, и два пика над перевалом, и ледник между ними. По леднику сверху вниз полз огонь, давая белые и цветные вспышки. Потом полыхнуло красное пламя... и тогда произошло чудо: горы сошли с места. Они не взлетели, нет, это было бы несолидно для горных пиков. Они медленно поднялись и неторопливо опрокинулись, показывая раскаленные подошвы. А затем, уже в воздухе, безмолвно рассыпались на обломки.

Это продолжалось около минуты. Затем с четвертого «голубого хребта» поднялась радужная мгла и скрыла летящие горы. Еще минуту спустя белая мгла с третьего хребта поглотила радужную. Взрывная волна неслась к убежищу, срывая снежные лавины со всех попутных хребтов.

И вот примчалась. Ударила с ревом, грохотом, присвистом. Стены вздрогнули, перископы ослепли... Погас свет, черная ватная тишина навалилась на людей.

Робкий огонек спички вспыхнул в углу, осветил усы.

— Вы целы, Анатолий Борисович?

— А вы, товарищ Лобанов?

— Непредвиденное осложнение. Кажется, нас завалила лавина. Впрочем, Хоменко знает, где находится убежище, нас откопают со временем. Наберитесь терпения, придется посидеть в темноте.

Трегубов был потрясен. Он не думал о собственных неудобствах.

— Великолепно! Грандиозно! — восхищался он. — Скажите же, наконец, что это такое?

— Лед.

— Обыкновенный лед?

— Ну да, лед, соединение водорода с кислородом.

Вы же знаете, по Эйнштейну каждое вещество может быть источником атомной энергии. Уран взрывается сам собой, тяжелый водород «зажигается» урановым взрывом. Лед, оказывается, можно запалить антильдом. Реакция получается очень сложная, мы не разобрались во всех подробностях. Сначала происходит взрыв антивещества, вылетают мезоны, во множестве образуются мезонные атомы вместо обычных, в мезонных атомах легко возникает тяжелый водород, тяжелый водород взрывается, опять вылетают мезоны...

— Лед — источник тепла! Это парадоксально. Значит, вы просто бросаете антивещество на ледник?! Лобанов коротко рассмеялся.

— Нет, не так просто, Анатолий Борисович. К сожалению, этой реакцией нельзя управлять. Если бы вы положили запал на ледник, от взрыва треснула бы земная кора. Нет, нам пришлось делать свинцовые бомбы, класть в них лед и прятать глубоко под землю... Но на Немезиде не нужны никакие предосторожности. Пусть взрывается побольше, весь лед на полюсе. И тогда она, как ракета, полетит в противоположном направлении.

— Надо посчитать.

— Посчитаем. Время есть. Темновато, правда...

— Ничего. Будем считать в уме.

* * *

Почти полгода — с декабря до мая — исподволь готовился удар по Немезиде.

Ракету строить не понадобилось. Можно было использовать любой из межпланетных кораблей, летавших на Луну. И в распоряжение Лобанова был предоставлен последний, самый грузоподъемный — «Луна-4».

Межпланетный вокзал — стартовая установка для отправки лунных ракет — находился, как известно, на горной вершине. В любой момент оттуда могла стартовать ракета и на Немезиду.

Следовало накопить заряд антильда. Антилед —

вещество «навыворот», с отрицательными ядрами и положительной оболочкой, по виду ничем не отличается от обычного льда, но взрывается при малейшем соприкосновении со льдом, с водой, с воздухом, с любым веществом. Изготавливать его трудно и опасно, еще труднее сохранить. Лобанов держал антилед в специальных пустотных сосудах, где с помощью мощного электростатического поля антилед удерживался на весу, не прикасаясь к стенкам.

Потребовалось также подготовить обычные межпланетные расчеты: изучить трассу ракеты, подсчитать влияние Земли, Луны, Солнца, планет, Немезиды, выбрать сроки и систему управления на все варианты прохождения. Работа эта была проделана заблаговременно, и, когда выяснилось, что Немезида пройдет на расстоянии 900 тысяч километров, Лобанову нужно было только открыть шкаф и вынуть папку с вариантом № 93-А.

Папка эта и была представлена на историческое совещание 23 мая, где обсуждалась судьба двух планет.

Корреспонденты сохранили для нас все подробности этого совещания. Оно состоялось в кабинете Хоменко немедленно после Международной конференции. Вечер был душный, пришлось открыть окна. На одном из подоконников сидел Лобанов, поглаживая усы. Хоменко с указкой расхаживал возле схемы, где черной линией была изображена орбита Земли, красной — орбита Немезиды, пунктиром — новая орбита, после взрыва. В креслах сидели иностранные делегаты — голландец Ван-Бартельс, нигериец Нкрумба, Поль Дежан из Франции, Мухамед Али из Восточного Пакистана, Хуарес — чилиец и американец Джонс...

Начал Хоменко.

— Согласно уточненным данным, — сказал он, — вечером третьего июня Немезида пройдет на расстоянии девятисот тысяч километров от Земли и вызовет опустошительные приливы, раз в десять больше нормальных. Я могу зачитать подробный список городов, которые будут затоплены и частично раз-

рушены, когда волны невиданной высоты обрушатся на берега. Наша страна находится в сравнительно благоприятных условиях. У нас пострадает Архангельск, порты Дальнего Востока. Но Ленинград, порты Черного и Каспийского морей в полной безопасности. Иное дело на берегах океана. В Ла-Манше пройдет волна высотой в двадцатипятиэтажный дом. В Лондоне, Ливерпуле, Гамбурге будет чудовищное наводнение. Под водой окажется Голландия, половина Бельгии, половина Ирландии, Северная Франция... И хотя волна вскоре схлынет, разрушения будут неимоверны. Миллионы людей останутся без крова, тысячи погибнут от голода, холода, болезней... Поэтому я считаю необходимым использовать все возможности, чтобы отбросить Немезиду хотя бы на полтора миллиона километров.

— Это в наших руках, — отозвался Лобанов.

— По расчетам инженера Лобанова, — продолжал Хоменко, обращаясь к гостям, — атомный пожар во льдах Немезиды, который мы можем зажечь, придаст ей скорость около двадцати километров в секунду. Значит, чтобы отбросить Немезиду на безопасное расстояние, надо ударить заблаговременно — часов за восемь.

— И это в наших силах, — вставил Лобанов.

— Но скорость Немезиды велика. За восемь часов до прохождения она будет в девяти миллионах километров от нас. Наши межпланетные ракеты не так быстроходны. Чтобы поспеть к месту встречи, надо стартовать немедленно, завтра же. Старт подготовлен. Мы хотели бы слышать ваше мнение: надо ли ударить?

— Безусловно! — сказал голландец.

— Мы надеемся только на вас, — добавил пакистанец. — Мы не успеем достроить дамбы в дельте Ганга.

Делегаты Франции, Нигерии и США также проголосовали за огонь.

Чилиец кивнул головой.

И тогда Хоменко спросил неожиданно:

— А вы уверены, что мы имеем на это право?

Все поглядели на него с недоумением... Единогласно было решено зажечь на Немезиде атомный костер.

* * *

На следующий день ракета с грузом антильда стартовала на межпланетном вокзале.

Иностранные гости провожали ее. Для этого им не понадобилось выезжать в горы. Достаточно было подняться на лифте на пятисотметровую башню телевизионного центра.

У подножия башни они вошли в закрытый лифт, кабина вздрогнула, глухо загудел мотор — и за минуту электрический «джинн» перенес их в заоблачный мир с белыми, тугими, словно подушки, облаками. Подернутые дымкой кубики в просветах между облаками — вот все, что осталось от Москвы.

Затем открылась дверь — и новое волшебство: гости оказались в кабине ракеты. Два круглых светящихся окна смотрели из нее: на переднем виднелось звездное небо, на заднем — морщины, усеянные белыми пятнами, — так выглядели горы и тучи с высоты 200 километров.

Комната на башне была специально оборудована для наблюдения ракет-автоматов. На этих ракетах не было людей — человеческие глаза заменяли телепередатчики. Один из них передавал изображение на передний экран, другой — на задний. И наблюдателям казалось, что они сидят в ракете, могут смотреть вперед, могут оглянуться назад — на проваливающуюся Землю.

Кабина с экранами давно стала вторым кабинетом Хоменко. Не выходя из нее, он совершил немало замечательных путешествий. Он видел, как выглядит земной шар с высоты тысячи, 10 тысяч и 100 тысяч километров. Видел, как лик Луны с глазами, ртом и темной щекой превращается в чужой мир с кольцеобразными горами, видел, как Луна поворачивается на экране, показывая людям свой затылок. И позже, когда в подлинной ракете Хоменко летал на Луну, ему все казалось, что он уже побывал там:

столько раз разглядывал он каждую гору, так при-мелькались ему лунные виды.

Ракеты стартовали всегда на восток — на Луну и на Немезиду одинаково. Начало пути было знакомо Хоменко, как выезд из дачи на шоссе. Указывая на бесформенные серые и белые пятна, он уверенно называл заливы, моря, острова, перешейки, хребты и плоскогорья. Гости удивлялись. Они не узнавали ничего. Их сбивали облака, искажавшие географические очертания, ярко-белые, словно пятна известки на карте.

Где-то над Китаем, уже через несколько минут после старта ракета вступила в ночь. Задний экран потух, стал глухо-черным. А на переднем блистали звезды. Среди них без труда можно было отыскать Немезиду. Она находилась все еще в поясе астероидов и выглядела не ярче, чем Марс.

Потом на заднем экране показался свет, и в круглую раму его вписался громадный серп. Но это была не Луна, а наша Земля. Серп в отличие от лунного был разноцветный — с розовой дымкой на грани дня и ночи, со стальными морями, голубоватыми лесами и ярко-белыми снегами на одном из рогов.

В дальнейшем зрелище стало менее интересным. На переднем экране сверкали все те же звезды, на заднем виднелись два серпа — земной и лунный, как бы две буквы «С» — заглавная и строчная. Маленькое «С» двигалось проворнее, обгоняя большое. Оба постепенно уменьшались, превращались в яркую двойную звезду. Глядеть на двойную звезду сзади и одинокую впереди было неинтересно. И гости и сам Хоменко посещали башню только раз в сутки, не чаще, чтобы удостовериться, что ракета не отклонилась от рассчитанной трассы.

Так продолжалось вплоть до решающего дня 3 июня.

* * *

Хоменко приехал на башню часа в четыре утра. В этот час обычно на московских улицах светло и пустынно. Город кажется покинутым. Но сегодня во

всех окнах виднелись головы, на тротуарах и мостовых стояли группы людей и все смотрели в одну сторону, на запад, где висела непривычно яркая звезда.

Лифт вознес Хоменко над Москвой. В телевизионном кабинете было тесно. Перед каждой панелью, перед каждым экраном сидели наблюдатели: кто с блокнотом, кто с киноаппаратом. Деловитый Лобанов подошел к Хоменко, крепко встряхнул ему руку.

— Я попрошу вас распорядиться сегодня, — сказал Хоменко. — Старайтесь не отрывать меня от экрана. У меня особая задача — понять природу Немезиды. И не забывайте, что за минуту до встречи я могу отменить взрыв.

— Лучше минут за пять, — уточнил Лобанов. — Ведь наша радиограмма будет идти тридцать секунд, а нам нужно еще развернуться, набрать скорость, преодолеть тяготение.

Хоменко занял место перед специальным третьим экраном. Он был связан с телескопом, стоящим на ракете. На этом экране Немезида выглядела, как полная Луна. На обсерваториях Немезида получалась крупнее, но беспокойная земная атмосфера смазывала детали, превращала диск в волнуемое отражение. Ракета же летела в безвоздушном пространстве, ее передатчик давал подробности с безупречной четкостью.

На темном экваториальном поясе Хоменко разглядел черные крапинки, которые располагались рядами. Вулканы? Что же это за вулканы, возникающие в шахматном порядке?

Сероватые пятна были замечены астрономами уже месяц тому назад. По традиции, их называли морями, хотя всем понятно было, что в этих морях, как в лунных и марсианских, нет воды. Астрономы многих стран нанесли моря на карты, поторопились дать им имена. Теперь Хоменко мог бы при желании уточнить карту, обогатить ее множеством заливов и бухт. Но что это давало? Не очертания пятен, а их природа была важна.

Диск Немезиды рос почти на глазах. Хоменко осматривал его методично от полюса до полюса и каждый раз отмечал новые подробности. Вот на серых пятнах проступили белые жилки. Их можно проследить и на белых пятнах, но там они кажутся сероватыми. Что это такое? Возможно, горные хребты. На снежных равнинах заметнее голые каменные склоны. На сером фоне выделяются снежные вершины. Да, жилки похожи на горы, но на земные, не на лунные. На Луне горы кольцеобразные. Видимо, они характерны для небольших небесных тел без атмосферы. Немезида ближе к Земле по размерам, и горы там похожи на земные. Проследим, как ложатся жилки. Нарисуем на отдельном листе. Так, так! Уже можно уловить систему. Вот широтный пояс, вот меридиональный, а здесь совсем нет гор, скорее всего это замерзшие океаны. Океаны занимают две трети поверхности, примерно как на Земле. Горы, как на Земле, и океаны, как на Земле! Почему же насквозь промерзшая Немезида так похожа на Землю?

За размышлениями часы идут быстро. Немезида заметно выросла. Снова можно осмотреть темные пятна. Деталей никаких. Нет ли системы в их расположении? Пожалуй, есть — больше всего пятен в умеренных поясах и поблизости от экватора. А у полюса и в субтропиках их нет. Сравним с Землей. На Земле так располагаются леса.

Но какие же леса при двухсотградусном морозе вдали от Солнца? Ведь Немезида явилась из вечной тьмы...

Хоменко вскакивает и садится. Он задыхается от волнения. Какая жалость, что он не может вместе с ракетой перенестись на Немезиду! Какая жалость, что судьба Архангельска, Голландии и Ирландии заставляет нас отталкивать Немезиду, вместо того чтобы придвинуть и рассмотреть ее получше!

Допустим, люди переселились бы на Немезиду. Конечно, они бы заняли долины степных рек, поставили бы города в устьях рек, вершинах дельт...

А это бесформенное пятнышко — не остатки ли города?

— Мчится мимо Земли гигантский музей. Уничтожить его, сжечь атомным огнем — почти преступление перед наукой.

— А Лейденский университет, музеи Амстердама и Гааги, Роттердамский собор, — напоминает голландец.

— Да, приходится жертвовать Немезидой!

Мешает сосредоточиться Лобанов:

— Виталий Григорьевич, обратите внимание на цифры. Целый поток частиц с высокой энергией!..

И вдруг... Немезида исчезает. Слышится треск. Широкие светлые полосы бегут по экранам. Даже с панелей исчезли цифры, показывающие расстояние до Немезиды.

Зря пропадают драгоценные минуты. Техники с растерянными лицами заглядывают под крышки аппаратов. Ток есть, но все экраны не работают. Причина какая-то простая, общая, единая для всех...

— В пространстве что-то происходит. Какая-то зона не пропускает радиоволны, — говорит Лобанов. — Могут быть там облака ионизированного газа? Или узкие потоки космических лучей?

— Все может быть. Много неизвестного в пространстве.

— Попробую на самых коротких волнах, — бормочет Лобанов.

— Эх, лучше бы я сидел на какой-нибудь обсерватории! Доброе старое стекло надежнее, — говорит Хоменко и идет к телефону.

В Европе Немезида сейчас не видна. Межпланетный комитет связывает его с Пекинской обсерваторией.

— Наблюдают ли там Немезиду?

— Видим хорошо, — отвечают китайцы.

— А ракету?

— Нет, ракета слишком мала, чтобы разглядеть ее...

— По расчетам, через четыре минуты встреча, — говорит Лобанов.

На экранах по-прежнему широкие светлые полосы.

Лобанов смотрит на Хоменко. Хоменко на Анатолия Борисовича.

Как же быть?

— Давайте сигнал взрыва! — говорит Хоменко.

Лобанов нажимает кнопку. Ударить приходится вслепую. Сейчас ракета грохнется на льды Немезиды и начнется пожар.

Осталась одна минута.

Сейчас.

И еще тридцать секунд свет вспышки будет лететь до Земли.

— Пекин! Видите вы Немезиду? Она вспыхнула?

— Нет.

— Вспыхнула?

— Нет.

— А сейчас?

— Нет.

И минуту спустя:

— Нет.

Хоменко кладет трубку.

У Лобанова вытянутое лицо, усы горестно повисли.

— Надо подождать, Виталий Григорьевич, — говорит он. — У ракеты следящее устройство. Она еще догонит Немезиду.

Но Хоменко уже все подсчитал. И он отвечает спокойно и грустно:

— Инженер обязан не забывать арифметики, товарищ Лобанов. Скорость Немезиды триста километров в секунду, а нашей ракеты — тридцать с небольшим.

Никто не возразил Хоменко, нечего было возразить. Удар не состоялся.

5

Отсчитывая 300 километров каждую секунду, Немезида приближалась к Земле, и уже никто не мог ее задержать.

Неужели космическая катастрофа?

Эти последние тревожные дни Трегубов провел за рубежом.

В минуту опасности человек становится откровеннее, показывает свое подлинное лицо: патриот спасает знамя, трус — свою шкуру, скупец — деньги, изобретатель — расчеты и чертежи.

В эти дни Анатолий Борисович увидел капиталистический мир без прикрас. Сразу же после окончания конференции он выехал на побережье, где имелись специальные машины для расчета приливов. Казалось бы, задача проста: стой у машины, следи за цифрами, исключай ошибки. И Трегубов собирался всю неделю провести в машинном зале. Но вместо этого ему пришлось по восемь часов в день принимать встревоженных посетителей, объяснять, уговаривать, спорить, доказывать.

Некоторые визитеры только расспрашивали. Они не доверяли властям, желали убедиться, что опасность действительно угрожает (или не угрожает) их собственному дому, их собственной лавочке, собственной фабрике. И тревога их была не напрасна. Сплошь и рядом выяснялось, что граница опасной зоны была определена неверно, потому что так было выгоднее тому или иному влиятельному лицу.

Но были и такие посетители, которые не только спрашивали, но и пытались повлиять на расчет. Владелец завода хотел вывезти оборудование и требовал затопляемую зону объявить незатопляемой, чтобы беженцы не загромождали дорогу... Владелец железной дороги хотел незатопляемые районы зачислить в угрожаемые, чтобы ему заплатили тройную цену за проезд туда и обратно. Получив отпор у Трегубова, спекулянты шли к его помощникам, к техникам, к землемерам, к корректорам. Анатолию Борисовичу приходилось проверять каждый документ: всюду находились «нечаянные ошибки». Он уволил двух недобросовестных работников — на другой день пришло анонимное письмо с угрозами...

— К кому вы послали меня? Я не привык к такой обстановке! Здесь не люди, а беснующиеся частники! — жаловался Трегубов Жевьеру.

— Вы ошибаетесь, — сдержанно отвечал тот. — Просто настоящие люди не надоедают вам, они добросовестно выполняют распоряжения. И вы их не замечаете, видите только дрянь, которая сопротивляется. Впрочем, — добавил он с грустью, — читайте газеты. Вы увидите, что и меня осаждает всякая мразь.

Жевьер занимался снаряжением «наследников человечества». Из ста четырнадцати человек в его стране надо было набрать двенадцать. Но вокруг этих двенадцати поднялась свистопляска.

В чистые руки хотел передать Жевьер наследие человечества. Он намеревался послать в пространство людей молодых, сильных, здоровых и талантливых.

Но сразу же получил «сюрприз»: один из кандидатов, которому разрешили ехать с женой, срочно развелся и женился на дочери миллионера — парфюмерного фабриканта. Миллионер хотел купить таким способом безопасность своей наследнице...

Жевьер надеялся отобрать знающих людей, специалистов своего дела. Солидная газета «Экономист», сорок лет уверявшая, что в стране исчезла противоположность между трудом и капиталом, потребовала справедливости. «Половина мест должна быть отдана нанимателям, половина — наемным служащим», — утврждала она.

— Ни одного негра за пределы Земли! — надрывалась заокеанская «Южная газета».

А некий сенатор внес в сенат запрос: «Не угрожает ли всеобщей безопасности посылка в пространство не проверенных сенатской комиссией людей? Ведь они будут располагать всеми секретами человечества».

И вот наступил решающий вечер — 3 июня. Немезида взошла на востоке, как только закатилось солнце. И толпы встревоженных наблюдателей ахнули. Да, теперь все убедились, что опасность приближается. Еще вчера на небе виднелась лишняя звезда, пусть очень яркая, но все же звезда. А сей-

час над крышами и деревьями медленно всходило золотое яблоко, нечто невиданное — не звезда и не Луна.

Анатолий Борисович в этот час подъезжал к столице. Дорога была забита беженцами. Трегубов потратил полдня на каких-нибудь 150 километров. По шоссе мчались грузовики с мебелью, легковые машины с чемоданами, навьюченными на крыши, шли пешеходы с узлами, везли имущество в детских колясочках, садовых тачках. На перекрестках какие-то люди врывались в машину Трегубова, требовали места, размахивая деньгами или револьверами. У мостов возникали пробки, автомобили сталкивали друг друга под откос. Не было порядка, не было полиции, одни лишь мятущиеся толпы, повторяющие самые дикие слухи.

И в столице на улицах стояли люди. Проехать было невозможно. Трегубов выбрался из машины, чтобы пешком дойти до Дворца науки, нырнул в толпу... и почувствовал себя щепкой в водовороте. Толпа бурлила, в ней возникали струи, потоки, завихрения. Трегубова понесло в какой-то переулок, затем через проходной двор к уличному телеэкрану. Хорошенькая дикторша со слипшимися от краски ресницами мрачно вещала:

— До Немезиды сейчас шесть миллионов километров, господа!

Магазины были закрыты железными ставнями, бойко торговали только винные лавки. Во многих местах пьяницы, возмущенные тройной ценой, врывались силой и даром забирали бутылки. Вместе с алкоголиками лавки громили и полицейские. В подворотнях кричали: «Караул, грабят, на помощь!» Грабители рангом повыше не лезли в карман, они навязывали билеты на Обетованные Антиподы, места в несуществующих ракетах, новейшие гороскопы «с научным» предсказанием судьбы. Небритый монах, подпоясанный веревкой, продавал отпечатанные на машинке пропуска в рай. На пропусках был указан номер райских врат, печать апостола Петра и приписка: «Подделка преследуется вечным проклятием».

— Немезида приближается! До нее пять миллионов километров, господа!

С величайшим трудом Анатолий Борисович проврался на площадь Дворца науки. Перед монастырской стеной на коленях стояли монашки и пели нестройным хором. Священник в белой одежде призвал окружающих присоединиться. Какие-то кликуши бились лбом об асфальт, визгливо крича о своих грехах.

— Немезида приближается!..

Эти слова звучали как припев к трагическому хору испуганных, оплакивающих свою гибель.

Седой старик в очках, назидательно тряся пальцем, утешал собравшихся:

— Господа литераторы не раз описывали сближение миров. У Герберта Уэллса есть роман о проходящей комете и рассказ о проходящей звезде. Все сбывается точно, каждая строчка. Пожары, потопаы и наводнения. Но потом звезда пройдет, и все станет лучше на Земле. И теплее, и люди разумнее...

Для чего-то по радио начали передавать корреспонденцию с побережья. Развязный диктор рассказывал скороговоркой:

— Мы стоим перед полосой отлива. На обнаженном дне в лужицах ползают крабы. На горизонте гигантский вал. Он наступает. Вы слышите шум? Вот уже первая волна набежала на берег. Пляж под водой. Всплыли купальные кабинки, лежанки, соломенные кресла. Вода подступает. А вот на пороге рыбацкой хижины я вижу старика. Почему вы не уехали, дедушка? Вы не боитесь прилива? Скажите нашим радиослушателям.

И шамкающий голос раздался на площадях столицы:

— Отстаньте, все вы с ума сошли. Семьдесят лет я вижу прилив и отлив. Вода никогда не доходила до моего дома. При чем тут звезды? Звезды и приливы были и есть. Все на своем месте...

— Немезида приближается! Четыре миллиона километров до нее!

В девять вечера по телевидению передали проща-

ние с наследниками. Три ракеты, принадлежавшие родине Жевьера, готовились покинуть Землю. Словно три свечки у изголовья усопшего, стояли они торчком на ровном поле. Наследники, одетые в скафандры, прощались с рыдающими родственниками...

— Немезида приближается, господа!

Не надо было напоминать. Все и так видели, что она приближается. Золотое яблоко превратилось в апельсин, апельсин все рос и рос. Хорошо виден был знаменитый поясок на экваторе и пятна, подобные лунным морям. Потом взошла и Луна. Она была больше по размеру, но светила, пожалуй, слабее. У Луны свет был латунно-желтый, а у Немезиды почти белый, даже с голубизной. Сверкала она так, что глазам было больно.

Часам к десяти вечера диски Луны и Немезиды сравнялись. На небе сияли как бы две Луны, обе на ущербе, освещенные слева, темные справа. Они сближались, причем зрителям казалось, что Луна догоняет Немезиду. Словно отважный одинокий воин, вышла она навстречу пришельцу. Снова поползли слухи о столкновении, о том, что Луна рухнет на Землю и всех раздавит.

— До Немезиды два миллиона километров, господа!

Луна и Немезида сближались. Два светлых круга сияли рядом. Вот они слились, превратились в восьмерку.

Но столкновения не было. Немезида проходила гораздо дальше Луны. На левом краю Немезиды обозначалась явственная выемка. Луна заслоняла ее край.

Первое и последнее в истории затмение Немезиды продолжалось около двух минут. Вскоре ее край появился вновь. Сначала на левой «щеке» Луны показалась припухлость, как бы флюс, затем Луна растянулась, превратилась в восьмерку, раздвоилась. И снова два светила сияли рядом, одно ярче другого.

Хорошенькое лицо дикторши появилось снова.

— До Немезиды миллион семьсот тысяч километ-

ров, — сообщила она безрадостно. — Измерения продолжают непрерывно...

Трегубов в это время стоял во Дворце науки рядом с Жевьером и флегматичным Липпом. Каждые три минуты они получали сообщения от радиолокаторов, каждые три минуты остро отточенным карандашом Липп ставил точку на миллиметровке, тонкой линией соединяя ее с предыдущими. И три головы склонялись над графиком, чтобы по форме чуть изломанной линии угадать судьбу планет.

— Чувствуешь обидную беспомощность, — сказал Жевьер. — Эта Немезида издевается над наукой. Лучшие силы мировой науки вычислили график ее движения. А она идет по-своему, совсем иначе.

— Но кривая плавная, и она приближается к экстремуму, — заметил Липп.

Жевьер не согласился:

— Сейчас кривая плавная, но она переломилась восемнадцатого мая и вторично переломилась сегодня днем. Откуда мы знаем, куда повернет Немезида через минуту?

Так выглядела для них мировая трагедия. Цифры и точки, цифры и точки. По точкам строилась кривая — плавная или изломанная. Плавная вела к спасению, перелом — к катастрофе.

Новые сведения. Точка ложится в стороне от кривой, заметно ближе к Земле. Перегиб или ошибка локатора? Следующее измерение покажет. Надо подождать три минуты.

Три минуты напряженного молчания. Хорошо, если ошибка. А если перегиб? Страшно подумать, к чему приведет перегиб. Это уже не приливы, не потоп — это гибель! Точки и цифры, цифры и точки! Глядя на них, Жевьер багровеет, бледность покрывает лицо Липпа, Трегубов втягивает голову в плечи, как будто удар состоится сейчас, в это мгновение. Медленно ползет секундная стрелка. Липп длинным желтым от табака ногтем проводит на миллиметровке черту:

— Все будет кончено, если Немезида дойдет до сих пор...

* * *

...Анатолий Борисович приехал на телевизионную студию в десять часов тридцать минут.

И в телетеатрах, на площадях и улицах города, в квартирах и клубах возникли сотни тысяч Трегубовых. Сам того не ощущая, Анатолий Борисович заглянул в миллионы глаз. С первых же его слов все обернулись к нему. Даже монашки на площади прекратили пение. Затаив дыхание город смотрел на губы Анатолия Борисовича. Что они скажут: «Живите!» или: «Прощайтесь, люди!»

И, как бы почувствовав общее нетерпение, Анатолий Борисович набрал воздуха в легкие и крикнул:

— Она удаляется! Опасность миновала!

Он говорил еще о том, что орбита Немезиды вновь изменилась. Она прошла на 600 тысяч километров дальше, чем предполагалось, и даже прилив будет не в девять раз, а только в полтора раза больше обычного... Но никто уже не слушал эти подробности. Опасность миновала! Тысячи и тысячи людей восторженно целовали телевизоры, где еще виднелось лицо Трегубова. На улицах гремели крики «ура». Незнакомые люди обнимались, молодые и старики пускались в пляс. Пьяницы, пившие по случаю гибели, требовали вина, чтобы выпить за спасение. Монашки, только что просившие бога пустить их в рай, запели еще громче, хваля бога за то, что он избавил их от рая...

* * *

И Немезида прошла. Была — и нет ее. Исчезла, как наваждение, как дурной сон. К утру вторая Луна превратилась в золотое яблоко, а на следующее утро и яблока не осталось. Над горизонтом взошла вторая утренняя звезда.

Люди опомнились. Хитрецы, наловившие рыбки в мутной воде, уселись подсчитывать барыши. Простаки, попавшиеся в сети, очнулись голыми и нищими. Впрочем, многие из них радовались: «Спасибо, что

сами целы». Жулики вновь попрятались, спекулянты занялись другими делами, и только священнослужители не забывали Немезиду. «Господь бог внял нашим молитвам и отвел карающую длань, — утверждали они. — Помните о последнем предупреждении, люди, не переполняйте чашу. Только молитвой, постом и щедрыми даяниями церкви вы избавите себя от новой Немезиды».

Ученые страстно спорили: что же такое Немезида? Им так и не удалось рассмотреть ее как следует. В сущности, только ночь на 3 июня была благоприятной для наблюдений. Но именно в эту ночь все астрономы решали другой вопрос: как пройдет Немезида, не столкнется ли она с Землей? А затем с каждым часом условия для наблюдений становились все хуже. Немезида удалялась со скоростью 300 километров в секунду. Через сутки она выглядела как Венера, и наблюдать ее было не легче. В довершение трудностей Немезида перешла теперь на дневное небо. Она приближалась к Солнцу и тонула в его лучах. 8 июня она прошла свой перигелий — точку, ближайшую к Солнцу. 9-го — Немезиду видели в последний раз. Солнце «затмило» ее окончательно.

И затем Немезида исчезла. Что произошло с ней?

Некоторые предполагали, что она упала на Солнце и растаяла, как капля стеарина. Ждали, что на Солнце будет новое пятно, как бы шрам от удара. Но даже пятна не оказалось. Неужели Немезида испарилась бесследно? А может быть, она не падала вообще, просто Солнце заслоняло ее от нас, а затем астрономы не сумели разыскать странницу где-то за орбитой Юпитера?

Если вопросов слишком много, а ответов ни одного, интерес к делу падает. Упал интерес и к Немезиде. По той или иной причине она удалась навеки и уже не могла волновать жителей Земли. Даже астрономы все меньше рассуждали о ней.

И никто не предполагал, что вскоре Немезида снова будет у всех на устах и газеты всего мира опять будут твердить: «Немезида, Немезида, Немезида!...»

В связи с посылкой 114 наследников в мировое пространство в различных странах были оборудованы межпланетные корабли. Когда опасность миновала, они благополучно вернулись на Землю, истратив только горючее. Встал вопрос: на что употребить этот могучий межпланетный флот? Не направить ли совместные усилия на покорение Марса и Венеры? Для обсуждения этой проблемы была созвана международная конференция.

Анатолий Борисович присутствовал на ней и, конечно, выступал. Речь его была записана на проволоку, поэтому можно воспроизвести ее слово в слово. Если хотите, вы можете услышать даже аплодисменты, приветственные крики и чей-то голос, произносящий: «Это тот, который открыл Немезиду?»

Очевидно, Анатолий Борисович услышал эти слова, потому что начал свою речь так:

— Некоторые связывают мое имя с Немезидой. Действительно, так уж случилось, что последние полгода я пишу, говорю и думаю только о Немезиде.

Вот и сегодня, хотя все мы собрались, чтобы обсуждать полет на Марс, я намерен сказать несколько слов о Немезиде. Надеюсь, что это небольшое отступление не будет идти вразрез с повесткой дня.

Так вот, чтобы благополучно вернуться из путешествия домой, нужно, само собой разумеется, знать адрес дома. На Земле это не проблема, а в космосе не так просто. Ведь наш дом — земной шар — движется в пространстве со скоростью около тридцати километров в секунду. До сих пор мы знали маршрут Земли достаточно хорошо. Но вмешалась Немезида и нарушила земную орбиту.

В момент наибольшего приближения Немезида притягивала Землю раз в тридцать слабее, чем Солнце. Одна тридцатая — величина все же заметная. Своим притяжением Немезида исказила земную орбиту, внесла возмущение, как говорят астрономы. Зная это, мы внимательно изучали возникшие изменения,

и оказалось, что не все они объясняются кратковременным прохождением Немезиды.

Я могу уведомить вас, друзья, что земной год удлинился на целых восемнадцать минут! Удлинилась земная орбита, она изменила свою форму. Раньше мы обращались вокруг Солнца по эллипсу, теперь по кругу. Я сказал: «Мы обращались вокруг Солнца», — это не совсем точное выражение. На самом деле мы и Солнце обращались вокруг общего центра тяжести. Мы описывали громадный путь, но с гордостью можем сказать, что Земля передвигала и Солнце примерно на девятьсот километров за полгода. Теперь, увы, Солнце не двигается. Центр тяжести совпадает с центром Солнца. У нас появился как бы противовес, находящийся за Солнцем и по массе равный Земле. Откуда взялся противовес? Я могу дать только одно объяснение: Немезида не ушла. Она не упала на Солнце и не сгнула в мировых просторах. Немезида застряла в солнечной системе, и, как нарочно, на земной орбите, и, как нарочно, движется с такой же скоростью, как Земля, так что Солнце заслоняет ее от нас.

Я дважды повторил «как нарочно», и, пока я буду говорить о Немезиде, мне все время придется твердить: «как нарочно, как нарочно...» Еще не бывало небесного тела, движения которого отличались бы таким набором нарочитых случайностей.

Немезида прибыла к нам — об этом можно говорить с уверенностью — из системы сравнительно близкого к нам солнца, от звезды 7327. Примерно одиннадцать тысяч лет назад, когда астрономическая наука у нас еще не существовала, чудовищный взрыв выбросил в пространство один из спутников звезды 7327 — планету, которую мы назвали Немезидой. Но выброшенная нечаянным взрывом планета, как нарочно, угодила в одну из ближайших систем — в нашу солнечную. Событие почти невозможное, астрономы понимают это. Если я сейчас выстрелю, зажмурив глаза, и убью лисицу в соседнем лесу, такая удача вероятнее, чем попадание Немезиды в солнечную семью.

И все же она попала к нам. Пролетев одиннадцать тысяч лет по инерции, Немезида явилась в солнечную систему. Здесь оказалось просторно, Нептун и Уран остались правее. Сатурн и Юпитер — левее. И вдруг досадная неприятность, мелочь: какая-то Лапута должна грохнуться на Немезиду. Но как раз в это время на Немезиде возникают таинственные вспышки. Благодаря им или по другой причине ее движение притормаживается, и Лапута успевает проскочить.

Дальше. Немезида приближается к Земле. Столкновение не угрожает, но ожидаются беспрецедентные приливы, настоящий потоп на Земле. Однако за несколько часов до прохождения возникают новые вспышки, и Немезида меняет орбиту. Ее относит в сторону, она, с позволения сказать, объезжает Землю, как автомашина объезжает застрявший на дороге воз. Снова счастливая случайность! Немезида проходит на шестьсот тысяч километров дальше, Земля избавляется от катастрофических приливов, а сама Немезида — от еще более грозной опасности. Не секрет, что мы хотели оттолкнуть Немезиду, устроив на ней атомный пожар. Но мы стреляли по движущейся цели, а цель метнулась в сторону, и пуля наша не догнала ее.

Следующие вспышки наблюдались девятого июня, когда Немезида уже удалялась от нас. По-видимому, эти вспышки, самые сильные и продолжительные, сняли чудовищную скорость. Сняли, как нарочно, вовремя. И Немезида осталась с нами — новый член семьи, брат в солнечной системе.

В прессе неоднократно высказывались мысли о том, что Немезида когда-то была пригодна для жизни. В атмосфере там имеется кислород, на поверхности — снег, то есть замерзшая вода. Конечно, жизнь, если она и существовала там, за последние одиннадцать тысяч лет была выморожена без остатка. Но в благоприятных условиях жизнь могла бы возродиться. И что же мы видим? Немезида останавливается на орбите, наиболее удобной для жизнедеятельности белка. Ближе к Солнцу жарко, дальше от Солнца холодно. На Земле условия для жизни лучше,

чем на Марсе или на Венере. И Немезида, как нарочно, выбирает земную орбиту и, как нарочно, занимает на ней самую устойчивую позицию, так, чтобы не мешать Земле и чтобы Земля не мешала Немезиде.

Не слишком ли много нарочитых случайностей, не слишком ли много счастливых совпадений? И не кажется ли вам, дорогие друзья, что Немезида совсем не похожа на блуждающее небесное тело? Скорее, она напоминает межпланетный корабль, летящий от одной звезды к другой и по пути обходящий препятствия...

Из зала мне кричат: «Великовата ракета. Пассажиры с Америку ростом, что ли?» Минуточку терпения! Я поставил вопрос, он требует ответа. Сейчас объясню, что я имею в виду.

Представьте себе, что вы живете не под нашим Солнцем, ласковым и щедрым, а в окрестностях другого — красноватого, с большими темными пятнами, с температурой поверхности всего лишь в три тысячи градусов, совершенно достаточной для электрической печи, а для Солнца слишком скромной. Вы живете под лучами немого, умирающего солнца, которое в наших каталогах числится как звезда 7327.

Вы жители ближайшей к солнцу планеты, так как только на ближайшей хватает тепла. И называете свою планету Немезидой.

У вас длинные зимы и прохладное лето. Но к длинным зимам вы приспособились, не в том беда. Хуже всего, что холодные красные звезды, похожие на 7327, светят неравномерно. Они заплывают огромными пятнами и могут подарить вас тысячетлетней зимой. А жизнь, друзья мои, любит режим — условия устойчивые и равномерные. Ей нужно, чтобы лето бывало каждый год, чтобы каждый год регулярно собирались урожаи. И перед жителями Немезиды стояла неведомая нам проблема создания тысячетлетних запасов пищи, проблема возобновления растительности, проблема вековых прогнозов температуры и светоотдачи их нерадивого солнца.

И вот, допустим, получен прогноз: «Наступают

тяжелые времена. В ближайшие сто тысяч лет солнышко будет светить худо, планету засыплет снег. В умеренных странах начнется оледенение. Растительность вымерзнет даже на экваторе...»

Как спастись? Ученые ломают головы. Уничтожить пятна, оживить солнце им не под силу. Зарыться в грунт, жить в пещерах, выращивать там злаки при искусственном освещении? Но кто знает, какие еще условия будут через сто тысяч лет? И не хочется, чтобы дети, внуки и правнуки твои жили под землей, как кроты.

Тогда возникает смелая идея. «Давайте покинем наше выдохшееся солнце, — говорят ученые Немезиды. — Переселимся к другому солнцу, зрелому, полному сил, хотя бы к тому, которое сверкает яркой звездой в созвездии Рыб».

Переселиться к другому солнцу! Разве это мыслимо? Да, дорогие друзья, мыслимо. При современном состоянии земной техники невозможно, но уже мыслимо. Нужно только добывать атомную энергию из любого вещества, не только из урана и водорода, и в совершенстве управлять этой реакцией. Грубо говоря, если превратить в лучи тысячную долю ракеты, все остальное полетит в противоположном направлении в тысячу раз медленнее света. Именно так и сделали жители Немезиды. Они превратили в лучи тысячную долю своей планеты, выпустили эти лучи снопом и вылетели из своей солнечной системы со скоростью около трехсот километров в секунду. Это случилось одиннадцать тысяч лет назад. Немезида ушла из своей солнечной системы, выбросилась из нее.

После торжественного и грустного праздника прощания какой-нибудь древний старик, старейший житель планеты, нажал кнопку старта, и Немезида погрузилась в глубокий сон.

А жители? Неужели все они пожертвовали собой ради отдаленных потомков? Не думаю. Вероятно, они заснули. Наши врачи научились с помощью наркотиков и холодной воды затормаживать жизнь и сознание на несколько часов. Жители Немезиды — суще-

ства, умеющие перегонять планеты, — наверное, сумели погрузиться в сон на одиннадцать тысяч лет. Во всяком случае, я бы посоветовал им решить проблему анабиоза, прежде чем отправляться в путь.

И вот в глубоких пещерах они уснули, как пассажиры ночного экспресса, чтобы проснуться к утру, когда поезд будет подходить к станции назначения.

Остались только дежурные — для наблюдений, для управления, для ремонта, для того, чтобы сохранять спящих. Они тоже жили под землей рядом с холодильниками-спальнями и по радио управляли атомными реакциями. Изредка в герметических скафандрах они выходили на поверхность и, стоя по колено в жидком воздухе, проверяли положение Немезиды, высчитывали, сколько пройдено, сколько осталось. Закончив срок дежурства, они будили, лучше сказать — «оттаивали» очередную смену, а сами отправлялись «соснуть» несколько тысяч лет до прибытия.

Для спящих время проходит быстро. Немезида безмолвно мчалась в пространстве, а у нас на Земле за это время родилась цивилизация, возникли и пришли в упадок Египет, Вавилония, Рим и Афины, рабовладельческий строй сменился феодальным, вырос капитализм с машинной промышленностью, и, наконец, появились мы, строители коммунизма. Пришел век атомной энергии... А Немезида все шла и шла на свидание к нам, отсчитывая триста километров каждую секунду.

И вот решающий год. Оранжевая звезда в созвездии Рыб, которую мы называем Солнцем, стала Солнцем и для Немезиды. Задымился, испаряясь, замерзший воздух, странствующая планета вновь окуталась атмосферой. Дежурные астрономы жадно изучали солнечную систему. Они открыли Нептун, Уран, Сатурн... и нашу Землю тоже! Кто знает, как они ее назвали, в честь какой упраздненной богини? Они любовались кольцами Сатурна; полосатый Юпитер проплыл в стороне. Для невооруженного глаза он выглядел, как горошина. Затем — это было семнадцатого мая по нашему летосчислению — радиолокаторы Не-

мезиды отметили приближающийся астероид — Лапуту. Летящая гора грозила рухнуть на Немезиду, взорвать кусок поверхности, раздавить множество пещер. Но путники своевременно включили атомные вулканы и притормозили Немезиду. Столкновение не состоялось. Второй раз они включили реакторы утром 3 июня, чтобы обойти Землю, избавить нас от разрушительных приливов и себя от атомного пожара.

Почему мы не воспользовались этим моментом, чтобы высадиться на Немезиду? Я скажу откровенно: мы хотели бы высадиться. Но Немезида шла слишком быстро. Чтобы спуститься на нее благополучно, нужен был межпланетный корабль, способный развить скорость более трехсот километров в секунду. Таких кораблей у нас нет. На ракете, посланной нами, стоял телепередатчик, мы надеялись рассмотреть Немезиду вблизи. Но Немезида изменила курс, и наша ракета промахнулась на двести тысяч километров. Вины нашей тут нет. Будь перед нами бессмысленная каменная глыба, мы отшвырнули бы ее. Но Немезида не глыба, это пассажирская планета с разумными машинистами. Как и мы, они стремились избежать катастрофы и сумели сделать это. Инертная материя подчинилась разуму, планеты разошлись, как поезда на разъезде, покорные диспетчеру.

А пока мы тут с волнением следили за приближением Немезиды, ее жители с таким же волнением и любопытством смотрели на нашу Землю. И, может быть, именно в те дни раздался, наконец, возглас, завершающий одиннадцатитысячелетнее ожидание: «Проснитесь, спящие!»

Закройте глаза на миг, представьте себе чужую планету. День или ночь, не разберешь. Спящее Солнце заливает светом снежную равнину. Искрятся жесткие сухие снежинки, чуть вьется пар над прозрачными лужами... От сверкающей белизны больно глазам. А над головой угольно-черное небо с пылью звезд, прозрачная кисея Млечного Пути, и на фоне его одна звезда всех ярче — не блеска,

не светлячок, а массивный брильянт на бисерном пологе неба.

На нее, сверкающую, и смотрят трое в скафандрах. У них телескоп, аппараты в лакированных ящиках, где мелькают цветные кривые и светящиеся цифры. Трое смотрят то на небо, то на экраны аппаратов, и один из них говорит громко: «Проснитесь, спящие, мы у цели!»

Снежная равнина нема и глуха. Нет на ней воздуха, одиннадцать тысяч лет назад он замерз и превратился в прозрачные лужи. Ветер не воет над ней, снег не скрипит под ногами, обледеневшие растения не шелестят листвою. Слова гаснут на поверхности скафандра, но радио подхватывает их, и умершие звуки рождаются вновь там, где воздух имеется, — в скафандрах спутников и в далеких подземельях, где спящие лежат рядами, неподвижные, как изваяния.

«Проснитесь!..»

Слова эти слышит только дежурный. Как и те, наверху, прежде всего он смотрит на экран с кривыми. Он проверяет температуру, он обходит спящих одного за другим, осторожно притрагивается к каждому и, уверившись, что время пришло, включает усилитель. Тогда голос вверху, удешаженный электрической гортанью, грохочущими раскатами наполняет помещение: «Проснитесь, спящие!..»

...Мне тут прислали из зала записку. Автор ее спрашивает: почему жители Немезиды не прилетели к нам, если техника у них так высока? Дорогой друг, за Немезиду я не могу отвечать с такой определенностью, как за Землю. Но лично я на месте немезидян не стал бы прилетать так поспешно. Когда я приезжаю в чужой город, я сначала ищу гостиницу, а потом уже знакомлюсь с соседями. Немезида еще не отогрелась, температура в то время была минус сто восемьдесят — двести градусов. Разбуженное население все еще ожидало в подземельях. Едва ли для всех поголовно были подготовлены скафандры. А дежурная смена готовилась к выходу на окончательную орбиту. Возможно также, что атомные вулканы выбросили слишком много радиоактивной пыли, и нуж-

но было долго ждать, пока она обезвредится. В таких условиях я бы ограничился осмотром издалека. Вообще не обязательно все пробовать пальцем. Вероятно, жители Немезиды осмотрели Землю с помощью телескопов, более совершенных, чем наши. Возможно, они послали на Землю автоматические ракеты. Для межпланетного путешествия, мы знаем, чем меньше приборы, тем выгоднее. Ракеты немезидян могли быть размером с вишню. Может быть, мы просто не заметили их?..

Я высказал сегодня много догадок. Одним они пришлось по вкусу, другим — нет. Но мы спорим не о вкусах. Задача состоит в том, чтобы проверить догадки и установить истину. Такая возможность есть. В распоряжении жителей Земли имеется более двадцати межпланетных ракет. Я предлагаю не все отправлять на Марс и Венеру — одну или две выделить для путешествия на Немезиду!..

Вероятно, это было самое значительное выступление в жизни Трегубова. Речь его встретили восторженно, шумными аплодисментами, криками «ура». Человек сорок из числа присутствующих немедленно прислали в президиум записки с просьбой зачислить их в экспедицию на Немезиду. На Марс и на Венеру желающих было меньше. Скептики молчали улыбаясь. Скептики вообще народ осторожный, публично ругаться не любят, предпочитают в ученых комиссиях высказывать вежливые сомнения. Но один из них все же не вытерпел. Имени его мы не знаем. Проволока запечатлела только голос — резкий и визгливый.

— Бездоказательно! Построено на песке! — кричал он. — Немезиды за Солнцем нет. Вы вернетесь с пустыми руками. Над вами будут смеяться!

Трегубов остановил поднявшийся шум.

— Пускай смеются, — сказал он. — Если мы не догоним Немезиду, нам будет труднее. Не найдя Немезиды, мы вынуждены будем ее создать. И технику перемещения планет придется изобретать самостоятельно. Но изобретать все же придется, ибо перемещением планет мы когда-нибудь займемся, если не

в двадцатом, то в двадцать третьем веке. Ничего удивительного тут нет. Во всякой науке за описанием следует использование, за использованием — изменение, перемещение, переделка. Науки о растениях и животных давно уже находятся в стадии переделки, а в астрономии мы все еще заняты описанием, потому что объекты у нас далеки. Но жители Немезиды уже начали переделку. И мы начнем. Ибо солнечная система не так уж хорошо устроена. Планет, пригодных для жизни, мало: те велики, те малы, эти близки к Солнцу, а другие слишком далеки. А не стоит ли перевести Марс и Венеру на земную орбиту, подтянуть поближе к Солнцу Уран и Нептун со спутниками? И если привести сюда же Юпитер и Сатурн, то как расположить их, чтобы своим притяжением они не мешали другим планетам? Я, например, предложил бы поместить Юпитер на наше место, а Землю сделать его спутником... Впрочем, этим займется в свое время наука о переделке планет астротехника — наука, которой пока еще не существует. И тогда мы сделаем вторую Немезиду из какого-нибудь Титана. Мы снабдим планету-корабль хорошей атмосферой и заселим ее энтузиастами. Представляете себе, какая удивительная жизнь ждет этих людей? День продолжается у них два-три года, пока они исследуют очередную планетную систему, а затем следует ночь на пять-десять тысяч лет, искусственный сон в подземельях, вплоть до прибытия к следующему солнцу. А в итоге, осмотрев двадцать систем, с грузом наблюдений они вернутся на Землю, где прошло за это время больше ста тысяч лет... Хотели бы вы прожить такую жизнь?

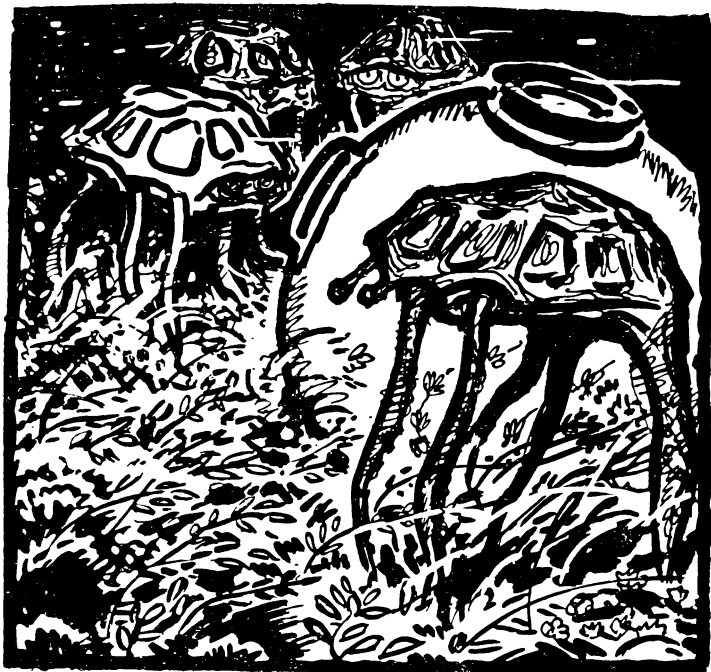
* * *

Крики, рукоплескания. Три минуты, и пять, и десять я слушаю приветственный шум. Наконец щелкает автомат-выключатель, и с легким шипением магнитофон останавливается. Ватная тишина. Я один в тесной кабине фонотеки, наедине с провололочкой, которая сохранила для меня давно умолкнувший голос и фантастическую мечту ученого.

Астротехника! Такой науки все еще нет. Планеты ходят по своим невидимым рельсам, машины не рассчитывают для них новые орбиты. Но лет через сто, когда межпланетные путешествия станут привычными и будничными, когда на Марс, на Венеру или на Немезиду люди будут ездить по туристским путевкам, чтобы полюбоваться невиданными куполами и башнями чужепланетных городов, не скажут ли они с иронической усмешкой: «Подумаешь, перемещать планеты! Давно уже сделано! Не проблема!»

Интересно, какие проблемы люди поставят тогда, о чем они будут мечтать?

И И О Р А Д Р А К О Ч А

1

Черный круг плывет по звездному бисеру — матовое блюдо с мутноватыми краями. На одном краю звезды меркнут, чтобы полчаса спустя возродиться на другом краю. Знакомые созвездия, только здесь они ярче и узор их гораздо сложнее. В одном из них — в созвездии Летучей Рыбы — лишняя звезда, самая яркая на небе, самая великолепная — наше родное Солнце. Но мы не смотрим на Солнце, не лю-

буемся звездной вышивкой. Наши взоры прикованы к черному кругу, хотя ничего нельзя разобрать в глупой тьме ни простым глазом, ни в телескоп.

Нас шестеро — весь экипаж космического корабля: старик Чарушин, начальник экспедиции — мы зовем его Дедом, — супруги Варенцовы, супруги Юлдашевы и я, Радий Блохин.

— Так что же? — спрашивает Дед Чарушин. — Уходим?

— Ничего не поделаешь, — говорит Толя Варенцов, наш главный инженер. — Ракета приспособлена для посадки на сушу, а там вода, сплошной океан...

— И топлива в обрез, — добавляет Рахим Юлдашев. — Мы же считали с вами. Посадка — это задержка на несколько лет. И возраст...

Айша дергает его за рукав. Рахим забыл, что о возрасте невежливо говорить при Дезде: старику уже сейчас за девяносто.

— В конце концов мы вернемся не с пустыми руками, — замечает Галя Варенцова.

И тогда Чарушин говорит спокойно:

— Остается один выход...

Мы смотрим на начальника с недоумением. Айша первая понимает, о чем идет речь.

— Ни в коем случае! — кричит она.

2

«Жизнь измеряется делами, а не годами», — эти слова я впервые услышал от Деды семнадцать лет тому назад.

Помню мой первый визит к нему. Поздняя осень. Мокрый пронизывающий ветер. Стрекошущий аэропланец несет меня над черными полями, над голыми деревьями, над свинцовыми валами Куйбышевского моря. Потом я вижу голубой забор на глинистом обрыве, домик из зеленоватого стеклянного кирпича и у калитки старика. У него седые пышные волосы, бело-голубые, как будто синтетические. Я узнаю Чарушина по портретам и, выключив ранец, приземляюсь у его ног, прямо в канаву.

— Идемте переодеться. Потом представитесь, — говорит он, протягивая мне руку.

Так познакомился я с Павлом Александровичем Чарушиным — знаменитым космическим капитаном, участником первого полета на Венеру, командиром первой экспедиции на спутники Юпитера, первой на Сатурн, первой на Нептун и прочая и прочая... Здесь, на берегу Куйбышевского моря, доживал он свою славную жизнь.

Сам я имел косвенное отношение к звездам. Инженер-строитель по образованию, я работал на строительстве главного межпланетного вокзала на горе Килиманджаро в Восточной Африке. Специалиста, попавшего в чужую область, тянет все переделать по-своему. Кроме того, я был молод и самонадеян. Я составлял план реконструкции солнечной системы. В то время, в начале XXI века, уже было ясно, что все планеты непригодны для заселения. И я предлагал перетасовать их. Венеру и Марс перегнать на земную орбиту. Марс снабдить искусственной атмосферой, а атмосферу Венеры очистить от углекислого газа. Я предлагал еще Сатурн, Уран и Нептун расколоть на части, чтобы уменьшить силу тяжести, а осколки поодиночке подогнать поближе к Солнцу с помощью атомных взрывов. На Тритоне я думал поселить колонию исследователей и отправить их в межзвездный рейс. По моим расчетам, за сто тысяч лет Тритон мог бы обойти все окрестные звездные системы.

К моему удивлению, эти величественные проекты неизменно отвергались. Я не сдавался, упрямо продолжал ходить по учреждениям и к видным специалистам. Естественно, обратился я и к Чарушину, не поленился слетать на Куйбышевское море. К нему обращались многие: и молодые люди, мечтавшие работать в космосе, и авторы книг, и начинающие ученые. И в газетах то и дело появлялась его фамилия. Подпись Чарушина стояла на договоре об Окончательном Разоружении Наций. На празднике Всемирного Мира вместе с китайцами, американцами и немцами Чарушин катил в первой вагонетке пулеметы и минометы на переплавку в мартеновскую печь. Нет

сомнения, он был одним из самых видных людей своего времени.

Старик, так же как и многие другие, выслушал меня с усмешкой, но добродушно-нисходительной. Он сказал:

— Ваша беда, Радий Григорьевич, в том, что вы уж слишком забежали вперед. Не нужно нам вовсе расселяться по солнечной системе — нам на Земле удобно и просторно. Ваши идеи понадобятся лет через триста. Наверное, вы загордитесь: вот какой я, мол, прозорливый. И напрасно! Нет никаких заслуг в том, чтобы заниматься несвоевременными проблемами. Когда будет нужно и возможно, люди проведут реконструкцию планет. И тогда они без труда придумают все, что занимает вас сейчас.

Я не согласился со стариком, но не обиделся. Жить мысленно в будущих веках казалось мне почетным. И я продолжал надоедать Павлу Александровичу подробностями проекта. Дед с усмешкой развенчивал мои идеи, но неизменно приглашал на следующий выходной. Вероятно, ему нравился мой петушиный задор молодости. Да и пустовато было на даче. Летом другое дело, дачу брали приступом многочисленные внуки и правнуки, в саду стоял гомон детских голосов. А зимой только письма и телефонные звонки.

Павел Александрович слушал меня, потом я слушал, как он диктовал электронной стенографистке свои знаменитые мемуары. Как раз они начали печататься в то время в «Комсомольской правде». Вы помните, конечно, самое начало, первую строку:

«Наша экспедиция вылетела на Луну, чтобы начать подготовку к...»

Я еще сказал старику:

— Павел Александрович, нельзя же так сразу... У всех людей мемуары начинаются с детства, со дня рождения, у многих с родословной. А вы, проскочив четверть жизни, объявляете: «Наша экспедиция вылетела...»

Тогда я и услышал впервые:

— Радий, у нас, космачей, свой счет. Мы измеря-

ем жизнь не годами, а делами — открытиями, путешествиями. Вот я и начал книгу с рассказа о первом деле.

— Но читателю интересно, что вы за человек, каким были в детстве, как стали открывателем планет.

Старик не согласился:

— Неверно, дорогой. Это не я интересую людей, а мое дело. У каждой эпохи есть своя любимая профессия. Одна чтит моряков, другая — писателей, летчиков, изобретателей. Мы, космонавты, любимчики двадцать первого века, о нас помнят всегда, приглашают в первую очередь, сажают в первый ряд.

Эти слова вы можете найти в послесловии к первому тому «Мемуаров». И там сказано еще:

«Мне выпало счастье родиться на заре эпохи Великих космических открытий. Мои младенческие годы совпали с младенчеством астронавтики. Луна была покорена людьми прежде, чем я вырос. Молодым человеком я мечтал о встрече с Венерой, зрелым — о Юпитере, стариком — о старце Нептуне. Техника осуществила эти мои мечты. Меньше чем за столетие, за время моей жизни, скорости выросли от 8 до 800 км/сек. Владения человечества расширились неимоверно. В середине прошлого века — одна планета, шар с радиусом в 6 300 километров, сейчас сфера, радиус которой 4 миллиарда километров. Мы стали сильнее и умнее, обогатили физику, астрономию, геологию, биологию, сравнивая наш мир с чужими. И только одна мечта не исполнилась: мы не встретили братьев по разуму. Мы не устали, но дальше идти сейчас невозможно. Мы уже дошли до границ солнечной системы, посетили все планеты, впереди межзвездное пространство. Пройдено четыре световых часа, а до ближайшей звезды — четыре световых года. Есть скорость 800 км/сек, нужно в сотни раз больше. К другим солнцам, очевидно, мы двинемся не скоро, некоторые говорят — никогда. Фотонная ракета и прочие еще более смелые проекты пока остаются проектами. Эпоха космических открытий прервана, вероятно, на три-четыре века».

Люди шли в космос с разными целями. Меня, на-

пример, как инженера, тянуло туда на стройку невиданного планетного масштаба. А Чарушин надеялся отыскать братьев по разуму. С надеждой на встречу мчался он открывать новые миры. И вот тупик. Открывать больше нечего, а стать космическим извозчиком не хочется. Покой, почет, внуки, мемуары, дача... И так бы и кончил он свою жизнь на запасном пути, если бы не неожиданная мысль о возможных инфрасолнцах, пришедшая мне в голову.

В сущности, сам он в какой-то мере подсказал мне идею: очень уж не хотелось ему мириться с тем, что дальше лететь некуда.

Как я рассуждал? До границ солнечной системы — четыре световых часа, до ближайшей звезды — четыре световых года. Неимоверный океан пустоты. Но есть ли уверенность, что там сплошная пустота? Мы знаем только, что ярких звезд там нет: они были бы видны. Но, может быть, наши небесные карты, подобно земным генеральным, отмечают только звезды-столицы и упускают звезды-деревеньки?

Возьмем для примера сферу диаметром в пятнадцать световых лет. В ней окажутся четыре солнца: наше Солнце, Альфа Центавра, Сириус и Процион. Можно считать и пять солнц, потому что Альфа Центавра — двойная звезда.

Но в том же пространстве несколько десятков слабых тусклых звезд: красных карликов, субкарликов, белых карликов. Это близкие звезды, но почти все они не видны невооруженным глазом, и только в XX веке мы узнали, что они близки к нам.

Итак, единицы видны глазом, десятки доступны телескопам. Нет ли в том же пространстве сотен небесных тел, не учтенных астрономами? Ведь так трудно среди миллиарда известных нам слабых звезд отыскать сотню маленьких и близких!

И температуры подсказывали тот же вывод.

В мире звезд правило такое: чем больше звезда, тем она горячее; чем меньше, тем холоднее. Красные карлики меньше Солнца раз в десять, температура у них две-три тысячи градусов. Предположим, что есть тела раз в десять меньше красных карликов. Ка-

кая у них температура? Вероятно, тысяча, шестьсот, триста, сто градусов. Светимость у более крупных ничтожная, у прочих — никакой. При температуре ниже 600 градусов тела посылают только невидимые инфракрасные лучи. Невидимые, густо-черные солнца! И среди них особенно интересные для нас с температурой поверхности плюс тридцать градусов — темные, но теплые планеты с подогревом изнутри.

Почему их не открыли до сих пор? Отчасти потому, что не искали, отчасти потому, что обнаружить их трудно. С Земли темные планеты вообще увидеть нельзя. Ведь наша Земля сама излучает инфракрасный свет, мы живем в мире инфракрасного пламени. Разве можно, живя в пламени, заметить свет далекой звездочки?

С трепетом излагал я все эти соображения Павлу Александровичу. Уголком глаза я следил, как сходит с лица старика снисходительная улыбка, как сдвигаются мохнатые брови. А я-то думал, что так логично рассуждаю! Неужели есть непредвиденное возражение? Скомкал кое-как конец, жду разгрома.

— А ведь это любопытно, Радий, — сказал он. — Планета с подогревом изнутри, мир наизуворот. И все не так, как у нас. Жизнь есть там, как ты думаешь? А высшие формы? Могут высшие формы возникнуть в вечной тьме?

И вдруг, расхохотавшись, хлопнул меня по плечу:

— Может, мы с тобой еще двинем в космос, Радий? Ты как, полетишь отыскивать свои инфры?

— А вы, Павел Александрович?

Он обиделся, поняв вопрос по-своему:

— А что? Я не так стар еще. Мне восьмидесяти нет. А по статистике у нас средний возраст девяносто два с половиной.

3

Я сам был удивлен, когда полгода спустя Центральная лунная обсерватория сообщила об открытии первой инфры.

Не будь Павла Александровича, все это произошло бы много позднее. Но он забросил все свои дела и развлечения. «Мемуары» оборвались на полуслове. Электронная стенографистка писала только письма в научные и общественные организации, старым друзьям-космонавтам, ученикам, на Луну, на Марс, на Юнону, на Ио, на космические корабли дальнего плавания с убедительной, настоящей и горячей просьбой организовать поиски черных солнц.

Я восхищался энергией старика. Казалось, он только и ждал сигнала, сидя у себя на даче. И вот явилась цель — неоткрытые миры: можно мчаться в космос, искать, открывать...

Инфры нашлись в созвездии Лиры, Стрельца, Малой Медведицы, Змееносца, Тукана, Телескопа... А самая близкая и самая интересная для нас — в созвездии Дракона. Температура поверхности ее была плюс десять градусов. А расстояние до нее «всего лишь» семь световых суток. «Всего лишь» в сорок раз дальше, чем до Нептуна. Межпланетная ракета могла покрыть это расстояние за четырнадцать лет.

И год спустя ракета вылетела. А в ней Варенцовы, Юлдашевы и я с Павлом Александровичем. Я-то знаю, каких трудов стоило старику убедить, чтобы его и меня включили в команду. Его из-за возраста, меня по молодости и неопытности.

4

Первые дни полета были словно первая экскурсия в Москву: захватывающе интересно и все наизусть знакомо. Сто раз читано, сто раз видно в кино.

Земля с высоты — гигантский глобус, заслоняющий небо. Учетверенная тяжесть, потом чудеса невесомости. Луна — чужой черно-белый мир с ликом, изрытым оспой. Плавные лунные прыжки, густо-черные тени, пропасти, вековечная пыль. Я читал об этом, представлял себе, увидел — и был потрясен.

А потом потянулись будни, упущенные писателями. Спаленка — три метра на три, гамаки, столик, шкаф. За стеной — рабочая комната чуть побольше. В ней

телескоп, пульт управления, приборы, счетные машины. Дальше — склады, аппараты и полкилометра баков с топливом. Хочешь, прогуливайся вдоль баков, хочешь, надевай скафандр и кувыркайся в пространстве. А потом опять гамак, столик и шкаф.

Тьма и звезды, звезды и тьма. На часах двадцать четыре деления, иначе спутаешься. День и ночь — никакой разницы! Днем в кабинете — электричество, ночью — электричество. Днем за окошками звезды, ночью звезды. Тишина. Покой. А на самом деле летим — состояние равномерного и прямолинейного движения. За час — почти полтора миллиона километров, за сутки — тридцать пять миллионов. В журнале отмечаем: «23 мая прошли миллиард километров. 1 июня пересекли орбиту Сатурна». По этому случаю — парадный обед. Песни поем, радуемся. А по существу, условность, потому что до орбиты пустота и после нее пустота. И Сатурн виден не лучше, чем с Земли, — обыкновенной звездочкой.

Это Павел Александрович придумывал всякие праздники. Великий мастер был насыщать часы. Даже там, в ракете, ему не хватало времени. После сна — космическая зарядка, по крайней мере час. Без нее мускулы атрофируются от постоянной невесомости. Обязательная прогулка в пространстве, осмотр ракеты снаружи, потом изнутри. Работа у телескопа. Обед. Затем два часа — диктовка воспоминаний. Он диктовал мне. Потом чтение микрокниг. Дед читал ровно час и обязательно откладывал книгу, когда приходило время. Игра отчасти. И вместе с тем — борьба за бодрость. «Нужно завтрашний день ждать с нетерпением», — говорил он частенько. И я тянулся за стариком как мог. Понимал: иначе нельзя — раскиснешь, опустишься. Придет хандра, потом лень, потом болезни. И работу бросишь и обязанности забудешь. В космосе бывали трагедии: люди себя теряли и даже назад поворачивали.

От хандры одно спасение — работа. Но как раз работы там немного: осмотр, мелкая починка много времени не занимают. Я разрабатывал свой проект реконструкции планет, но больше для развлечения.

Человечество — такой могучий коллектив, его в одиночку не обгонишь. А у меня знаний — по год вылета, для Земли устаревшие.

Единственное стоящее занятие — астрономические наблюдения. Каталог мы составляли — измеряли расстояния до звезд. Обычно измеряются они по треугольнику. Основание треугольника — диаметр земной орбиты, два угла — направления на звезду. По основанию и двум углам определяется и высота — расстояние до звезды. Но так как треугольники получаются худые и длиннющие, велики ошибки, и приемлем этот способ только для близких звезд. Нам было удобнее — мы ушли от Солнца на многие миллионы километров и расстояния до звезд, видимых в телескоп, могли измерять во много раз точнее. Ну вот и было нам занятие на всю дорогу: измерять, высчитывать, измерять, высчитывать... Записываешь в гроссбух: «Номер по каталогу такой-то, спектральный класс АО, расстояние — 7 118 световых лет», — и зло берет иной раз. Мы на семь световых суток почти шестую часть своей жизни тратим, а тут семь тысяч световых лет! Ведь никто никогда не полетит в такую даль к этому солнцу класса АО.

Скука, томительное однообразие и вместе с тем настороженность. Годами ничего не случается, но каждую секунду может быть катастрофа. Ведь пустота не совсем пуста: летят метеориты, метеорная пыль. Даже газовые облака при нашей скорости опасны — врезаешься в них как в воду. Еще какие-то встретили мы в пространстве уплотненные зоны, неизвестные науке. Когдаходишь в них, все сдвигается и в груди теснота. Почему — неясно. Метеорная пыль разъедает обшивку, металл «устает», появляются блуждающие токи. Так постепенно портится все. И глядишь, утечка воздуха, или управление вышло из строя, или приборы подвели. Три года все благополучно, а потом вдруг... Поэтому один кто-нибудь обязательно дежурит у приборов.

Хуже всего эти часы одинокого дежурства. Земля вспоминается. Хочется в лес и в поле. И чтобы ромашки цвели и жаворонки в синем блеске пели. В тол-

пу хочется, в метро, на стадион, на митинг. Чтобы крик стоял — не звенящая тишина, чтобы локтями тебя толкали и тесно кругом, чтобы много-много людей было... Закроешь глаза — Красная площадь, Кремль, демонстрация, цветные флаги... Откроешь — гамак, столик, шкаф.

Так день за днем, месяц за месяцем. Нас шестеро было в ракете. Два года каждый из нас дежурил, четыре спал. Сон, конечно, искусственный, с охлаждением. Делается это не только для нашего удовольствия, но главным образом, чтобы сэкономить груз. Две трети пути люди спят, не едят, не пьют и почти не дышат. И как только вылетели мы за пределы солнечной системы, пространство стало чище, опасность столкновения уменьшилась, сейчас же две пары стали готовиться ко сну. Сначала трое суток голодовка, потом наркоз — и в холодную воду. Температура тела постепенно понижается, ее доводят до плюс двух градусов, так что человек становится словно камень. Затем его кладут в термостат — стеклянный ящик с автоматической регулировкой температуры. За градусами нужно очень тщательно следить. Чуть выше — бактерии начинают активизироваться, чуть ниже — кровь замерзает, и льдинки рвут ткани. Так лежат рядом с тобой окаменевшие товарищи, а ты за стенкой ешь, записываешь цифры, отдыхаешь. А когда твоя очередь спать, не чувствуешь ничего. Только сначала в голове дурман и поташнивает от наркоза. Потом все черно... И тут же чуть брезжит свет. Это значит — прошло четыре года, тебя оживляют. Это самый опасный момент, потому что голова отдохнула, свежесть мыслей необычайная, сразу любопытство: где летим? Что произошло за четыре года? Хочется вскочить и за дело приняться. А сердце чуть-чуть билось эти годы, ему нельзя мгновенно сменить режим. Я, например, хорошо переносил пробуждение, а Дед наш худо. Все-таки старый человек, сердце изношенное. Первый сон еще сошел хорошо, а после второго и обмороки были, и в сердце рези, и в левое плечо отдавало. Часа четыре отхаживала его Айша — наш старший врач. И тогда она сказала,

что за третий раз не ручается. Может быть, старнику придется на обратном пути все четырнадцать лет дежурить бессменно.

5

...Четырнадцать лет мы стремились к невидимой точке, и настал, наконец, момент, когда мы сумели разглядеть цель — темный кружочек, заслоняющий звезды. Вышли мы на цель точно: правильно указали ее земные астрономы. Но вот чего не разглядели они: оказалось, что Инфра Дракона не одинокое тело, а двойное. Два черных солнца там — А и В. А поменьше, В чуть побольше. А поближе к нам, В немного подальше. По-космически «немного». А вообще-то расстояние между ними больше, чем от Земли до Сатурна.

Мы все дрожали от нетерпения, а Павел Александрович в особенности, хоть и виду не подавал. Он уже приготовил целый арсенал для межпланетных переговоров: световые сигналы, инфракрасные прожекторы. Была еще азбука с выпуклыми картинками, лекция геометрических фигур.

Наступил торжественный день встречи.

С утра начали мы тормозить. Появился «верх» и «низ», вещи, забытые в воздухе, попадали на пол. К середине суток темное пятнышко Инфры начало заметно расти, гасить звезды одну за другой. И, наконец, повисло против нас этакое черное блюдо. Остановились мы. Стали временным спутником Инфры.

И представьте наше разочарование: чуть-чуть ошиблись наши астрономы. Они определили температуру поверхности в плюс десять градусов, оказалось — минус шесть. Газы там были в атмосфере: метан и аммиак, как на Юпитере, углекислый газ, как на Венере, много водорода и водяного пара — густые плотные облака. А под ними замерзший океан — лед, снежные поля, торосы. И толщина льда — десятки и сотни километров. Взрывами мы определяли.

Стоило лететь четырнадцать лет, чтобы увидеть обыкновенную арктическую ночь!

Дед был просто раздавлен. Последняя попытка сорвалась! Не сбылась мечта жизни! Тогда и сложилось решение: посетить Инфру В тоже.

На первый взгляд кажется, что это естественно. Были рядом, как же не посетить. Но в космосе свой расчет. Там все зависит от топлива. На Земле топливо определяет путь — километры, в космосе — не путь, а скорости. Тратят топливо не все время, только при разгоне и торможении. Берут с собой чаще всего на два разгона и два торможения. Подойти ко второй Инфре — это означало задержать возвращение на несколько лет. Не хотелось нам прибавлять лишние годы пути, но там, где тридцать лет жизни отдано, с тремя годами не считаешься. Никто не пожелал повернуться спиной к неизведанному миру.

Почти целый год ползли мы потихоньку от Инфры А до Инфры В. И опять черное пятнышко выросло, превратилось в угольно-черный круг. Снова затормозили мы, стали временным спутником, послали автоматический разведчик во тьму. Сами видим — на этот раз тьма не глухая. Зарницы то и дело — грозы в атмосфере. На экране видны контуры туч. Пришло по радио сообщение от автомата: температура воздуха плюс двадцать четыре. Может быть, потому и ошиблись земные астрономы, что смешали лучи той, ледяной Инфры и этой, грозовой. Вышло в среднем плюс десять — близко к истине.

Но что-то не учли мы в расчетах, и наша ракета-разведчик пропала, видимо, утонула. В последний момент разглядели мы на экране телевизора водяную гладь, крутые косые волны. Послали вторую ракету. Эта облетела несколько раз вокруг Инфры. Видели мы тучи, видели дождь — прямой, не косой, как обычно на Земле, — ведь даже капли на Инфре тяжелее. Видели опять волны. Всюду море, только море, ни единого островка. И на экваторе океан и на полюсах океан. Льдов никаких. Это понятно: на Инфре тепло поступает изнутри, и климат там везде одинаковый — на полюсах не холоднее.

Ни материков, ни островов, хоть бы одна вулканическая вершина. Океан, океан, сплошной океан...

Столько в этом космосе неожиданностей, зря говорят — однообразие и скука. Ведь мы на что рассчитывали? Что на инфрах, как на нашей Земле, есть океаны и суша. Разумные существа, естественно, могут развиваться только на суше. Океан мы собирались изучать, но только у берега — отплыть, спустить небольшую батисферу. И звездолет наш был приспособлен для посадки на твердую землю.

6

И вот черный круг плывет по звездному бисеру — матовое блюдо с мутноватыми краями. На одном краю звезды меркнут, чтобы через полчаса возродиться на другом краю. Знакомые созвездия, только ярче, и узор их сложный, новый. В одном из них — лишняя звезда, наше родное Солнце. Но мы не смотрим на Солнце, не любимся звездной вышивкой. Наши взоры прикованы к черному кругу, хотя ничего нельзя разоб- рать в глухой тьме ни простым глазом, ни в телескоп.

— Так что же? — спрашивает Дед Чарушин. — Уходим?

В сотый и тысячный раз задается этот вопрос. Да, придется уйти, ничего не можем придумать. Так и этак прикидывали, не получается. Придется уйти, не узнав почти ничего.

— Тогда остается один выход, — говорит Дед.

Мы смотрим на начальника с недоумением. Айша первая понимает, о чем идет речь.

— Ни в коем случае! — кричит она. — Вы хотите спуститься в батисфере?

Мы заволновались. Спуститься в батисфере можно, вопрос в том, как вернуться. Автомат-разведчик взлететь не сумеет. Батисфера останется там навеки... и в ней человек.

— Мы не допустим, — настаивает Айша.

И Дед отвечает, пожимая плечами:

— Вы, Айша, пропитаны медицинскими предрас- судками. Вам кажется, что человек имеет право умереть только от тяжелой болезни. У нас, космачей, свой счет жизни. Мы измеряем ее делами, а не годами.

— Зачем это? — говорит Рахим. — Надо работать последовательно. Возвращаться на Землю, докладывать. Следующая экспедиция специально подготовит-ся и изучит дно...

— Следующая? Когда? Через тридцать лет?

Толя Варенцов привстал было, хотел предложить себя. Галя ухватила его за рукав. Я настаивал на своей кандидатуре.

— Решение принято, — сказал Дед. — И не тратьте времени на пустые споры. Приказываю начинать подготовку к спуску.

7

Шли последние приготовления, а нам все не верилось. Наступил вечер перед отлетом. Старый капитан распорядился устроить прощальный ужин, сам составил меню. Поставили любимую нашу пленку — хроникальный фильм «На улицах Москвы». Потом слушали музыку Бетховена — 9-ю симфонию. Старик любил ее, потому что она бурная, к борьбе зовущая. Шампанское пили. Потом песню пели — наш космический гимн. Неизвестно, кто его сочинил:

Может быть, необходима вечность,
Чтобы всю изведать бесконечность.
И, до цели не успев дойти,
Капитан покинет нас в пути.
Но найдутся люди, если надо... —

Айша плакала, и Галя плакала. А я охмелел немножко и спросил: «Неужели вам не страшно, Павел Александрович?» А он мне: «Радий, дорогой, очень страшно. И больше всего я боюсь, что зря я все это затеял. И не увижу я ничего, только черную воду...» А я за руки его схватил: «Павел Александрович, ведь правда, может, нет ничего. Отмените!..»

8

И вот нас пятеро. Молча, со сжатыми губами стоим мы перед радиорупором. Оттуда несется раскати-стый грохот, свист, улюлюкание, завывание. Атмосфе-

ра Инфры насыщена электричеством, помехи то и дело.

Наконец спокойный голос Чарушина прорывается сквозь гул помех. Наш Дед с нами! Знакомый хрипловатый бас звучит в кабине.

— Выключил прожектор, — говорит он. — Тьма не абсолютная. Все время зарницы и молнии, короткие и ветвистые. При вспышках видны тучи, плоские, как покрывало. На Юпитере такие же. По краям барашки. Воздух плотный, и на границах воздушных потоков крутые вихри.

Выпадали слова и целые фразы. Потом стало слышно лучше.

— Кругом становится прозрачнее, — рассказывал Дед. — Вижу море. Лаково-черная поверхность. Невысокие волны, как бы рябь. Падаю медленно, воздух очень плотный. Тяжесть неимоверная, пошевелиться трудно. Даже языком ворочать тяжело.

И вдруг радостный возглас:

— Птицы! Светящиеся птицы! Еще одна и еще... Три сразу! Мелькнули — и нет. Разве телевизор заметит такое? Успел увидеть: голова круглая, толстое туловище. Крылышки маленькие, трепещут. Пожалуй, похожи на наших летучих рыбок. Может быть, это и есть рыбы, а не птицы. Но летели высоко.

Сильный плеск. Пауза.

— Шум слышали? Это я в воду вошел. Крепко ударился. Впрочем, не имеет значения. Выключил свет. Привыкаю к темноте.

Немного спустя:

— Погружаюсь медленно, на метр-два в секунду. Опять включил прожектор. За окном огненная вьюга—светящиеся вихри, волны, тучи. Сколько же здесь всякой мелочи! Вероятно, вроде наших креветок. Чем глубже, тем гуще. На Земле, наоборот, в глубинах жизнь скуднее. Но там тепло в основном поступает сверху, а здесь только снизу.

А это что? Длинное, темное, без головы и без хвоста. Кит, кашалот? Двигается быстро, за ним светящаяся струя. Ряды огоньков на боковой линии, как бы иллюминаторы. Неужели подводная лодка? Или

нечто иное, ни с чем не сравнимое. Сигнализирую на всякий случай прожектором: два-два-четыре, два-три-шесть, два-два-четыре.

Не обратили внимания. Ушли вправо. Не видно.

А вот еще какие-то чудища — помесь черепахи с осьминогом. Осьминогами я называю их для сравнения, на самом деле они пятиногие. Пять щупалец — одно сзади, как рулевое весло, четыре по бокам. На концах утолщения с присосками. В одном из передних щупалец сильный светящийся орган. Похоже на фонарик. Прямой луч так и бегаёт по стеклам. На спине щит. Глаза рачьи на подвижных стебельках. Рот трубчатый. Я так подробно описываю их, потому что они плывут на меня. Вот сейчас смотрят прямо в иллюминатор. Жуткое чувство — взгляд совершенно осмысленный, зрачок с хрусталиком, а радужная оболочка фосфоресцирует мертвенно-зеленым светом, как у кошки. Я читал, что у земных осьминогов человеческий взгляд, но сам не видел, не могу сравнить.

Прожектор нащупал дно. Какие-то узловатые корни на нем. Подобие кораллов или морских лилий. Вижу толстые стебли, от них побеги свисают чашечками вниз, некоторые вплотную упираются в дно. Наши морские лилии смотрят чашечками вверх, они ловят тонущую пищу. Что ищут эти в иле? Гниющие остатки? Но не все достигают дна. Неужели они ловят тепло? Но тогда это растения. Растения без света? Невозможно. Впрочем, свет идет со дна — инфракрасный. Можно ли за счет энергии инфракрасных лучей строить белок, расщеплять углекислый газ? Мала энергия, надо ее накапливать. Но и зеленые листья на Земле тоже накапливают энергию. Ведь видимые лучи сами по себе не разлагают углекислый газ.

— Я застрял в зарослях у дна, — продолжал старик. — Теперь я ясно вижу, что подо мной растения. Вот толстая безглазая рыба жуёт побег. Другая — зубастая и длинная — схватила толстую, взвилась вверх. Поток пищи идет здесь со дна на поверхность. Светящиеся птицы — последняя инстанция.

Послышался скрежет и глухие удары по металлу, Что такое?

— Батисфера сдвинулась,—объявил Дед.—Кто-то схватил ее и тащит. Кто — не вижу. Перед иллюминатором никого нет.

Дно идет под уклон. Зарослям конца нет. Но странное дело — растения выстроились правильными рядами, как в плодовом саду. Что-то громоздкое медленно движется, срезая целые кусты под корень. Ну и прожорливое чудище — так и глотает кусты. Вижу плохо, где-то сбоку ползет этот живой комбайн. Впереди гряда скал. Проплыли. Черная бездна. Батисфера спускается вниз. Давление возрастает.

Секундная пауза. И вдруг крик:

— Трещина!!!

Послышались удары, все чаще и чаще. Видимо, вода прорвалась в камеру.

Старик ойкнул. Возможно, водяная дробь попала в него. Потом заговорил скороговоркой:

— На дне бездны строения. Город. Освященные улицы. Купола. Шары. Плавающие башни. Какие-то странные существа... Всюду они... Неужели это и есть...

Грохот. Крик боли...

И торжествующий, с громким присвистом протяжный вой помехи.

Пять человек в глубоком молчании смотрят на черный круг, хотя ничего там нельзя разобрать ни глазами, ни в телескоп.

— Через тридцать лет мы снова придем сюда, — говорит Толя Варенцов.

ИЦЕЙ НА ПАЛДМАХ

ПРОЛОГ

Море бушевало всю ночь. Огромные валы один за другим выплывали из темноты. Они вставали перед нами крутой стеной, и нависшие гребни их заглядывали в шлюпку, как будто хотели пересчитать нас — свою будущую добычу.

Нас было шестеро в шлюпке: кочегар Вилкинс, Джо, три матроса — швед, итальянец и негр — и я, шестой. Мы гребли все время, точнее — гребли они,

а я сидел на корме и, качаясь как маятник, вычерпывал воду из лодки, черпал и выливал за борт, черпал и выливал.

Моя рана болела все сильнее, должно быть, потому, что ее разъедала соленая вода. Я промок насквозь. Мой костюм превратился в холодный компресс. Я дрожал мелкой дрожью и тоскливо поглядывал на восток, скоро ли взойдет солнце.

А в затуманенной голове у меня, не переставая, копошилась одна и та же мысль: «Солнце взойдет... А что дальше?»

Когда рассвело, мы увидели впереди белую черту берега. Коралловые острова всегда кажутся издали белыми, а если смотреть на них с самолета, отчетливо заметно, как пенное кольцо прибоя отделяет темно-синий океан от желто-зеленой лагуны.

У входа в лагуну мы попали в водоворот, закружились, захлебнулись соленой пеной. Потом холодный вал поднял шлюпку на могучее плечо и легко стряхнул на берег. Мы оказались на твердой земле — мокрые, оглушенные, исцарапанные, но живые.

И тогда мы увидели, что белое — это не коралловый песок и не прибой. Островок утопал в... снегу. На свинцовых валах океана качались льдины, и прибой, с размаху бросая их на коралловые рифы, ломал, дробил, крошил, превращал в ледяное месиво. В воздух взлетали фонтаны соленых брызг.

Гибкие стволы пальм обледенели. Сверкающий иней одел гигантские перистые листья. Побелевшие кроны четко выделялись на темно-голубом небе.

Почти вся лагуна превратилась в каток. В прозрачный зеленоватый лед вмерзли кораллы и ярко раскрашенные рыбы-попугаи. Повсюду валялись замерзшие птицы. Из снега торчали клешни кокосовых крабов: один из них успел продолбить орех, засунул туда задние ноги, чтобы вытащить мякоть, и так замерз.

Матросы первым делом разложили костер, и я подсел к огню. Я сел так близко, что искры летели мне в лицо, и угли жгли ноги через подошвы ботинок.

Но дрожь не проходила, я все время просил подобрать в костер сучьев.

Складывая возле меня охапки хвороста, негр сказал с жалобным удивлением:

— Кажется, я отморозил себе уши. Как вы думаете — скоро это кончится, мистер Джонсон?

Я не отвечал. Я был занят своими мыслями. А думал я одно и то же: «Снег растает. А дальше что?»

Потом к костру подошел Джо и сказал:

— Шлюпка больше не хочет плавать. Она решила работать на кухне в должности решета. Пожалуй, нам придется поселиться здесь всерьез. Мистер Джонсон будет Робинзоном, а мы все — Пятницами.

— А ты, Джо, — попугаем Робинзона, — желчно отозвался итальянец, — тебе лишь бы поболтать!..

Добродушный Джо рассмеялся громче всех.

— По-моему, здесь не так уж плохо, — сказал он. — Свежемороженые фрукты в любом количестве и крабовые консервы в банках из собственной скорлупы. И вдобавок — сколько угодно льда, чтобы готовить коктейли.

Я слушал морщась. Шутки Джо мешали мне сосредоточиться. А я должен был решить: что же делать дальше?

Но в это время негр, стоявший в сторонке, крикнул:

— Пароход! Идет прямо сюда!..

Все сразу вскочили на ноги.

— Какой пароход? «Уиллела»?

— Нет, не похож. И флаг не наш, канадский!..

— Разжигайте костер! Бросайте сырые листья. Пусть дымит сильнее!

Смогут ли они подойти близко?

— Шлюпку спускают!.. Надо им показать, где причалить.

Матросы с радостным нетерпением следили, как приближается шлюпка, то подпрыгивая на волнах, то проваливаясь между ними. И только я неотступно думал: «Ну, увезут нас отсюда. А что дальше? Для меня все кончилось на этом острове».

Должно быть, я высказал мысли вслух, и кочегар Вилкинс обратил внимание на мои слова.

— Конечно, мистер Джонсон! — воскликнул он. — Как бы не так! Слишком легко думаете отделаться. Главное — еще впереди. И прежде всего нужно, чтобы вы сами описали всю эту историю. Люди должны знать правду!

Спасибо Вилкинсу, он подсказал мне, что нужно делать дальше. Я обязан сам написать все до последнего слова. Люди должны знать правду — вот что главное.

И тут же, не откладывая ни на минуту, я начал вспоминать самое начало истории — те дни, когда, отчаявшись, я опустил руки и решил продать серый костюм.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Когда я продал серый костюм, мне стало легче на душе. Серый костюм был порогом, отделявшим меня от нищеты. В костюме я мог еще надеяться, спрашивать, тревожиться, искать, вспоминать давно забытые знакомства. Теперь, без приличного костюма, оставалось только одно: сложить руки и спокойно идти на дно.

Разве я не искал работы? Я состоял на учете в четырех бюро по найму. Каждый день приходил отмечаться во все четыре. Я дежурил по ночам у дверей типографий, чтобы раньше всех прочесть объявления в утренних газетах. Я звонил по всем телефонам, какие только сохранились в моей записной книжке, давно забытым друзьям детства, партнерам по регби, соратникам из саперной роты. Друзья, партнеры и соратники с трудом вспоминали, кто я такой, а затем минуту-две сочувственно вздыхали в трубку:

— Да, да, трудные времена. Я сам четвертый месяц без работы. Ах, тяжело сейчас строителям. Кризис — нигде ничего не строят. Плохо... плохо!..

Я и сам знал, что с работой плохо. Чтобы услышать об этом, не нужно было тратить никелевую монету на телефон.

Пока у меня был костюм, я мог еще не слишком часто, правда, обедать у родственников. Ожидая, пока накроют на стол, я с удовольствием грелся на кухне и без удовольствия, но вежливо выслушивал добрые советы.

— Следовало раньше об этом подумать, — глубокомысленно замечал дядя Хонни, — ты сам виноват, куда тебя понесло из армии? А теперь, где же найти работу? Все ищут.

— Другим людям счастье, — вставляла тетя Берта. — Вчера я видела в автомобиле Дюрока младшего. Представь себе: женится на наследнице Вандергофа. А зачем ему миллионы Вандергофа, у него своих восемнадцать.

— Шестнадцать, — поправлял дядя Хонни, как будто он лучше всех знал, что лежит в сейфах богачей.

— Вот найти такую девушку — и никакая безработица не страшна, — продолжала тетя Берта. — А что особенного в Дюроке? Такой же человек, как мы, — две руки, две ноги. Наш Гарри и представительнее и в плечах шире...

Кузен Гарри тоже добавлял что-нибудь поучительное.

— К нам понаехало слишком много народу, — говорил он. — Нужно поставить на место всяких итальяшек, негров, мексиканцев. Они отбивают работу у нас — природных янки. И красных усмирить, чтобы не мутили.

Тетя Берта грустно вздыхала, а дядя говорил в заключение:

— Надо было копить сбережения. Купил бы ферму, завел коровок — пил бы свое молочко и горя не знал... Бар открыть — тоже хорошо... или завести плантацию в Бразилии...

Я терпеливо слушал, ожидая, когда на стол подадут суп. Советы были хорошие. Вся беда в том, что у меня не было капиталов на ферму, плантацию или

бар. Впрочем, у моих родственников тоже не было капиталов. Дядя Хонни служил кассиром в пивном баре О'Хара и всю жизнь с завистью рассказывал, сколько зарабатывает хозяин на пивной пене и официанты, обсчитывая пьяных. Кузен Гарри работал у того же О'Хара (наиболее «влиятельное» лицо в нашем округе) поденно — в баре — для поддержания порядка среди пьяных и, кроме того, сдельно — во время президентских выборов и при усмирении бастующих. И там же, в шайке О'Хара, Гарри черпал свои политические взгляды.

Единственным капиталистом в семье была тетя Берта. В комодке в старом чулке у нее хранилась вместе с юношескими письмами дяди Хонни сто долларова акция Серебряных рудников Никарагуа. По вечерам, вымыв посуду, тетя Берта надевала очки, подвязанные веревочкой, и внимательно читала газету, разыскивая известия из Никарагуа. Но телеграммы не утешали ее: положение в республике было неустойчивым. Правительства менялись, как картинки в волшебном фонаре. Новые президенты объявляли старых узурпаторами и расстреливали их без суда. Серебряные акции котировались ниже номинальной стоимости. Вздохнув, тетя Берта прятала газету. Она не теряла надежды разбогатеть. Ведь стал же миллионером какой-то бездельник, одолживший Форду сто долларов. Об этом написано во всех букварях.

Проглотив котлеты тети Берты, я отправлялся в очередную контору. Впрочем, если вы когда-нибудь искали работу в городе небоскребов, вы сами знаете, какое это веселое дело.

Вот вы стоите у порога конторы. Вы поправляете галстук и пробор, старательно откашливаетесь, чтобы голос ваш звучал непринужденно и внушительно. Вы обмахиваете ботинки носовым платком (зачем отдавать свой завтрак чистильщику, если есть носовой платок, который можно выстирать под краном). Затем вы стараетесь придать лицу небрежное выражение. Вы не безработный, просто, гуляя, мимоходом вы зашли поговорить по-дружески с директором. Теперь предстоит решающая минута. В течение этой минуты

нужно доказать, что фирма без вас обречена на банкротство.

— Работу? — рычит клерк за стойкой. — И откуда вас столько берется? Нет у нас работы, идите.

Он даже не смотрит на ваш галстук, пробор и вычищенные ботинки.

В некоторых конторах мне смеялись в лицо: «Работа? Да ты, парень, я вижу, шутник. Откуда теперь работа? У нас кризис, можешь прочесть об этом в «Вечерней газете».

И я краснел, извинялся и выходил за дверь оплеванный, чувствуя себя как нищий, который в первый раз встал на перекрестке со шнурками для ботинок.

— Купите шнурочки у бездомного!.. Дайте заработать на кусочек хлеба.

— Проходи, проходи, здесь не подают!..

Я брел по улицам, сгорбившись, кусая губы от горечи и унижения. Прохожие толкали меня, автомобили пугали гудками, а над головой вспыхивали, кричали, звенели, пели рекламы, убеждая, доказывая, приказывая:

«Каждый уважающий себя американец носит бриллиантовые перстни Хэтчисона».

«Забудьте о дневных заботах. Отдохните под звездным небом в ресторане «Сто первый этаж».

«Наше шампанское удлинит жизнь вдвое».

Но где они — уважающие себя американцы с бриллиантовыми перстнями, удлиняющие свою жизнь шампанским? Навстречу мне попадались рабочие с серыми от усталости лицами, встревоженные продавщицы магазинов (десять долларов в неделю, если ты молода, красива и одета по последней моде) или такие же безработные, как я. Их можно было отличить по неторопливой походке.

Изредка меня обнадеживали. «Зайдите в ноябре, — говорили мне. — Предстоят большие заказы». Но если, так и не найдя до ноября работы, я приходил снова, меня встречали рассеянным взором: «Что? Я велел вам наведываться? Не помню. Действительно, мы искали людей месяц назад, но отчего же вы не пришли вовремя?»

Раза три или четыре за все полтора года у меня спросили рекомендации. Виноватым, прерывающимся голосом я объяснял, что их нет. Почему нет? Нет стажа? А почему? Сразу пошел из колледжа на фронт? Значит, у вас ни рекомендаций, ни стажа, ни опыта... Что? Диплом? Но вы же забыли все. Что? На испытание? Нам некогда учить школьников. Грузчиком пойдете? Что? Рука прострелена? Обратитесь в богадельню!..

Это была долгая, бесконечно скучная, отвратительная история. Каждый день я переживал взлеты и падения. Я заставлял себя не терять надежды.

Но сколько это могло продолжаться? Я задолжал везде, где мог, и заложил все, что мог. Я продал свои вещи постепенно, одну за другой, в том числе и золотые часы, доставшиеся мне от покойного отца. Эта фамильная драгоценность кормила меня только две недели. В том же городе, рядом со мной, благоденствовали тысячи спекулянтов, покупая и перепродавая, а я почему-то никогда не мог продать своих вещей дороже, чем за четверть цены. Не знаю, как это получалось.

Наконец очередь дошла до костюма. Я крепился три дня — больше нельзя было выдержать без еды. Итак, эпоха серого костюма кончилась. Я опустил руки и пошел на дно.

У «дна» были свои законы. Я научился спать на скамейках сидя и познакомился с древним законом о бродягах — законом, который запрещает спать на открытом воздухе, если у тебя в кармане нет денег; научился терпеливо стоять в очереди возле благотворительной столовой и жалостливо моргать глазами, когда какая-нибудь девчонка из «Армии спасения», совсем ничего не понимающая в жизни девчонка, уговаривала меня исправиться, каждый вечер молиться, не ругаться нехорошими словами и пить только кипяченую воду.

У меня появились новые друзья. Среди них были многосемейные рабочие, выгнанные с заводов, когда руки у них потеряли проворство; матросы с пароходов, сданных на слом; клерки разорившихся контор;

учителя школ, закрытых при сокращении бюджета; ветераны войны, встреченные музыкой и цветами и брошенные на произвол судьбы на первом перекрестке.

Ближе всего мы сошлись с одним матросом. Это был пожилой сутуловатый человек с красным обветренным лицом и волосами медного цвета. Его звали Джозеф-Патрик Миддл, или попросту Джо. Случайно инициалы Джо совпали с инициалами известного миллиардера, и бродяга-матрос любил говорить о себе торжественно.

— Мистер Джей Пи Эм предпочитает изысканные блюда, — изрекал он, получая миску с бобовой похлебкой.

— Мистер Джей Пи Эм согласился финансировать деловые круги Скандинавии (одадживая десять центов безработному шведу-эмигранту), или:

— Мистер Джей Пи Эм приобрел контрольный пакет табачной компании (подбирая окурков на тротуаре).

Джо плавал на торговых судах по всем морям и океанам и кое-что повидал в своей жизни. Нельзя сказать, чтобы он был образован или начитан, но, как человек способный и наблюдательный, Джо не забывал того, что попадалось ему на глаза, и, запоминая ходовые выражения, не без язвительности применял их в самых неподходящих случаях.

— Не ешьте много мяса, — советовал он безработным в очереди. — Только растительная пища спасет вас от ожирения сердца!

— Я за американский образ жизни, — твердил Джо, расстилая газеты на газоне, где мы ночевали.

Однажды, когда мы глядели на магазин, разграбленный бандитами, Джо сказал:

— «Весь мир ждет от нас просвещенного руководства ради спокойствия и прогресса», — так говорил господин президент.

— Частная инициатива ведет нас к благоденствию (это было сказано перед воротами остановленного завода). — А когда полиция начала дубинками разгонять взволнованных рабочих, Джо заметил:

— Каждый удар, нанесенный нам, служит делу свободы!..

У многих из нас есть свои странности. Борьба за справедливость была манией Джо. «Они не имеют права» — эту фразу я слышал от него чаще всего. Джо воевал за справедливость по мелочам всюду, где мог. Он устанавливал очереди в благотворительных столовых, ввязывался во все уличные происшествия, спорил с полисменами и даже с судьями. Однажды, на моей памяти, это кончилось плохо: Джо заработал 90 дней за оскорбление достоинства суда.

Все это стряслось из-за безработного старика мексиканца, которого судили за нападение в пьяном виде на полицию. Старик совсем не был пьян. Это знали все. Просто он шатался от голода и нечаянно толкнул полисмена. К несчастью, Джо видел всю историю, и ему нужно было больше всех. Он отправился в суд, он требовал, чтобы его выслушали, и еще кричал при этом: «Где же справедливость?» В общем судья решил, что разговоры о справедливости неуместны в американском суде, и Джо получил свои 90 дней.

Это было в начале января, в самые метели, и Джо не слишком огорчился. Выслушав приговор, он спросил: «Хорошо ли топят в тюрьме?» Но, к счастью, судья не расслышал...

Итак, Джо получил зимнюю квартиру, а я остался на улице, чтобы поразмыслить о печальной судьбе безработного.

ГЛАВА ВТОРАЯ

То, о чем я расскажу сейчас, произошло весной, как раз в тот день, когда Джо должен был выйти из тюрьмы. Я поджидал его в парке на нашей любимой скамейке. Был веселый апрельский денек, когда солнце так жизнерадостно блестит в каждой лужице. В такую погоду хочется вскинуть узелок на плечо, встать и пойти куда глаза глядят, через шумный центр и дымные предместья, через пригороды, дачные поселки, поля, фермы и рощи, навстречу солнцу, все

прямо и прямо в какие-нибудь далекие края, где нет безработных инженеров, которые никак не могут понять, почему они без работы.

В самом деле, почему Аллэн Джонсон, инженер-строитель, кончивший с отличием, дремлет в парке на голодный желудок вместо того, чтобы трудиться? Почему мокнет под дождем Аллэн Джонсон, умеющий строить дома с электрической кухней, ледником и ванной, теплые, сухие и уютные дома с удобной мебелью, с пылесосами и мусоропроводом?

Почему этот самый Аллэн греется на солнышке в рабочее время, если его выучили строить заводы, великолепные корпуса с металлическими арками и могучими кранами, огромные просторные цехи, где можно расставить тысячи станков, чтобы тысячи людей нашли себе работу? Почему Аллэн сидит здесь, засунув руки в дырявые карманы, — умелые руки, которые могут чертить проекты жилищ, заводов, магазинов, контор, школ, больниц, вокзалов? Почему? В самом деле, скажите мне, — почему?

Грустно и противно, не дожив до тридцати лет, подводить итоги неудавшейся жизни. Сколько было надежд — и все они в прошлом. А ведь меня с детства прочили в Эдисоны. Мальчишкой я всегда мастерилил что-нибудь из пустых ящиков, консервных банок, обрезков жести. Я сделал насос для поливки цветов, автоматический штепсель с фотоэлементом, игрушечный линотип и что-то еще... И в колледже я постоянно носился с изобретениями: предложил перегородки из прессованных опилок, цементные переплеты для окон, новый метод расчета мостов... Профессора снисходительно хлопали меня по плечу, приговаривая: «Получи диплом сначала, а там изобретай сколько влезет». Они тоже прочили меня в Эдисоны. Всю жизнь мне твердили, что каждый американец неминуемо станет миллионером, если будет энергичен, трудолюбив и настойчив. Но почему-то никто не захотел испытать мое трудолюбие и настойчивость. Почему-то мне смеялись в глаза, когда я предлагал цементные переплеты и перегородки из опилок. В лучшем случае мне говорили, пожимая плечами: «Зачем нам новые

перегородки — наши склады завалены старыми. Продайте их сначала». Пронырливые продавцы им были нужнее, чем инженеры. Педагоги обманули меня. Все они уверяли, что знания пробьют мне дорогу. Но знания никому не требовались, никто не ценил умелые руки и головы. Почему так вышло? Или мои педагоги сами были обмануты?

Пока я размышлял на эту скучную тему, какой-то щеголь в клетчатом плаще и темно-зеленой шляпе расхаживал по аллее, помахивая тросточкой. Затем он присел на скамейку рядом со мной.

Искоса, быстрым взглядом профессионального бродяги я оглядел своего соседа. Кто он такой? Что ищет в парке? Нельзя ли извлечь из него 25 центов? По виду это мог быть... впрочем, мне совсем не нужно было гадать. Рядом со мной сидел Фредди Палома — капитан сборной команды нашего колледжа.

Я отвернулся в сторону. Мне вовсе не хотелось, чтобы Фредди узнал меня в таком виде и принялся выпрашивать историю моих злоключений только для того, чтобы сочувственно почмокать губами: «Ах, ах, тяжелые времена!» В сущности, мы были не так уж близки с Фредди. Я знал его главным образом по регби. Фредди был неплохим игроком, только несколько нахальным. Он всегда требовал, чтобы мячи отдавали ему одному. И в жизни Фредди был таким же самоуверенным, как на поле. Он охотно поучал новичков (в том числе и меня), как надо играть в регби и как надо жить. И мне, по правде сказать, это быстро надоело.

На лекциях я встречал его гораздо реже, чем на стадионе. Фредди являлся в колледж только перед экзаменами, всегда бледный, встревоженный. Он суетливо выпытывал у студентов — кто спрашивает, что спрашивает, идти ли к профессору или к ассистенту, можно ли отклониться от заданной темы, поспешно записывал формулы на манжетах, умоляюще просил подсказывать. Я сам как-то ухитрился прислать ему дословный перевод контрольного текста и спас его на экзамене русского языка (дело было в начале войны,

когда у нас еще модно было говорить о дружбе с русскими). Русский язык считался у нас самым трудным предметом. Помню, как смущала буква «щ», которую по-нашему нужно писать четырьмя: «эс», «эйч», «си» и опять «эйч». Затем окончания — в каждом падеже окончание, в каждом лице — окончание. Глаголы совершенные, несовершенные. Бедный Фредди никак не мог одолеть этой премудрости и, получив от меня перевод, проникся безграничным уважением ко мне. Кто бы мог подумать тогда, что через несколько лет мы будем сидеть на одной скамейке и я отвернусь, чтобы он не узнал меня.

— Приятная погодка, — заметил Фредди небрежно (самое подходящее начало для разговора). — Немножко холодновато для апреля, а?

— За углом есть заведение, где можно согреться, сэр, — ответил я, подделываясь под бродягу. — Прикажете проводить, сэр?

Фредди криво усмехнулся. При этом усы его встали торчком, как зубные щеточки.

— В общем не валяй дурака, Аллэн! — сказал он. — Я узнал тебя. Я вижу — ты на мели. В чем дело? Почему ты не работаешь?

— Почему? — воскликнул я. — Я сам хочу спросить — «почему». И если хочешь, я соберу здесь, в парке, еще тысячу человек и все мы, выстроившись, спросим хором: «Почему мы не работаем?» Может быть, ты возьмешься ответить?

Фредди пожал плечами.

— Что отвечать? Ты сам знаешь — у нас кризис, — сказал он. — Виновата Москва и разные смутьяны, которых она покупает. Из-за них мы теряем рынки, из-за них и ты сидишь без работы.

— Эти проповеди я слышал, — ответил я сердито, — и никогда не мог понять, при чем здесь русские. Я ни с кем не торгую, на рынках торгует Уолл-стрит. А я строю дома. Могу я строить дома в своем родном городе?

— Ну, знаешь, ты просто красный! — фыркнул Фредди.

— Фредди, я все время толкую тебе, что я не

красный, не черный, не желтый и не голубенький с цветочками. Я безработный.

Фредди задумчиво чертил тросточкой на песке какие-то вензеля.

— А на Пальмовые острова поедешь? — спросил он неожиданно.

— Я могу поехать на Луну, если там нужны железобетонщики!

Фредди улыбнулся.

— На Луну не нужно. Я предлагаю — на Пальмовые острова. Контракт на пять лет. Мне как посреднику — тридцать процентов. Пароход отходит через две недели.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Я много раз задавал себе вопрос: что было бы, не повстречай я Фредди? Трудно сказать. Человек предприимчивый на моем месте, наверное, кончил бы тюрьмой, а мирный и робкий — умер бы с голоду. Так или иначе, я вытянул счастливый номер. И я был действительно счастлив тогда.

С большим удовольствием вспоминаю я первые радостные дни, когда я стал «человеком дела». Фредди был настолько благороден, что одолжил мне в счет жалованья, и первым долгом я отправился в ближайший ресторанчик. Кутить так кутить! Я заказал себе бифштекс, яблочный пирог и кофе. Все это было необычайно вкусно, особенно бифштекс с мелкими сухарями, жареной картошкой и луком. Мне даже жалко было, что он кончился так быстро. Но разве я не богач теперь? Разве я не могу взять еще что-нибудь?..

И, допив кофе, я подозвал официанта и заказал ему все сначала: бифштекс, пирог и кофе. У меня не хватило фантазии для нового меню.

Затем, немножко опьянев от еды, наслаждаясь приятной теплотой во всем теле, чувствуя себя на редкость сильным, добрым и щедрым, я дал официанту четверть доллара на чай (пять ночевок в самой дешевой ночлежке, где койки подвешены на веревках, а в шесть часов утра веревку отвязывают, чтобы сра-

зу поставить тебя на ноги), а затем отправился покупать себе костюм. Новый костюм, словно ключ, открыл передо мной все двери комнат, сдающихся в наем. И через полчаса я нежился в ванне, упиваясь теплом и чистотой.

Потом я перешел к удовольствиям нравственным. Я навестил семейство дяди Хонни и даже преподнес тете Берте коробку конфет. Дядя уже не рисковал давать мне советы. Гарри, сверкая вставными зубами (настоящие ему выбили за это время), тяжело вздохнув, сказал:

— Пальмовые острова — это то, что надо!.. Доллары растут там, как на дрожжах!..

А тетя Берта отвела меня в угол и, с опаской оглядываясь на сына, шепнула:

— Аллэн, ты не мог бы найти Гарри хорошую работу? Бар — неподходящее место для мальчика. Мне кажется, от него иногда пахнет вином. Ты бы урезонил его как старший. (Бедняжка! Она до сих пор не знала, что любимый сын ее — профессиональный гангстер!)

Затем я доставил себе удовольствие сделать доброе дело. Я устроил на работу Джо — неистового борца за справедливость — и даже не взял за это тридцати процентов. Правда, должность была не из лучших, но выбора не было — у Джо в матросской книжке стояла черная печать. Он заработал ее в свое время, добываясь справедливости у старшего штурмана. Поэтому нельзя было определить его в матросы, а только помощником повара — топить плиту и мыть посуду. Но и такой работой Джо был доволен не меньше, чем я своей.

— Будем выполнять свою миссию с мужеством и достоинством, — сказал он. — Во всяком случае, мыть благороднее, чем пачкать.

Было очень приятно чувствовать себя сытым, чистым и хорошо одетым, спать на простынях, под крышей, а не под дождем, видеть почтение родственников и радость Джо. Приятно было покупать, примерять, заказывать, полноправным человеком без дрожи проходить мимо полисмена (Джо заметил, что

я стал держать голову выше). Но всего приятнее было взяться за работу.

Помню, с каким наслаждением, надев налокотники, я впервые сел за покатый чертежный стол. Готовальня, стрекочущий арифмометр, логарифмическая линейка, нетронутая белизна ватманской бумаги приводили меня в умиление. А кнопки, обыкновенные чертежные кнопки с эмалированной головкой! Я чуть не расплакался, увидев их. — ведь я не держал в руках кнопки, наверное, восемь лет. Помню, как вписал я первую цифру в таблицу. Помню, как отточил чертежный карандаш, жесткий, словно гвоздь, и затаив дыхание провел на ватмане первую линию, как любовался ею — такой четкой, ровной, решительной, безукоризненной во всех отношениях.

Мне доставляло удовольствие держать в руках справочник, читать, рассчитывать, проверять, рисовать и стирать резинкой — просто думать, наконец!

Нельзя сказать, чтобы моя работа требовала больших размышлений. Для начала мне дали рассчитать балку — обыкновенную железобетонную балку для заводского здания с восьмиметровыми пролетами. Но балка... здесь, когда речь идет о моей специальности, я уже не могу рассказывать равнодушно.

Каждая вещь на земле имеет тяжесть, и каждая стремится упасть вниз. Это было известно задолго до Ньютона. Так вот, по законам тяжести потолки должны падать нам на головы. А чтобы они не упали, мы кладем их на балки.

Балка собственной прочностью побивает силу тяжести, героически принимая на свой хребет вес перекрытия. От тяжести балка изгибается, или, говоря технически, работает на изгиб. При изгибе верх ее сжимается, а низ растягивается. Не всякий материал может работать так сложно, поэтому очень долго балка определяла характер древней архитектуры.

В степях Средней Азии не было подходящего материала для балок. Древние жители сооружали там сводчатые потолки из глины, поэтому им приходилось строить дома с комнатами длинными и узкими, как коридор. Египтяне применяли в качестве балок теса-

ные камни: чтобы поддерживать их, египтянам приходилось превращать свои храмы в густой лес колонн.

В лесистых странах балки делались из дерева. Дерево хорошо работает на изгиб, иначе его сломала бы первая буря. Но обычно на практике 6—8 метров — это предел деревянной балки.

И только когда были найдены новые формы — ферма, например, и новые материалы — металл и бетон, мы, инженеры, почувствовали себя свободными. Только тогда мы стали строить мосты с пролетами в километр длиной и кинозалы на двадцать тысяч зрителей...

Пока мне предстояла скромная задача, и все же я взялся за нее с невольным трепетом. Ведь прошло восемь лет с тех пор, как я сдал последний расчет. Может быть, у меня отвыкли пальцы и отвыкла голова.

Помню, в детстве, когда мне было лет десять, я научился плавать. Было это в самом конце лета. Я испробовал свое искусство раз или два. Прошел почти целый год, и вот на следующий год в июне я с опаской вступил в воду. Не разучился ли я за зиму? И вдруг, о радость! Барахтаясь и брызгая, я держусь на воде! Я плыву и буду плавать всегда!..

Такая же радость охватила меня, когда я почувствовал, что балка моя продвигается.

В свое время профессора говорили, что у меня есть чутье материала. Чутье — это что-то отвлеченное, но я постараюсь объяснить. Вы, наверное, не раз любовались великолепными мостами через большие реки или проливы. Вы помните гигантские столбы у въезда на мост и огромные металлические дуги, висящие между этими столбами? «Как красиво!» — говорили вы. Да, красиво. Красиво потому, что рационально. Рациональная конструкция, где нет лишнего материала, радует глаз. Металл великолепно работает на растяжение. В висячих мостах почти все несущие части растягиваются. Мы не тратим лишнего материала, и мост получается стройным, изящным, воздушным.

В отличие от металла каменные конструкции ра-

ботаю только на сжатие. На сжатие работают столбы и арки. Посмотрите на средневековые соборы — это песни из камня. В них сочетание столбов и арок. Это шедевр работы на сжатие.

Железобетон — материал новый. У него еще нет своих традиций. Он очень сложен: здесь и твердые камни, и песок, и цементный раствор, и железные прутья. Мы еще плохо знаем этот сложный материал, на всякий случай для прочности добавляем лишку, а излишек мстит дороговизной и неуклюжестью. Мы называем бетон мощным, массивным, а массивность — от нашего неумения. Знай мы материал до конца, мы создавали бы железобетонное кружево.

Эти недостатки приходится исправлять чутьем, вкусом конструктора...

Я чувствую, что деловые люди уже посмеиваются. И совершенно напрасно, потому что красота и экономичность конструкции одно и то же. Впрочем, Фредди тоже надо мной смеялся. Он посоветовал не полагаться на чутье, а лучше взять несколько уроков у старшего инженера бюро. Я так и сделал. И когда прошел двухнедельный испытательный срок, старший инженер коротко сказал, принимая у меня очередную балку:

— Завтра «Уиллела» отчаливает в восемь утра. Она доставит вас прямо на Пальмовые острова.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Уже на пароходе я с некоторым смущением обнаружил, что совсем не знаю страны, где собираюсь прожить несколько лет.

Не без труда я припомнил, что в прошлом веке Пальмовые острова были колонией, потом стали независимой республикой, правда, очень послушной республикой. Несменяемый президент Пальмовых островов любил сниматься в форме американского полковника, а министр иностранных дел аккуратно голосовал за нас в Организации Объединенных Наций. Как голосовали бы остальные жители, я не знаю. Кажет-

ся, они были не очень довольны президентом. Во всяком случае, в наших газетах не реже, чем раз в месяц, появлялось сообщение о том, что доблестные войска президента на этот раз уже окончательно и бесповоротно уничтожили партизанские «банды» в Пальмовых джунглях.

В паровой библиотеке я взял справочник, чтобы пополнить свои знания. Там было написано: «Пальмовые острова находятся к северу от экватора. Всего в архипелаге насчитывается 7 083 острова, из них 4 500 не имеют названия — это коралловые атоллы и скалы. Архипелаг лежит в зоне тропического климата, среднемесячная температура июня $+27^{\circ}$, января $+25^{\circ}$. Вывозится: табак, бананы, ананасы, кокосовые орехи, тростниковый сахар. Все остальное ввозится».

Пожалуй, я очень мало могу добавить к этим деловым сведениям, потому что мое знакомство с Пальмовыми островами состоялось так.

Наш паровоз остановился на рейде задолго до рассвета; пассажиров высадили в катер вместе с целой горой тюков и деревянных ящиков с угрожающей надписью: «Не трясти, не бросать, не кантовать». Пока шла выгрузка, небо стало голубовато-серым, и на стальной глади океана я увидел синюю полосу берега.

На причале стояли солдаты — два рослых откормленных молодца с автоматами на груди. Они стояли, широко расставив голые ноги, увязшие по шиколотки в песке, и горделиво поглядывали на приезжих. А грузчики — темнокожие островитяне в шляпах, похожих на опрокинутые блюда, с опаской обходили эти живые монументы нашей военной мощи.

За спиной у солдат была вывеска «Кокосовая концессия Чилл и Компания», а за вывеской тянулась ровная и низкая песчаная коса без единого кустика. Слева от нас за колючей проволокой виднелись длинные бамбуковые хижины, видимо, бараки рабочих, а справа — приземистые одноэтажные бетонные корпуса, плоские и бледно-серые. Издалека они совершенно сливались с песком. Вот, в сущности, и все, что я могу рассказать о Пальмовых островах.

Меня поселили в одном из бетонных корпусов, и там же я начал работать на следующий день. Я выбрал место возле окна. Отводя глаза от чертежной доски, я мог видеть пустынный океан, пенные гребешки на волнах, пологий пляж, бамбуковые бараки за колючей проволокой и двух охранников на берегу, которые, томясь от жары и скуки, переминались с ноги на ногу.

Мы начинали работу в семь утра. Только в это время можно было дышать и соображать что-либо. Ровно в семь старший инженер Клэй, черный от загара, сухой и нервный маляр, раздавал нам дневные задания: расчет или рабочий чертеж многопролетной балки, металлической фермы, перекрытия, круглой стенки резервуара.

Кто знает, почему Чиллу и Компании понадобилось строить столько бетонных складов и резервуаров для кокосового масла? Я не интересовался этим по крайней мере первое время. Я был в восторге от того, что работы вдоволь.

Часам к девяти в комнате становилось душно. Еще через четверть часа чертежник Джонни (его дразнили Джонни Младенцем) поднимал от доски свое распаренное лицо и, ругнувшись, вылезал из-за стола, чтобы полить пол из чайника.

К десяти уже нечем было дышать. Мы поминутно прикладывались к термосу с холодной водой или подставляли голову под кран. Это освежало, но ненадолго. Как только волосы высыхали, голова снова становилась тяжелой, а мысли вялыми. Приходилось пять минут морщить лоб, чтобы перемножить двузначные числа.

— Неужели шеф не мог найти клочка земли в Штатах? — восклицал Джонни. — Я изжарился заживо. Здесь могут жить только ящерицы и канаки — эти желтые обезьяны! (Джонни было лет восемнадцать. Он очень хотел, чтобы его считали взрослым, а взрослый американец, по его мнению, должен был крепко ругаться, много пить, развратничать и всячески третировать всех неамериканцев, в особенности — цветных.)

— В Штатах не платят таких денег, — отвечали старшие.

— Попробуй найди там работу! Аллэн расскажет тебе, как это легко.

— Работать нигде не сладко...

Много позже я задал Фредди тот же самый вопрос: для чего, собственно, Чилл устроил свое бюро на Пальмовых островах, в чужой стране?

Фредди только рассмеялся.

— Шеф знает, что делает! — сказал он. — В Штатах он на виду. Там сотни прогрессивных газетчиков. Всем рот не замажешь... Мистер Чилл получил субсидии? На что? На научные исследования? На какие?.. А тут Чилл — полный хозяин. Он господин Доллар. Что он делает у себя за колючей проволокой? Нас не касается — он платит долларами. Здешний президент сам примет меры, чтобы охранять покой шефа.

Конечно, Фредди был прав. Все мы были «господа Доллары» в этой стране. Не только шеф, но и Фредди, и Джонни Младенец, и я, и даже монументальные охранники на пристани. Один из них сказал мне как-то:

— Какой смысл ехать в Штаты? Кем я буду там? Вышибалой в баре, рабочей сардинкой в метрополитене? А здесь я не сардинка, я господин Американец... Эй ты, черномазый, посторонись, ослеп, что ли?..

В полдень, окончательно осовев от жары, мы прекращали работу. Начинались томительные часы дневного перерыва — от 12 до 6. Можно было, игнорируя акул, отправиться купаться, можно было сидеть в комнате, завесив окна мокрой простыней, киснуть от жары и вслух ругать шефа, тропики, самого себя, безработицу и Фредди. Можно было, наконец, вышибая клин клином, провести шесть часов за стойкой в буфете, изобретая необыкновенные коктейли и посмеиваясь над хвастливыми рассказами Джонни о его воображаемых романах.

Я обычно предпочитал первый способ, а наш молчаливый начальник Клэй — последний. Ровно в двенадцать он забирался на вертящийся табурет перед

стойкой и начинал, как он выражался, атаку на приступ малярии. Часа два шла ожесточенная молчаливая борьба между алкоголем и лихорадкой. Клэй глушил болезнь страшными смесями из рома, лимонной кислоты и чистого спирта (никто из нас не мог их даже пригубить). Затем, после долгой борьбы, спирт побеждал и болезнь и больного. Клэй, размякнув и опьянев, впадал в философическое настроение. Пригорюнившись, он подсаживался к подчиненным и смущал их трудными вопросами.

— Зачем я пью? — спрашивал он. — Зачем работаю? Зачем живу? Отчего меня не выгонят? Не знаете?.. Эх вы, молодежь!..

По вечерам Клэй не работал. В лучшем случае он дремал у себя за столом, подложив под щеку «Справочник железобетонщика». Все начальство знало это, вплоть до шефа, но Клэя не трогали. Он был в своем деле артистом, и все мы разводили руками, когда Клэй двумя словами разрешал безвыходные, казалось бы, затруднения.

Пьянство Клэя имело неожиданные последствия для меня.

Это было примерно через месяц после моего приезда. Уже месяц я рассчитывал фундаменты и балки для каких-то неведомых сооружений, которые обозначались у нас: «корпус А, корпус В, корпус Х» и т. д. Для чего эти корпуса, никто не знал, да и не спрашивал. Мы получали двойное жалованье не за любопытство.

Но вот однажды вечером, когда воздух был, как парное молоко, а на темной глади океана золотилась лунная дорожка, кто-то вызвал Клэя к телефону. Наш начальник, как обычно, дремал, подпирая подбородок ладонями, и Джонни, хихикнув, сказал:

— Что же вы звоните? Разве вы не знаете, что он плохо слышит после обеда?

— Кто плохо слышит? — Джонни, съездившись, на цыпочках отошел от телефона. Голос Клэя был неожиданно ясным и трезвым, но жесты, как у пьяного, — порывистые и вместе с тем связанные. Видно было, что перед каждым движением старший инженер

размышляет: «Надо встать. Надо взять трубку правой рукой».

Но все-таки по дороге Клэй опрокинул бутылочку с тушью на стол и, не заметив кляксы, положил на нее руку.

— Какая схема? — сказал он с досадой. — Корпус Н? Делайте по чертежам корпуса В. Не понимаю. Какие исправления? Ну, хорошо!

Он опустил в свое кресло и, морщась от головной боли, провел рукой по лбу, пятная лицо тушью. Джонни сдавленно хихикнул. Клэй пытливо поглядел на него, видимо подозревая, что Джонни подстроил какую-то каверзу, потом на свою черную ладонь, на залитый тушью стол и вдруг улыбнулся добродушно и беспомощно.

— Кажется, я пьян, мальчики... придется сходить кому-нибудь из вас. Кто тут самый толковый? — Он обвел глазами контору. — Аллэн, будьте добры. Вы знаете, где корпус В? Что? Секретно? Ничего, я отвечаю за это. Я напишу им, пусть покажут вам лабораторию в работе.

«Покажут лабораторию в работе!» Наконец-то для меня откроется тайна Кокосовой концессии. Наконец-то я увижу, какие дела прикрываем мы нашими балками и перекрытиями! И десяти минут не прошло, как я уже сидел в кабинете начальника лаборатории — мистера Стоуна и вместе с ним рассматривал планы корпуса В.

— Здесь, в электролизном цехе, все будет по-прежнему, — говорил он, водя карандашом по светокопии. («Вот как, — подумал я, — электролизный цех в кокосовом складе!») Нужно только увеличить размеры компрессорной... («Компрессорная! Для чего же им нужен сжатый воздух?») Здесь вы добавите отверстие для трубопровода. («По-видимому, воздушного!») Здесь будут резервуары, а здесь машинный зал и трансформатор при нем. (Я сообразил, что машины питает током наша центральная электростанция.) Но самое главное — лаборатория. Как раз сейчас, — он взглянул на часы, — начинается опыт, и вы сможете увидеть необходимые механизмы в действии.

Он повернул какой-то рычажок на мраморной доске, и в стене против нас открылось круглое отверстие, нечто вроде иллюминатора. Я заглянул внутрь и увидел за выпуклыми стеклами довольно просторную, плохо освещенную комнату без дверей и без окон, со сплошными зеркалами во всю стену. В комнате было несколько пальм в кадках, полки с коллекциями, маленькая, изящная антилопа с тонкой мордочкой и подвижными ушами и даже аллигатор в железной клетке. Все предметы удваивались зеркалом, и казалось, что перед нами не одна антилопа, а две и обе они одновременно поднимали голову, переступали ногами, вытягивали шею.

Внезапно антилопа (и ее отражение) насторожилась, понюхала воздух и заметалась по комнате. Потом животное остановилось, прижавшись в угол, и только тут, перехватив ее взгляд, я увидел то, что пугало ее. В верхнем углу из небольшой трубки, похожей на дуло ружья, струей бил пар. В несколько минут вся комната заполнилась паром — сначала в нем утонул аллигатор, затем антилопа, потом пальмы и полки.

— Вот всегда так, — с досадой воскликнул Стоун. — Самый важный момент — в тумане!..

— Пробуете ядовитые газы? — спросил я с отвращением.

Стоун отмахнулся.

— Что вы! Какие там ядовитые... Обыкновеннейший водород.

Некоторое время спустя воздух прояснился. Теперь опытная комната выглядела совсем иначе. Зеркало запотело, пол покрылся тонким слоем матовой изморози. Пальмы поникли, аллигатор спал в своей клетке, и только антилопа судорожно прыгала по комнате, по временам останавливаясь и опуская голову, как будто сон одолевал ее.

— Сто десять градусов! — воскликнул Стоун, указывая на стену, где висел огромный термометр неизвестной мне конструкции. Светящаяся стрелка стояла возле 110, даже 112. Нет, уже 113! Температура постепенно понижалась.

Теперь мне стало понятно все. Корпус В был грандиозной лабораторией по изучению холода. В электролизном цехе добывали водород из воды. Гигантские резервуары, которые мы рассчитывали, предназначались для хранения газа. В компрессорной газ сжимался, а в машинной, вероятно, превращался в жидкость. Эта жидкость впрыскивалась в зеркальную комнату. Но зачем? Чтобы простудить аллигатора?..

— Любопытно, сколько она выдержит? — бормотал Стоун, следя за прыжками антилопы.

Снова поднялся туман, на этот раз ненадолго, а когда он рассеялся, антилопа лежала без движения поперек желоба, по которому стекала светлая, почти совершенно прозрачная жидкость.

— Жидкий воздух! — догадался я. Стоун молчаливым кивком подтвердил мое предположение.

Внимательно глядя в иллюминатор, он начал нажимать разноцветные кнопки одну за другой, и опытная камера ожила: от потолка ее отделились странной формы крюки, щипцы и подвески... Металлические пальцы стали шарить по полу, вынося из жидкого воздуха ящики, кадки с пальмами и сосуды... Очевидно, в камере были расставлены разнообразные вещества, на которых испытывалось действие холода. Один из крюков зацепил мертвую антилопу, но, не удержав, уронил ее, и антилопа, упав на бетонный пол, разбилась на куски, как стеклянная. Голова отскочила в сторону, тонкие ноги разлетелись осколками.

Больше я ничего не видел, потому что Стоун хлопнул иллюминатор.

— Такова наша опытная лаборатория, — сказал он. — Ее следует расширить и усовершенствовать... Давайте посмотрим размеры по чертежу...

Записывая цифры и проставляя их на светокопии под диктовку Стоуна, я все время думал: зачем это нужно? Сначала мне пришло в голову самое простое объяснение. У мистера Чилла, нашего шефа, величайшие в Америке бойни. Ему принадлежат горы колбас, грудинки, мясных консервов, фарша, котлет, паштетов, тушенки, бульонных кубиков. Говяжий ко-

роль мистер Чилл — основной заказчик холода. Чтобы доставить вырезку, филе, грудинку и ливер Чилла во все штаты или чужим проголодавшимся странам, нужны тысячи вагонов, сотни пароходов-рефрижераторов, сотни портовых холодильников на всех берегах Атлантики и Тихого океана. Наш шеф не только говяжий король, он король мороза, и понятно, если его лаборатории изучают низкие температуры.

Но, трезво подумав, я отказался от своего собственного объяснения. Изучение холода — вещь понятная, но к чему же замораживать антилопу? Ни один лесоруб, свалив дерево, не станет его вытаскивать из леса вместе с сучьями и листвой... Никакого смысла нет возить за тридцать земель замороженных быков с рогами, копытами, в обледеневшей шкуре. Нет, мясная торговля здесь ни при чем! У шефа иные цели...

И я решил, как только приедет Фредди, спросить его, если только сам он знает что-нибудь.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Фредди приехал гораздо раньше, чем я предполагал. В середине июля нагрянул неожиданно шеф. Он прилетел на самолете после полудня, в самую жару, и за пять минут разворошил весь городок, как муравейник. Полутрезвый Клэй, желтый от злости и лихорадки, собрал нас в бюро. Джонни заикнулся об урочном отдыхе и тут же был оштрафован. Какое там расписание? Шеф на работе — значит, все должны работать! Отдыхать поезжайте в Штаты, обивайте там пороги на частных биржах труда... А кто утомился, сейчас же получит проездной билет.

Стиснув зубы мы уселись за столы. Сегодня каждый из кожи вон лез, чтобы доказать свою незаменимость. Машинистки стучали вперегонку, как горохом сыпали, сметчики громко жаловались на ошибки, начальники щедро раздавали выговоры, стараясь, чтобы их голоса были слышны в коридоре, где мог проходить «великий Чилл». К вечеру дошла очередь до нас: секретарь шефа потребовал к телефону Клэя,

и даже Клэй, наш хладнокровный Клэй, ко всему безразличный, кроме спиртного, побледнел, принимая трубку...

— Кажется, старик сам получит проездной билет, — злорадно прошипел Джонни...

Клэй повесил трубку...

— Аллэн, — сказал он четко, — вас требуют в кабинет шефа...

Теперь пришла моя очередь дрожать и краснеть. К шефу? Меня? За что? В чем я провинился?.. Я мысленно просмотрел все подписанные мной чертежи и сметы... Как будто никаких ошибок, никаких замечаний... Значит, просто сокращение, и меня, как новичка, первым...

И вот, словно приговоренный к казни, я стою перед тяжелой дубовой дверью, бессмысленно глядя на бронзовую львиную голову, которая держит в зубах медное кольцо... Сейчас я возьмусь за кольцо и... открою дверь в Штаты, назад к парковым скамейкам, к унижительным похлебкам «Армии спасения» и пятицентовым ночлежкам. Чудеса не повторяются дважды. Нет у меня в запасе второго однокашника, ставшего секретарем миллионера. Я встречал среди безработных людей в десять раз опытнее и способнее меня — они уже потеряли надежду...

Откуда-то сбоку выходит Стоун. Его холеное бледное лицо покрыто красными пятнами, губы дрожат...

— Надо быть идиотом, — говорит он, стуча зубами, — полным идиотом, чтобы верить собственным газетам... Я столько раз предупреждал его, носил статьи, рефераты... Заладил одно: «У них ничего не выйдет». А теперь он удивлен. Он удивлен, что у русских есть инженеры, до сих пор он думал, что в Москве ездят на белых медведях верхом... Надо быть стоцентным дураком...

Я не слушаю Стоуна, мне не до него. Я понимаю, что Стоун уже получил проездной билет в Штаты. Теперь моя очередь.

И вдруг передо мной возникает знакомое лицо Фредди. Мой бывший соученик взъерошен и бледен, как бывало перед экзаменом. Радостно вскрикнув, он

тащит меня за рукав в соседнюю комнату и, задыхаясь, шепчет на ходу:

— Аллэн, друг, это я тебя вызвал, извини... Выручай, на тебя вся надежда... Шефу прислали русскую статью. Нужно ее перевести сейчас же... Шеф рвет и мечет, а я все перезабыл... «Я хожу, он хо-дишь...» Ничего не помню.

— Но, Фредди, дорогой, я восемь лет не брал в руки учебника...

— Как-нибудь, Аллэн, как-нибудь... Вот словари, бумага, если нужно, — вызовем стенографистку... Думай всюю: от этого зависит и твоя судьба и моя...

Он кинул на стол целую пачку газетных вырезок и оттисков. Я увидел русские буквы и обрадовался им, как старым знакомым. Будто бы снова вернулись колледж, экзамены, длинные шпаргалки с неправильными глаголами и погибающий Фредди, у которого вся надежда на меня.

Один из журналов был популярным, вероятно, для молодежи. На его обложке яркими красками был изображен пароход, столкнувшийся с ледяной горой. Пароход тонул, нос его был задран, корма ушла в воду, а на переднем плане стояли улыбающиеся люди с флагами. Я еще подивился наивной беспомощности художника, не сумевшего изобразить ужас и смятение. Но Фредди не дал мне раздумывать. Он положил передо мной газетную вырезку, и я, запинаясь, продиктовал:

«Дом, построенный из воды».

Я вспомнил все слова, не заглядывая в словарь, перевел и тут же усомнился. «Дом, построенный из воды» — это звучало странно. Понятнее «у воды» или «в воде». Но словарь подтвердил мой перевод. Оказывается, я сносно помнил русскую грамматику. Предлог «из» может иметь разные значения, но большей частью он переводится «from» — откуда-то, «out of», — изнутри, или «of» — из такого-то материала, из такой-то группы... В данном случае речь шла явно о материале, поскольку перед «из» стояло причастие «построенный», так что перевод «The house made of water» был, безусловно, правилен.

Но я думаю, незачем задерживаться на всех грамматических сомнениях двух неумелых переводчиков. Первый же абзац подтвердил, что заголовок переведен верно. Статья была написана неизвестным мне русским ученым, профессором Черновым, и в ней на самом деле речь шла о доме, построенном из воды, то есть из замерзшей воды — изо льда. Этот ледяной дом был сооружен в Петербурге двести с лишним лет назад по распоряжению царицы Анны Иоанновны. Скучающая царица затеяла постройку для того, чтобы сыграть там свадьбу своего шута. Комнаты, двери, окна, мебель, архитектурные украшения — все было сделано из чистого льда. Очевидец, восхищенный ледяным дворцом, описал его в брошюре под витиеватым заголовком: «Подлинное и обстоятельное описание построенного в С.-Петербурге в январе 1740 года ледяного дома, составленное академиком Георгом Крафтом». Из этой брошюры в статье приводились обширные цитаты:

«...Самый чистый лед наподобие больших квадратных плит разрубали, архитектурными украшениями убирали, циркулем и линейкой меривали, рычагами одну плиту на другую клали и каждый ряд водой поливали, которая тотчас замерзала и вместо крепкого цемента служила. Таким образом, через краткое время построен был дом, который был длиною в 5 сажень, шириною в 2 сажени с половиной, а вышиною вместе с кровлей в 3 сажени...»

«...Наперед перед домом стояло шесть ледяных точеных пушек, которые имели колеса и станки ледяные ж... Из оных пушек неоднократно стреляли: в каком случае кладено в них пороху по четыре фунта и притом посконное или железное ядро заколачивали. (Такое ядро иногда в присутствии всего императорского придворного штата в расстоянии шестьдесят шагов доску толщиной в 2 дюйма насквозь пробило.)

...По правую сторону дома изображен был слон в надлежащей его величине... Сей слон внутри был пуст и так хитро сделан, что днем воду вышиной в двадцать четыре фута пускал... а ночью с великим

удивлением всех смотрящих горящую нефть выбрасывал... Сверх же того, мог он, как живой слон, кричать, каковой голос потаенный в нем человек трубою производил. Третье — на левой стороне дома по обыкновению северных стран изо льда построена была баня, которая, казалось, будто бы из простых бревен сделана и которую несколько раз топили и действительно в ней парились...»

Каждая цитата доставалась мне с величайшим трудом. Переводя их, я пал духом и совершенно разуверился в своих познаниях. В моих словарях не оказалось слов «наперед», «меривали», «посконное», «каковой». Пришлось переводить их по догадке. Повидимому, брошюра была написана устаревшим или неправильным языком. Но неумолимый Фредди требовал точного перевода, и я с ужасом встречал каждый абзац, начинавшийся кавычками:

«...В каждом покое по 5 окон, в которых как рамки, так и стекла были сделаны из тонкого, чистого льду. Ночью в оных окнах много свеч горело, почти в каждом окне видны были писанные на полотне смешные картины, причем сияние, сквозь окна проникающее, преизрядный и весьма удивительный вид показывало.

В перилах, кроме главного входа, находились еще двой сторонние ворота и на них горшки с цветами и померанцевыми деревьями, а подле них простые ледяные деревья, имеющие листья и ветви ледяные ж, на которых сидели птицы, что все изрядным мастерством сделано было...»

Я был очень доволен, когда описание ледяного дома кончилось и уже без всякого труда перевел заключительные строки, написанные автором статьи простым современным русским языком.

«История не сохранила нам, — писал профессор Чернов, — имена талантливых русских мастеров, возможно, крепостных художников, основателей ледяной архитектуры и скульптуры. Но искусство их показывает, что лед как строительный материал был издавна известен русскому народу и совершенно незаслуженно оставлен в пренебрежении в наши дни.

Лед прочен, дешев, легко обрабатывается, совсем не так легко тает, как это думают, а исходный материал для получения льда — вода — имеется в изобилии в реках и морях».

После статьи о ледяном дворце мы взялись за мелкие заметки. Почти все они были посвящены переходу какого-то судна «Сахалин» с острова Вулканический в портовый город Приморск. Почему этот пароход интересовал Чилла? Почему о нем ежедневно писали в газетах? Какова связь между пароходом и ледяным домом? Я не нашел объяснения ни в одной заметке, вплоть до самой последней.

«Приморск. 13. (Соб. корр.) Сегодня трудящиеся Приморска встречали пароход «Сахалин». Небывалый рейс проведен без аварий и закончен досрочно. В порту состоялся митинг, посвященный окончанию похода. Выступавшие поздравили участников похода с успешным выполнением задания. От имени коллектива судоремонтного завода выступал слесарь-передовик т. Сафонов. «Завод берет на себя обязательство, — сказал Сафонов, — произвести все ремонтные работы с отличной оценкой и досрочно спустить пароход на воду».

Заметки я перевел довольно легко, почти не заглядывая в словарь, и, приободрившись, без трепета взялся за научные статьи. Первая из них называлась «К вопросу о текучести ледяных сводов», вторая — «Внутренние напряжения и возникновение трещин в массивных ледниках», третья — «О связи между скоростью таяния льда и структурой поверхности». Я перевел их очень быстро, без труда, но ничего не понял. Статьи на три четверти состояли из формул и цифровых таблиц. Я переписывал их, не вникая, а переводил только связующие слова: «отсюда следует», «после преобразований получаем», «делим на», «принимаем за основу».

Во всех трех статьях я встретил фамилию Чернова. Одну статью он написал сам, две другие шли с его предисловием. Очевидно, именно Чернов интересовал нашего шефа. И постепенно у меня в голове начало складываться какое-то объяснение. На Пальмовых

островах лаборатории Чилла изучают низкие температуры. Русский профессор Чернов пишет статьи о свойствах льда, о ледяном доме, призывает строить изо льда. Но все-таки, что же он сделал замечательного? И при чем здесь пароход?

Только из последней статьи, той, что была напечатана в журнале с цветной обложкой, я получил исчерпывающий ответ. Привожу ее полностью.

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ «САХАЛИНА»

1

В этот жаркий летний день вряд ли кто думал о льдах. И когда ледяная гора появилась в порту, никто не догадался, что это такое.

Прошлогодний снег растаял три месяца назад, мутно-желтыми ручейками сбежал с холмов в залив. Полая вода принесла из таежных речек льдины, но в море они размокли, разошлись, как сахар в стакане чаю. Это было очень давно, в начале весны, а сегодня щедрое солнце поливало город теплом, ослепительные блики плясали на поверхности моря. У берега барахтались мальчишки, зажмурив глаза, колотили руками по воде, наперебой кричали друг другу: «Ребята, глядите, как я плыву кролем!»

И вдруг — ледяная гора!

Она выплыла из-за острова, обогнув лесистый мыс, и незаметно оказалась в проливе, в самой гуще рыбацких парусников и прогулочных лодок.

Загорающие на пляже долго не решались поверить своим глазам. «Какой странный парус! — сказал один из них. — Да нет, не похоже на парус. Как будто — учебная мишень. Странная мишень, выглядит, как айсберг. Но зачем же возить по проливу макет айсберга?»

А между тем ледяная гора приближалась, обгоняя лодки. За ней, как за пароходом, бежали две косые волны и с шумом разбивались на обоих берегах. Перед льдиной шел портовый буксир. Потом он взял

направо, как бы убегая, а через несколько минут ледяная гора повернула за ним, словно шла на при-вязи.

— Смотрите, течение несет ее прямо в порт!

— Да нет, это катер тащит ее.

— Катер буксирует айсберг! Что это такое, новый способ доставки льда?

Зрители терялись в догадках, а зеленоватая ледяная глыба между тем уверенно шла в порт мимо маяка, мимо элеватора и холодильника, прямо к берегу, туда, где гостеприимно распахнулись решетчатые ворота судоремонтного завода.

Историю этой странной льдины мы и собираемся рассказать.

2

Военный транспорт «Карафутто» (так японцы называли остров Сахалин) водоизмещением в 10 тысяч тонн был спущен на воду в 1941 году. Выполняя «священную волю микадо», «Карафутто» возил солдат, снаряды, патроны, орудия и танки в Шанхай для войны против китайцев, на Яву — для войны против индонезийцев, на Новую Гвинею — для войны против австралийцев, в Корею, Вьетнам и Бирму, всюду, куда тянулись хищные лапы японских империалистов. В сентябре 1945 года транспорт «Карафутто» получил приказ доставить военный груз на морскую базу на острове Вулканическом, на этот раз — для войны против советского народа. Но это задание не удалось выполнить. Неподалеку от базы транспорт атаковали советские торпедные катера. Одна из торпед разорвалась в корме, ниже ватерлинии. Транспорт задрал нос, словно хотел выпрыгнуть из воды, и так, стоямя, пошел на дно.

Это было в те дни, когда, рассыпавшись под мощными ударами советских войск, отборные армии микадо сломя голову бежали по маньчжурским полям, когда преступники-бактериологи в Харбине жгли архивы и уничтожали свидетелей, а Пентагон испытывал на японских женщинах и детях новое оружие — атомную бомбу.

Разгромленные в Маньчжурии самураи капитулировали. Временно захваченная японцами южная половина Сахалина была освобождена и перестала называться Карафуто. Вместе с другими русскими островами был возвращен советскому народу и остров Вулканический. В прежней военно-морской базе поселилась экспедиция океанографов. И тогда был впервые поднят вопрос о подъеме потопленного судна. Магнитная разведка вскоре обнаружила металлический корпус. Транспорт лежал в пяти милях от берега на твердом скалистом дне, благоприятном для работы. Но лот категорически сказал: «нет». Глубина 311 метров, давление свыше 30 атмосфер. В таких условиях водолазы работать не могут.

Судно пришлось оставить на дне на долгие годы, тогда казалось — навеки. Но прошло не так много времени, и был найден новый оригинальный, еще небывалый способ для подъема затонувших судов. Этот способ предложил Андриан Михайлович Чернов.

3

Доктор технических наук профессор Андриан Михайлович Чернов известен как крупнейший специалист и новатор в холодильном деле. Профессор написал трехтомный труд «Холод», по нему учатся все инженеры-холодильщики. Профессор читает лекции. Через его руки прошли тысячи студентов, тысячи инженеров во всех концах страны повторяют своим ученикам любимые слова Андриана Михайловича: «Студент должен не только помнить, но и понимать, не только повторять, но и проверять, не только излагать, но и предлагать».

Профессор коренным образом изменил холодильное дело. Он чутко относился к каждому рационализаторскому предложению своих сотрудников, студентов, рабочих. Чернов жадно ловил интересные мысли, заставлял человека развивать робкую, еще не оформленную идею, подталкивал, тормозил, давал советы, вносил исправления. А когда в печать готовилась новая работа и молодой соавтор просил профессора

подписать ее, Андриан Михайлович только пожимал плечами:

«Помилуйте, какой же я руководитель? Идея ваша, и сделали вы все от начала до конца. И вообще, самое главное — нужная работа, а подписи — вопрос второстепенный».

В холодильном деле ни одно изобретение не проходило без участия профессора. В свое время он строил ледяные укрепления и огневые точки, позже совместно с инженером Крыловым сооружал ледяные склады и овощехранилища, проектировал зимние ледяные дороги и ледяные переправы и, наконец, предложил применить лед для подъема затонувших судов.

Лед легче воды — это общеизвестно. Льдины, ледяные горы, ледяные поля плавают на поверхности рек, озер и морей. Если лед образуется на дне, он всплывает. И вот профессор внес предложение: заморозить воду вокруг затонувшего судна. Льдина обязательно всплывет и поднимет на поверхность океана парход.

Конечно, эту простую идею не так просто было осуществить. Подъемная сила льда не очень велика — льдина объемом в 1 кубический метр может поднять 100 килограммов груза. Правда, естественный лед большей частью насыщен пузырьками воздуха, и поэтому грузоподъемность его больше. Профессор предполагал приготовить особо легкий «воздушный» лед с грузоподъемностью около 500 килограммов на 1 кубический метр. И тем не менее, чтобы вырвать корпус, сидящий на скалистом дне, преодолеть давление трехсотметровой толщи воды и поднять на поверхность судно, весящее около 10 тысяч тонн (под водой, конечно, несколько меньше), требовалось по расчетам профессора Чернова изготовить около 30 тысяч кубических метров льда. Нужно было создать плавучий холодильный завод, привести его на место гибели транспорта и, пользуясь тихой погодой, в короткий срок провести всю работу по замораживанию. Такой завод предстояло спроектировать, выстроить, испытать...

Вся эта работа проходила на острове Вулканическом.

На карте остров Вулканический похож на сломанное кольцо — почерневший ободок, брошенный на синюю гладь океана. Много миллионов лет назад здесь был вулкан. В те времена над морем возвышался величественный конус, над вершиной его клубился черный пепел, сверкали молнии, время от времени по склонам горы струились огненные реки. Но затем вулкан потух. Иссякли огненная лава, горячие пары и пепел. И океан, размыв рыхлые туфы, ворвался в грозный некогда кратер. Возникла круглая бухта — естественный порт, окаймленный тесным кольцом угрюмых скал. В этой глубокой бухте японцы прятали свои суда, в темных пещерах таились зловещие дула береговых орудий.

Но теперь бывшая военная база стала базой наступления на природу. Из обширных складов рабочие экспедиции вымели и выбросили в море кучи ржавого оружия — ненужного военного хлама. Их место заняли мастерская, общежитие и школа, где обучались морозометчики. Так называли себя рабочие новой специальности — подводные холодильщики, строители ледяных сооружений.

В экспедиции было много молодых рабочих, большей частью воспитанников Амурского училища. Училище это славится на весь Дальний Восток. Каждый год, задолго до выпуска, к директору поступают заявки с настойчивой просьбой прислать 10—20 или даже 50 рабочих. В этом году рабочие гребовались рыбоконсервному комбинату, судостроительному заводу, в железнодорожные мастерские, судоверфи, на нефтяные промыслы, в лесокомбинат и даже в китобойную флотилию. Можно было выбрать Владивосток, Хабаровск, Комсомольск и даже свой родной город — остаться инструктором при училище. И все же целая группа — свыше 20 человек — предпочла поехать на остров Вулканический, где жить было всего труднее, а работать — всего интереснее.

В сущности, вся экспедиция была школой, где учились все — рабочие, инженеры и сам профессор Чернов. Учились замораживать воду, учились работать на холодильном заводе, учились из искусственного льда строить сооружения, ради учебы соорудили на острове ледяной причал, ледяную лестницу, ледяную набережную вдоль берега и ледяной склад на ней; только ради учебы утопили в заливе бот и подняли его с двадцатиметровой глубины с помощью льда. Это была генеральная проверка, репетиция предстоящей работы. И когда она прошла без задоринки, профессор Чернов приказал соорудить ледяную баржу и грузить на нее плавучий завод и запасы охладителя.

5

И вот наступила решающая ночь. Погрузка была закончена накануне, а вечером, как только океан начал стихать и яростный рев могучих волн сменился сонным рокотом, буксирный пароход экспедиции «Грозный» вывел тяжело груженную ледяную баржу из залива в открытый океан. Вскоре черные силуэты остроконечных скал отошли на запад. Из-за утесов выглянула ущербная луна, темнеющее небо заискрилось яркими звездами.

Около полуночи ледяная баржа прибыла на место. Рабочие заранее заняли свои места у лебедок или в резиновых моторных лодках. По сигналу профессора все лодки одновременно отчалили, и тотчас же загрохотали лебедки, спуская в воду широкие гибкие трубы, предназначенные для того, чтобы подавать охладитель на глубину.

— Включить подачу! — скомандовал профессор.

Он находился на носу, на ледяной рубке, которая возвышалась над газгольдером. Тут же помещался глубинный телевизор (новейшая модель, специально построенная для экспедиции на телевизорном заводе). Мерцающий зеленоватый прямоугольник экрана ярко выделялся на фоне темно-лилового неба. В нижнем левом углу экрана виднелось дно — крутая зубчатая стена. Металлический корпус транспорта

казался угольно-черным. Ясно видно было, как он стоял, привалившись левым бортом к склону, с кормой, застрявшей в расщелине. Затем на экране появились волнистые черные линии — это спустились трубы, подающие охладитель. Они окружили транспорт со всех сторон, словно змейки, вцепились в его борта. И через несколько минут черный силуэт начал мутнеть. Это началось обледенение.

— Номер четыре, поднять шланг! Номер три, десять метров на север! — командовал профессор.

Мерно тарахтели лебедки, наматывая гибкие трубы. По темной воде скользили цветные фонарики лодок. Исполняя приказ, лодки переставляли поплавки на 10 метров к северу.

Не так просто было управлять обледенением на расстоянии в 300 метров. Чтобы поднять транспорт, требовалось надеть на него громадный ледяной поплавок, как бы заковать в ледяной панцирь. Но нужно было опасаться при этом, чтобы панцирь не примерз к скалистому дну. Тогда вся работа пошла бы насмарку. Пришлось бы ждать, когда льдина растает, а затем все начинать сначала. Поэтому вместо панциря сооружался ледяной нарост. Льдом покрывались палуба и правый борт. Кроме того, поднимая судно, профессор Чернов хотел перевернуть его так, чтобы оно оказалось не под ледяной горой, а рядом с ней. Все это усложняло работу по обледенению, и, следя за экраном, профессор вынужден был непрерывно передвигать шланги к носу или к корме, подавать их выше, спускать ниже.

Рядом с экраном главный инженер выписывал мелом цифры — расход охладителя и тут же предполагаемый объем искусственной льдины. Цифры постепенно увеличивались — 8, 10, 12 тысяч кубических метров. Под спокойной маслянисто-черной гладью океана росла целая ледяная гора.

Быстро проходила теплая летняя ночь. Уже в третьем часу на выцветшем сером небе одна за другой стали гаснуть звезды. У горизонта возникла бледно-желтая полоса, постепенно она захватила весь небосклон. Вслед за звездами погасли цветные огонь-

ки на воде — лодки выключили ненужные фонари. Океан стал молочно-серым и гладким как стекло.

— Номер семь — пять метров вперед, номер первый — десять метров вверх... двадцать тысяч кубических метров... двадцать тысяч двести... двадцать тысяч четыреста.

Искусственная льдина уже превосходила по размеру судно. И так как нужный объем нельзя было точно подсчитать заранее, профессор ежеминутно ожидал всплытия...

Однако мутный силуэт на экране не двигался, хотя время шло и росли пятизначные числа. Нежные краски восхода сменялись на небе. Вот по горизонту растеклось жидкое золото, сумрак начал отступать перед зеленоватой полосой. Вот вспыхнуло малиновое зарево, розовые пятна бегут по воде. А вот из багровой мглы на востоке выкатывается ослепительно яркий шар, светлый, сияющий, словно омытый прозрачной океанской водой. Тридцать четыре тысячи шестьсот... Тридцать четыре тысячи восемьсот... Тридцать пять тысяч...

— Почему же пароход не всплывает? Давно пора бы. Неужели он примерз ко дну?

Небо и море постепенно наливаются синевой. Океан у горизонта становится темно-синим, почти лиловым. Поднимается ветер, и вот уже волны бороздят поверхность океана, покачивая лодки. Только грузная, глубоко сидящая ледяная баржа стоит неподвижно, словно на скале.

И вдруг профессор резко наклоняется к рупору. Его глубокий бас покрывает плеск воды и рокот лебедок:

— Поднять шланги! Все лодки на баржу!

Завыла сирена на «Грозном». Лязгнула цепь — буксир потащил баржу в сторону. Разом загрохотали все лебедки, наматывая кольчатые трубы, и лодки бросились врассыпную от ненужных поплавков. Еще минуту-две залитый солнцем океан оставался спокойным, но внезапно поверхность его вздулась горой. Невиданной величины волна обрушилась на ледяную баржу, буксир, лодки, покрыла их кипящей пеной,

закружила, как щепки. А когда пена схлынула, вымокшие до нитки, но счастливые морозометчики увидели прямо перед собой снежно-белую ледяную гору высотой с двухэтажный дом и рядом с ней нелепо задранный кверху нос парохода с обнаженным килем.

6

С пароходом пришлось еще повозиться. Чтобы поставить его в нормальное положение, опустить нос и поднять корму, понадобилось нарастить лед в кормовой части, а для равновесия — и на левом борту. Затем «Грозный» взял на буксир поднятый транспорт, заключенный в льдину, словно косточка сливы в плод, и начался поход через два моря и три пролива от острова Вулканического в советский порт.

Здесь мы видели льдину, когда морозометчики передавали ее судостроителям. Мы стояли на зернистом, похожем на сахар скрипучем льду, и лучшие мастера демонстрировали нам свое искусство.

Работа морозометчиков напоминает фехтование. Они становятся попарно — один у насоса с обыкновенным шлангом, другой с морозометом в руках. Так назван особый прибор, похожий на маленькую пушку с выдвижным дулом. Из шланга бьет струя воды, навстречу ей — поток искристой пыли охладителя. Две струи скрещиваются в воздухе, и там, где они встретились, рождается свежий лед. Он ложится слой за слоем, и на ваших глазах из воды и порошка вырастают бортики, стены, перегородки...

Затем морозометчики уступили место судостроителям. Льдину ввели в плавучий док, закрепили ее стальными канатами. Дробно застучали отбойные молотки, зашипели разогретые пилы, очищая корпус от ледяной скорлупы, сделавшей свое дело и более ненужной.

Так произошло второе рождение «Сахалина».

А вечером в тот же день профессор Чернов выступал с докладом в городском комитете партии на собрании партийного актива.

— Сегодня мы передали, — сказал Чернов, — под-

нятый со дна морского военный транспорт. Прежде этот пароход встречали в портах с ненавистью. Он привозил народам смерть, бесправие, угнетение. Но теперь пароход рождается вторично. Бывший японский «Карафуто» превратится в советский «Сахалин». Он будет возить не снаряды, а уголь, лес, хлеб и машины, будет помогать освобожденным народам строить мирную жизнь.

Но подъем «Сахалина» только начало большой работы. Уже сейчас в министерстве составляются списки кораблей, затонувших на большой глубине. В ближайшие годы развернется огромная работа по подъему судов, затопленных во время Отечественной войны в Черном, Балтийском и северных морях. Мы хотим также обследовать места исторических морских сражений и поднять со дна корабли прежних врагов России, потопленные у Гангута, Балаклавы, Синопа, если они сохранились, конечно.

Как известно, болезни нужно не только лечить, но и предупреждать. Поэтому ближайшая задача — применять лед при борьбе с авариями: замораживать течь, закрывать ледяным пластырем пробоины, поддерживать ледяными поплавками тонущее судно.

Кроме того, перед нами стоит еще одна обширная задача. Ее можно выразить одним словом, и слово это — разгрузка. Уточняю мысль: речь идет о разгрузке транспорта от лишних перевозок.

Старая русская пословица гласит: «За морем телушка — полушка, да рупь перевоз». Спросите любого хозяйственника — пусть он вам расскажет, сколько народных денег съедают транспортные расходы. И все-таки мы до сих пор тратим рубли, чтобы возить за тридевять земель копеечных телушек только потому, что не умеем найти их у себя дома.

Когда я говорю — мы не умеем, я подразумеваю — наука не умеет, мы, ученые, не умеем.

Возьмите для примера солнечную энергию. В среднем на каждый квадратный метр в день падает около четырех тысяч больших калорий тепла. Четыре тысячи калорий — это примерно полкилограмма высококалорийного угля... Солнце посылает нам ежедневно не-

сколько тонн угля на любой гектар, а мы возим эти тонны за тысячи километров из Донбасса в Москву, из Караганды в Магнитогорск...

Мы везем руду, сталь и чугун, между тем наши города стоят на алюминии. Я имею в виду глину — в ее состав входит окись алюминия. Вот он, металл, — возьмите его, он лежит на любом заводском дворе.

Уральский гранит, украинский мрамор, тысячи тонн камня путешествуют по всей стране. Зачем? Ведь песок и глина — это остатки рассыпавшегося гранита. Склейте их, сплавьте — вы получите камень из земли. Природа создает мрамор из известняка на большой глубине под давлением. Но ведь точно так же можно делать мрамор на заводах Москвы из того известняка, в котором проходят тоннели метро.

Короче говоря, мы за местные материалы. Мы за то, чтобы в горах строить из камня, на глине — из глины, на песке — из песка, на воде — из воды. В сущности, все, что мы строим в воде, может быть сделано из воды — портовые сооружения, опоры мостов и плавучие мосты, плотины, дамбы, стенки шлюзов, плоты, паромы, волнорезы...

Говоря так, я имею в виду строительную воду, твердую воду, то есть лед. Лед достаточно тверд, по прочности не уступает бетону, хорошо обрабатывается, пилится, полируется, красится. Помилуйте, скажете вы, но ведь он тает!.. Да, тает, но не так уж быстро. У нас в средней полосе пятиметровые пласты льда сохраняются все лето под слоем опилок.

Это простейший способ борьбы с таянием. Есть и другие, в том числе новые, разработанные в нашем институте. И вообще вечных материалов не существует: дерево гниет, железо ржавеет, штукатурка трескается, мрамор выветривается. На борьбу с гнилью, ржавчиной и водой наши строители затрачивают большие усилия. Естественно, на борьбу с таянием также нужно затрачивать усилия, материалы: опилки, шлак, торф и электрическую энергию. Но в нашей стране с ее изобилием энергии разумнее расходовать электричество, а не труд и время.

Мы получили разрешение построить в виде опыта

ледяной порт на острове Вулканическом. У нас уже заложены ледяные набережные, волнолом, два ледяных мола, маяк, ледяные склады для рыбы, ледяные баржи. Мы создадим их зимой, а летом будем поддерживать и наблюдать. Но это только начало. В ближайшие годы ваша область и весь Дальний Восток с его протяженными морскими границами станут ареной ледяного строительства. Именно здесь будут созданы научно-исследовательские ледяные институты и первые ледяные стройки. В воде мы будем строить из воды. На Дальнем Востоке возникнут первые ледяные порты, ледяные дамбы на морях и реках, ледяные причалы, ледяные мосты. И мы, ученые, обращаемся к вам, лучшим людям Приморска, с просьбой: окажите нам помощь в этом трудном и новом деле, отнеситесь к нему со вниманием и заботой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ШЕСТАЯ

А олжен сказать, что эта статья из русского журнала чрезвычайно заинтересовала меня, и не только как инженера. Мне показалось, будто я заглянул в совершенно другой, непонятный мне мир.

Десятки подробностей, вероятно незаметных для русского читателя, бросились мне в глаза.

Почему, например, не было сказано, сколько зарабатывает профессор Чернов? Сколько он получил за свой метод? И почему он так охотно отдает свои идеи молодым ученым? Ведь он же сам себе создает конкурентов.

Но пусть профессор бессребреник. И у нас можно изредка встретить ученых чудаков, работающих не за доллары. Но почему простой рабочий-слесарь обещает досрочно закончить ремонт? Никто никогда в Америке не станет торопиться закончить работу. Закончить работу — ведь это значит подвести товарищей под увольнение, а то и самому получить расчет. Когда еще сумеешь устроиться?

Я обратил также внимание на фразу: «каждый

год поступали заявки с настойчивой просьбой прислать рабочих». Неужели у русских столько работы, что даже молодые неопытные рабочие могут выбирать место? Не искать, не просить, не добиваться, а выбирать! В таком случае, можно позавидовать русским. Мой отец был наборщиком, и очень хорошим наборщиком. Он девятнадцать лет подряд не был безработным, а это большая редкость у нас. Но прежде чем стать наборщиком, отец несколько лет служил «типографским чертенком» — стирал пыль, мыл полы и бегал в лавочку тридцать раз в день...

Мельком автор очерка обмолвился о том, что профессор Чернов делал доклад партийному активу. Оказывается, партийные организации в России обсуждают работы ученых, помогают им, интересуются научными исследованиями.

Интересно, каким образом активисты помогли Чернову? Жалко, что журналист не остановился на этом подробнее. Ведь мы так мало читаем правдивого о его загадочной стране.

Во время войны нам говорили, что русские добродушные медведи и отличные вояки. Мы с охотой уступали им черную работу — уничтожать фашистов и расчищать нам дорогу в Европу.

После войны русских стали именовать в наших газетах кровожадными медведями, злобными врагами всякой культуры... Но вот я узнаю, что шеф, «столп западной цивилизации», заставляет переводить для себя статьи этих «врагов культуры», и не только специальные научные статьи, но даже популярные очерки. Шеф, видите ли, очень интересуется работами русского ученого, он ловит малейшие намеки насчет его изобретения. И это не какой-нибудь новый танк и не новая атомная бомба, а самый мирный способ поднимать затонувшие пароходы. Тут было о чем поразмыслить.

Но больше всего я думал об основной идее профессора Чернова. «На песке строить из песка, на глине из глины, в воде — из воды». Какой простор для инженера-строителя! Строить из воды плотины, устойчивые мосты, набережные, причалы и волноломы, наплав-

ные мосты и переправы, ледяные аэродромы, плоты и баржи, береговые, плавучие и подводные сооружения сплошь из воды. Не возить каменных плит, не выламывать их, не обтесывать, не укладывать, строить без цемента, без арматуры, без опалубки, без подводных кессонных работ.

В эти дни я узнал, что такое вдохновение. От полудня до шести я бродил по берегу, обжигая подошвы горячим песком, и мысленно выкладывал стены и балки из белых, зеленых и темно-голубых полупрозрачных льдин... Я часами стоял на одном месте, глядя на залитый светом океан, и чертил на песке схемки, вызывая подозрительные взгляды стражников... Мысли теснились в мозгу, вспыхивали и таяли, спорили, опровергая друг друга. Это было творчество, это было рождение идеи, самое глубокое наслаждение, доступное человеку...

Я отлично понимал, что ничего нового я не придумал. В сущности, я был только последователем, продолжателем. Я шел по пути, который наметил профессор Чернов по ту сторону океана. Вероятно, и он строил в своем воображении те же воздушные ледяные замки год или два назад. Но с тех пор как в руках у профессора появились баллоны с холодильным составом, воздушные замки могут стать явью. Холодильный состав — это и есть та волшебная палочка, которая превращает мечты в реальные здания, текущую воду в строительный материал.

«Но, вероятно, — говорил я себе, — строить ледяные сооружения можно и при помощи обыкновенного жидкого воздуха, который в таком изобилии готовил Стоун в корпусе В».

Я жалел, что слишком поверхностно знал гидротехнику. В самом деле, почему мы в колледже сдаем предметы, вместо того чтобы их изучать? Торопимся получить диплом, торопимся зарабатывать, делать дела? Набиваем голову поверхностными сведениями, чтобы предъявить их на экзамене, показать товар лицом, получить выгодную отметку и тут же забыть все.

Но сейчас я с удовольствием и без спешки сел за

книги. Я читал не торопясь, знакомился с новым делом, извлекал из старых журналов давно забытые идеи, которые сейчас можно было осуществить.

Возьмите, например, идею синего угля. Так называют энергию морских приливов. Дважды в сутки притяжение Луны приподнимает воду в океане в среднем на полметра. Луна совершает грандиозную работу мощностью в 8 триллионов киловатт, а мы используем ее только в устьях рек, когда вводим суда в порты во время прилива.

В узких и длинных заливах приливы иногда достигают 10—15 метров. Это естественные водохранилища для гидростанций, созданные самой природой. Нужно только перегородить эти заливы мощными плотинами, а в плотинах поставить турбины. Вода будет вращать турбины четыре раза в сутки, переливаясь из океана в залив во время прилива и из залива в океан во время отлива.

В Аргентине есть залив Сан-Хозе (на карте он похож на аптекарский пузырек с узким горлышком). Ученые подсчитали, что здесь можно поставить электростанцию мощностью около 750 тысяч киловатт. Проект приливной гидростанции в Бристольском заливе в Англии существует уже десятки лет. Он обещает миллион киловатт, немногим меньше, чем знаменитая плотина на реке Колорадо.

Таких мест на земном шаре десятки — устья рек в Англии и Франции, фиорды Аляски, заливы в Канаде и в Штатах... Я не сомневаюсь, что профессор Чернов уже проектирует ледяные плотины для русских приливных станций на Крайнем Севере или в Охотском море.

В Европе в свое время с интересом обсуждался проект осушения Северного моря. Море это неглубокое, редко где глубже ста метров. Две плотины (одна между Англией и Данией длиной около 600 километров, другая — на Ла-Манше, где между берегами Англии и Франции не более 30 километров) полностью отгородили бы это море от океана. Затем нужно было бы устроить каналы, чтобы отвести в океан английские, немецкие, голландские и бельгийские реки,

впадающие сейчас в Северное море, и выкачать воду (приблизительно 4 тысячи кубических километров), чтобы получить 10 миллионов гектаров превосходной земли, заранее удобренной гниющими водорослями, плодородные поля, где смогут кормиться целые армии таких бездомных горемык, как Джо Миддл или я...

Правда, задача не из легких. И дело здесь не только в постройке ледяных плотин. Нужно перекачать через плотины целую реку соленой воды — 4 тысячи кубических километров. Такое количество воды протекает по Амазонке за год с лишним, а по реке Лаврентия за 30 лет. Но мне встречались и другие проекты, легче выполнимые.

Помню, еще в детстве в популярном журнале я читал о плотине в Гибралтарском проливе. В отличие от Северного моря Средиземное не понадобится выкачивать. Если отгородить его от океана, оно начнет высыхать само собой, потому что реки и дожди приносят в него меньше воды, чем испаряется с поверхности. Через несколько десятков лет уровень моря упадет метров на пятьдесят, и тогда можно будет поставить в проливе гигантскую гидростанцию, мощностью равную всем современным гидростанциям, вместе взятым. Ее энергии хватит, чтобы снабдить все поселки и города на новых берегах обмелевшего моря, а заодно превратить в цветущий сад гиблые пески пустыни Сахары.

С карандашом в руке я рыскал по глобусу, подбирая подходящие объекты для замораживания. Не имеет ли смысл построить плавающие ледяные мосты через Ла-Манш из Англии во Францию, из Европы в Азию через Босфор или из Аляски в Сибирь?.. Может быть, стоит заморозить наглухо Берингов пролив, чтобы льды из Арктики не попадали в Тихий океан... Это намного улучшило бы климат нашей Аляски и русской Камчатки. Можно было бы вести эту работу совместно с русскими: на западной половине мы, а с востока профессор Чернов.

Вот еще одна мысль: Нью-Йорк стоит на одной широте с Мадридом и Неаполем. Но в Неаполе люди

годами не видят снега, а у нас и снежные метели и трескучие морозы. Ученые говорят: виноваты морские течения. Мимо Европы идет теплое течение Гольфстрим с юга, а мимо Америки — холодное с севера. А что, если мы преградим дорогу этому холодному течению, поставим ледяные заборы от Лабрадора к Гренландии, а оттуда до Исландии?.. Я черкал карту, соединяя материки, разрезая моря, уничтожая проливы. И мне было очень жаль, что я так мало знаю. Ведь постройка плотины не только ледотехника. Здесь и география, и геология, и океанография. Нужно знать состав воды, течения, температуры, рельеф дна, климат, ветры, осадки. Я спешил, читая без разбора, я глотал учебники подряд, записывал цифры и факты, надеясь разобраться потом. Почти каждая книга приносила новые предложения или поправки, и все же мне казалось, что я еще не до конца ощутил все возможности провозглашенного профессором Черновым принципа: «Строить в воде из воды».

В музее истории техники я видел как-то первые автомобили. На них смешно смотреть — это извозчицьи кареты с двигателем под задним сиденьем. Изобретатель создал небывалое, произвел революцию в транспорте, но еще не понял, что новой машине нужна новая форма...

Приходит новое, а мы говорим о нем старыми словами. Мы называем танкцистерной — «tank», автомобиль — тележкой — «car». Принципиально новый материал — лед — требовал новых форм, а я по привычке мысленно облакал его в бетонные и земляные формы. Я предчувствовал, что здесь есть еще большие возможности, но пока не находил их.

Потом меня перестали удовлетворять грандиозные и неопределенные общие мысли. И я решил разработать конкретный проект ледяной плотины для гидростанции... Но вот опять речь зашла о проектировании, а на эту тему мне трудно разговаривать равнодушно...

Силу текучей воды — механическое движение реки, стремящейся к морю, — вы хотите превратить

в полезную работу, заставить реку выплавлять металл, освещать дома, ткать, строгать, сверлить и возить вас в трамвае.

А река течет лениво и плавно, неторопливо тащит баржи и плоты, и не только трамвай — любой пешеход может шутя обогнать их. Тогда мы ставим поперек реки плотину, мы запираем реку наглухо, отрезаем ее от моря. Но вода все прибывает сверху, она поднимается, заливая берега, и постепенно, через месяцы или годы, позади плотины образуется целое озеро — инженеры называют его водохранилищем... Поверхность этого озера на десять-двадцать, а то и на все сто метров выше прежнего уровня реки...

Затем мы начинаем спускать накопленную воду. Мы создаем искусственный водопад, превращаем пологое русло в ступеньку, собираем в одну точку падение воды с доброй сотни километров. Здесь и ставятся турбины. Проходя через турбины, вода вращает их, а вращение турбин, в свою очередь, возбуждает электрический ток. И ток уже выплавляет металлы, освещает дома, ткет, строгают, сверлит и возит вас в трамвае...

Итак, создавая гидростанцию, мы должны соорудить плотину, поставить турбины и направить на них воду, не забыть водослив для излишней воды и водобой (каменное ложе, где вода, падая, должна терять скорость), шлюзы и шлюзовые каналы для судоходства и лесосплава, не говоря уже об оросительных каналах и линиях электропередачи, доставляющих воду и энергию потребителю.

Я решил для начала, не усложняя себе задачи, спроектировать обычную гидростанцию с бетонным водосливом, каменным водобоем, металлическими шлюзовыми воротами, но с ледяной плотиной. Ледяная плотина! Мысленно я уже видел ее: на серовато-голубом шелке реки — ярко-белая дуга, сверкающая на солнце.

Но воображение обманывало меня. Плотина не должна сверкать на солнце. Сверкать — это значит таять, а я должен был, наоборот, всячески бороться с таянием.

Как это сделать? Профессор Чернов вскользь говорил о некоторых новых способах. Я не мог угадать, что это за новые способы, но думал, что можно обойтись и старыми, давно известными.

Первый из этих способов — шуба, прикрывающая ледяной массив от солнечных лучей. Такой шубой могут быть опилки, шлак, торфяная мелочь и вообще любой пористый или сыпучий материал, плохо проводящий тепло. Метровый слой опилок может полностью предохранить ледяной массив от таяния.

Труднее обезопасить подводную часть. Очевидно, здесь придется одевать плотину каким-нибудь искусственным пористым материалом вроде пенобетона.

И, наконец, если сооружение будет стоять на песке или трещиноватой скале, следует предохранить подошву плотины от теплых струек воды, которые будут просачиваться из водохранилища. Проще всего это сделать так: проморозить грунт перед плотиной на большую глубину. Эта стенка из мерзлого грунта (гидротехники скажут — «ледяная шпора») отведет просачивающуюся воду вглубь и сумеет обезопасить плотину от подтаивания снизу.

Второй способ — накопление холода. Можно в теле плотины устроить галереи и наполнять их холодным воздухом зимой, в самые морозы. В этих же галереях можно расположить баки со смесью льда и соли.

Можно также сделать плотину с некоторым запасом, с таким расчетом, чтобы запасной лед за лето оттаивал, а зимой намораживался снова.

Третий способ — искусственное охлаждение при помощи электрических холодильников. По моим расчетам получалось, что для работы холодильников требуется брать 3—4 процента мощности гидростанции. Это совсем не страшно. На любой электростанции есть часы, дни и даже целые месяцы с недогрузкой, и лишнюю энергию для холодильников всегда можно найти.

Какой способ выбрать? Очевидно, это зависит от местных условий. Вы сумеете накопить холод там, где бывает суровая зима, а на юге это невозможно. На

гидростанциях имеет смысл ставить холодильники, а на плотинах, построенных для осушения морей, лишней энергии нет. Я мог бы сделать предварительные расчеты, я даже сделал их. Но, чтобы дать точное решение, нужно было проектировать не гидростанцию вообще, а конкретную плотину в определенном месте земного шара. И после долгих колебаний я выбрал для своего проекта гидроузел на реке Святого Патрика, о котором у нас так много говорят и пишут лет десять подряд.

И тут я сразу остановился... Мне понадобились подробные сведения о реке: количество воды в ней в сухие и дождливые годы, в нормальные и катастрофические. Мне понадобились продольные и поперечные разрезы, геологические данные о берегах и о дне, химический состав воды, отчеты судоходства, подробные карты прибрежных участков... Достать все это, сидя на Пальмовых островах, было почти невозможно, и я решил обратиться за помощью к Фредди, который прилетал к нам вместе с шефом раз или два в месяц.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Фредди действительно сдержал свое слово: в награду за перевод с русского меня назначили на новую должность — начальником лаборатории строительных материалов.

Хотя я получал здесь лишних 25 долларов в неделю, работа для меня как конструктора была не очень интересной. Изо дня в день повторялось одно и то же: мои лаборанты лепили лепешки из цементного теста, трясли в ситах песок и гравий, давили пробные кубики из бетона. Но я пошел в лабораторию не споря, потому что здесь можно было делать модели и испытывать лед как строительный материал.

Фредди посещал меня аккуратно (чтобы получить свои 30 процентов комиссионных). Кажется, добросовестность моя несколько удивляла его. Он считал меня симпатичным, но немножко придурковатым парнем и, как в старое время, охотно просвещал меня,

как надо жить, приводя примеры из своих спекуляций или спекуляций Чилла.

— У шефа светлая голова, — говорил Фредди. — Он умеет делать деньги из земли, воды, воздуха и огня.

Такой уж был характер у Фредди. Он всегда восхищался преуспевающими людьми. И, слушая его, я вспоминал спортивное поле и нас, юнцов, которые, разинув рот, ловили слова своего капитана.

— У нашего тренера светлая голова, — говорил Фредди тогда. — Он умеет делать голы из любого мяча. Учитесь, мальчики, складывать и умножать голы. Голы — это ваш основной капитал на спортивной бирже...

И вот как-то раз, прервав рассуждения Фредди, я спросил его, нет ли у Чилла новых сообщений о работах профессора Чернова.

Отвечая мне, Фредди многозначительно усмехнулся и понизил голос:

— Шеф сам, не торгуясь, заплатил бы десять тысяч за новые сообщения из России. Но разве это так просто? Помнишь в статье, которую мы переводили с тобой, упоминался газгольдер, какой-то порошок и пар? Все наши эксперты единогласно сказали, что русские замораживали воду твердым воздухом. Шеф приказал ставить опыты... но ничего не получается. И в чем тут загвоздка, никто из экспертов не может понять.

— Но если русские замораживали, значит есть какой-то способ, — заметил я.

— Есть-то есть, только попробуй найди его. Шеф всадил в опыты хорошую сумму, а результатов все нет. Последнее время он был вне себя от злости, но тут ему подвернулся контрольный пакет Всемирной жевательной резинки, шеф проглотил эту резинку стоимостью в три миллиона и утешился. Три миллиона долларов, Аллэн! Ничего себе! Нам бы с тобой на двоих для начала!.. Что бы ты сделал, Аллэн, будь у тебя полтора миллиона?

Задавая этот пустой вопрос, вопрос, который миллионы американцев задают друг другу во время обе-

да, после обеда или вместо обеда, Фредди не знал, конечно, что ответ у меня заготовлен заранее. Только накануне я составил приблизительную смету. По моему расчету, имея в руках полтора миллиона, я мог бы начать строительство опытной ледяной гидростанции на небольшой речке.

И я рассказал Фредди все: о плотине, о шлюзах и водосливе, о том, как я думаю бороться с текучестью льда и фильтрацией теплых грунтовых вод, о гидростанции на реке Патрика и миллионе ферм на дне Северного моря.

Фредди слушал мою взволнованную речь с любопытством, изредка скептически улыбался, но когда я дошел до переселения безработных на дно, мой приятель расхохотался шумно, откровенно и неудержимо.

— Ой, не могу! (Взрыв хохота.) Нет, какова наивность! (Хохот.) Я не могу поверить, Аллэн, ты мой ровесник, а рассуждаешь как ученица воскресной школы. Новые земли для безработных! Миллион ферм на дне моря! Неужели это всерьез? Нет, не могу поверить!..

Я возмущался и недоумевал и выглядел, должно быть, глупо.

— Слушай, мальчик, — сказал Фредди, покусывая губы, — если ты сам не понимаешь, я тебе объясню. Мы даем Европе займы, чтобы она покупала зерно на хлебной бирже в Чикаго, яичный порошок Фокса и консервы Чилла. Кто тебе разрешит засеять десять миллионов гектаров возле самого Лондона? Газеты съедят тебя живьем, тебя линчуют. В Айове и Канзасе пшеницей топят паровозы, в Огайо обливают картофель керосином. Нам нужны не сытые фермеры, а покупатели. Миллионы голодных, чтобы они просили хлеба, чтобы они забирали в долг, в кредит, чтобы они закладывали нам жен, детей, свои дома и бессмертные души... Вот что нужно! Ты придумай, как разорить лишних десять миллионов, тогда тебе скажут спасибо...

Когда покупатель голоден, он платит не торгуясь. Помнишь, через год после войны вдруг во всех горо-

дах исчезло мясо. Нет и нет. Нет на рынке, нет в мясных лавках, нет в ресторанах, нет в лучших магазинах. Газеты сообщали с восторгом, что какой-то счастливец нашел у себя в погребке забытый окорок. Турист, приехавший из Канады, привез с собой дюжину бифштеков и смаковал их на зависть зевакам. Две недели страна жила без мяса, а между тем бойни Чилла работали полным ходом. Думаешь, у нас не хватало пастбищ, или быков, или рабочих, или вагонов? Все было, кроме высоких цен. И туши шли на холодильник. Ни одна не поступала в продажу. Я сам следил за этим. Так продолжалось до той поры, пока президент не «догадался» отменить контроль над ценами. И на другой же день появилось мясо — сколько угодно, где угодно, но только по двойной цене. Две недели терпения, и доход возрастает вдвое. Вот где гениальный ход. Учись у нашего шефа, Аллэн!

Нам нужны не плотины, а сговорчивые покупатели. Мы распухли во время войны, понастроили лишних заводов. На складах завалы ржавого старья. Никто не хочет покупать наши пулеметы. И мы придумали план «помощи», чтобы у нас покупали пулеметы, мы даем чужим странам займы, чтобы они покупали у нас пулеметы, мы ссорим их между собой, чтобы они покупали у нас пулеметы, мы пугаем их русской опасностью, чтобы они покупали у нас пулеметы, мы мечтаем о новой войне, чтобы продавать и продавать пулеметы. Во время войны все хватают с руками, сгоряча могут купить даже проект ледяной плотины. Но до той поры она никому не нужна, Аллэн, уверяю тебя. Бедный мальчик! Ты предлагаешь заменить льдом бетон и воображаешь, что решил все трудности.

Да разве остановка за бетоном? Нет, дорогой мой, бетон найдется, беда в том, что покупателя нет. Ты обещаешь дать дешевый электрический ток? Значит, ты хочешь сразиться с электрическими компаниями, отбить у них покупателя? Попробуй! Тебя засмеют, уничтожат, засадят в сумасшедший дом, разорят, раздавят. Ты не пробьешься никогда. В луч-

шем случае у тебя купят идею, чтобы положить ее в сейф.

Я был смущен. Все это было слишком похоже на правду, но мне не хотелось сдаваться, и, напрягая голову, я подыскивал возражения.

— Великодушие, благоденствие, справедливость! — продолжал Фредди. — Все это хорошо в предвыборных речах. Говорят, что все мы временные пассажиры на этой планете, но мне хотелось бы проехать свой путь в первом классе. А ты, сидя в трюме, на самом дне, сочиняешь новые рейсы! Разве планета ради тебя свернет со своей орбиты? Смешно!.. Если хочешь знать, я могу тебе рассказать, что я бы сделал, будь у меня полтора миллиона. Я открыл бы университет. Да, да, первоклассный университет: светлые лаборатории, лучшие профессора, самые толковые студенты со всей Америки. И отметь, все это из любви к бедным молодым студентам, которые работают официантами и дворниками, чтобы заплатить за свои учебники и грошовые обеды, — из чистой благотворительности, в кредит, с уплатой в рассрочку после окончания. Я ручаюсь, что через десять лет я задушу все другие платные университеты и колледжи. Я один буду поставлять инженеров в стальные тресты, химиков на газовые заводы, физиков для атомной промышленности. Мои люди будут изобретать снаряды и броню, газы и противогазы, самолеты и зенитные орудия. Я буду изготавливать целые партии болтунов высшего класса — католикам и протестантам, республиканцам и демократам за одинаковую цену. Остановка за небольшим — полтора миллиона! Полтора миллиона — пустяк для колбасника Чилла, а для бедняка Фредди — недоступная вершина.

— Ты хочешь торговать инженерами, как неграми! — сказал я с отвращением.

— Да, да, торговать! — вскричал Фредди. — Я хочу делать большие деньги — и все равно на чем. Шеф продает требуху и вонючие кишки, он столп общества. Доктора делают свой бизнес на болезнях, преподобные проповедники на царстве божьем. У нас

есть короли рельсов, нефти, газа, короли газетной лжи и кинолжи. Одни короли торгуют голосами — голосами избирателей, конечно; другие — ногами, я имею в виду ноги танцовщиц; третьи — кулаками боксеров, их выбитыми зубами и сломанными носами. А я собираюсь торговать мозгами. Король мозгов — Альфред Палома! Как это звучит? Не хуже, чем говяжий король!.. Ты пойми, Аллэн: наука — это средство делать деньги, такое же средство, как бокс, политика или скотобойни. Есть два сорта людей — волки и бараны. Боюсь, что ты — профессиональный баран. Ты рожден, чтобы тебя стригли. У тебя в голове в три раза больше идей, чем у меня, но без моей помощи ты не смог найти работу. И дальше будет то же самое. Я буду продавать чужие мозги и богатеть, а ты со своими химерами зачахнешь. На бирже не котируются бредни, на них нет спроса. Тебе лучше было бы ехать в Россию — красные любят фантазеров. Я думаю, что ты недаром изучал русский язык — наверно, у тебя бабушка славянка. Я давно замечал, что в тебе есть что-то неамериканское.

— Ну, знаешь, — сказал я сквозь зубы, окончательно теряя равновесие. — Я не знаю, кто из нас двоих настоящий американец.

Фредди ушел обидевшись, но я даже не заметил его ухода. Я был сбит с толку окончательно. Фредди сказал страшные слова: «Тебе лучше было бы ехать в Россию». Неужели он прав и нужно быть красным, чтобы задумывать полезные проекты? Неужели нельзя быть творцом, честным человеком и настоящим американцем одновременно? Нет, я отказывался верить Фредди...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Дня два или три, совершенно обескураженный, я не притрагивался к своим расчетам. Но отказаться от них я уже не мог. Слишком много было сделано, чтобы отступить. И я постепенно доказал себе, что мой приятель ошибся. Фредди не ученый и не ин-

женер, он делегата. Своих взглядов у него нет, вероятно, он излагает взгляды Чилла. Но в Америке немало честных и умных людей, которые поймут меня и поддержат.

Подумав, я решил посоветоваться с Клэем. Я знал, что мой прежний начальник талантливый человек. Клэй был слишком ленив, чтобы изобретать новое, но советчик он был превосходный. Я уже говорил об этом.

Клэй выслушал меня внимательно, серьезно и даже терпеливо, хотя я задержал его по дороге к стойке. Когда я кончил, он подумал, нахмурил высокий лоб, а затем сказал неожиданно:

— Я был лучшего мнения о вас, Аллэн!

У меня дух захватило от таких слов. Неужели Клэй видит ошибку? Где? В чем?

А Клэй молчал, поглядывая на бокал, в котором для него уже был приготовлен коктейль с внушительным названием «Чудовищный».

— Я говорю не о технической мысли, — сказал он наконец. — Идея интересна и правильно разрабатывается. Вам придется еще поломать голову, как связать плотину с берегом, чтобы весь массив не пополз у вас вниз по реке, как горный ледник. Однако это разрешимо. Вы можете поставить вашу плотину на небольшом подъеме так, чтобы вперед она не могла двигаться, а сзади на нее будет напирать вода. Все это можно выяснить в лаборатории и найти нужное решение. Мне непонятно другое: зачем вы затеяли все это?

Наученный горьким опытом, я уже не решался говорить о миллионе безработных.

— Конечно, — продолжал Клэй, — вы мечтаете стать миллионером. Все мы болеем этим с детства. Но это мираж. На самом деле вам достанутся крохи, а барыши — Чиллу. Ваша идея принесет ему десять или сто миллионов. Он заработает их на поставке льда. Но какое вам дело до Чилла? Вы сыты, обуты, одеты, сидите в тепле... тепла здесь даже слишком много. Какой вам смысл ломать голову для того, чтобы Чилл стоил на сто миллионов больше? Вы

потратите десять лет жизни... и что в результате? Сегодня рабочие несут свои центы и доллары электрическим королям Смиту, Джонсу и Робинсону. Благодаря вам эти центы и доллары поплывут в новую монополию, где председателем будет Чилл, а пайщиками те же Смит, Джонс и Робинсон. А вы будете, как белка в колесе, десять лет мчаться на месте и все ради того, чтобы изменилась вывеска. Стыдиться, я был о вас лучшего мнения!..

Вот и все, что сказал мне Клэй. Но, поспорив с ним мысленно, я доказал себе, что Клэя тоже незачем слушать. «Подумаешь, — говорил я себе, — философ из коктейль-холла. Просто Клэй растворил в спирте волю, ум и способности. И это очень жаль, потому что надо быть талантливым человеком, чтобы так, на ходу, бросить мысль о наклонном ложе для плотины».

Нет, это было не по мне — все порицать и ничего не делать. Я решил, что Фредди не настоящий инженер, а Клэй не настоящий американец.

«Но где-нибудь, — думал я, — есть и настоящие люди. И, когда кончится срок моего контракта, я поеду в Штаты и найду их. Богачи побоятся, обойдусь без них. Напишу о своем проекте в газетах!..»

Правда, прежде чем строить, надо было еще разгадать тайну русского льда, но я не сомневался, что это будет сделано.

«Если русские смогли, сможем и мы, — говорил я себе. — Я сам займусь исследованиями, если понадобится...»

В те дни мне все казалось нипочем. Я чувствовал себя сильным, бодрым и энергичным. Я готов был сражаться с миром один на один и положить его на обе лопатки. Мне хотелось петь во время работы и улыбаться наедине с собой. Это было в те дни, когда я ждал Милли.

Я еще ни разу не упоминал о ней и не без причины. Мы познакомились и расстались еще до продажи серого костюма. Когда я приехал из армии, Милли была студенткой. Она занималась историей прикладного искусства — одним из тех милых предме-

тов, которые специально выдуманы для девушек, не нуждающихся в заработке. Ее отец — врач-психиатр — имел неплохую практику.

Милли очень прилично рисовала акварелью... для любительницы, была чемпионом по плаванию... в своем учебном отделении, написала интересную статью о костюмах эпохи Людовика XV, и ее профессор говорил, что эта статья превосходна... для студентки.

В своем колледже Милли пользовалась успехом. У нее был острый вздернутый носик, светлые брови, голубые глаза с редкими ресницами и тугие румяные щеки, как у здорового ребенка. Милли держалась бойко и непринужденно, но без развязности и совсем была непохожа на наших стандартных девиц, которые видят свое призвание во флирте и из всех 45 тысяч слов, имеющих в английском языке, употребляют только три: «преlestно», «шикарно» и «вульгарно».

Милли можно охарактеризовать одной фразой: она жила с удовольствием. Милли умела со вкусом поспать на своей кушетке среди вышитых подушек; она с аппетитом ела, приятно было слушать, как хрустят косточки на ее крепких зубах. Милли любила посмеяться иногда без всякой причины, любила принарядиться и с увлечением часа два могла обсуждать с подругами «вытачки и кокеточки». Но с таким же увлечением Милли слушала лекции. Она любила хорошие книги и театр, ночную зубрежку перед экзаменами и студенческие споры о том, что такое красота.

Я привык обо всем рассказывать Милли, и если ее не было рядом, я мысленно разговаривал с ней о том, что занимало меня, — об океанских волнах, с схватывании цемента и об удовольствии получать письма. Встречая красивый ландшафт, я всегда старался подобрать достаточно яркие слова, чтобы позже, слушая мой рассказ, Милли могла полюбоваться вместе со мной.

Милли умела слушать как никто, и я сам не раз испытывал ее терпение, излагая ей достоинства пресованных опилок, цементных переплетов, новых мето-

дов расчета напряжений в железобетоне и прочих проектов, предложений и спорных теорий, которые постоянно зарождались в моей голове. Милли всегда понимала меня, а это большое счастье для инженера. Я встречал очень видных ученых, которые жаловались, что их жены не знают, чем, собственно, знамениты мужья.

Мы рассчитывали пожениться, как только я устроюсь на работу. Но как я устраивался, я уже рассказывал. Незадолго перед тем как я продал свой серый костюм, мы расстались окончательно. Я перестал ходить к Милли.

Может быть, у меня несколько старомодные понятия о браке. Я считаю, что мужчина должен быть сильным, надежным человеком, опорой жены и героем в ее глазах. Есть люди, которые любят, чтобы жены жалели их. Я не из таких. Я хотел делиться с Милли своими замыслами, а не унижениями. Мне стыдно было смотреть на горестные морщинки у нее на лбу и слушать неодобрительное фырканье подруг, которые при мне хвастались долларами своих друзей, а за моей спиной уговаривали Милли не встречаться со мной.

Я понял, что безработный не может быть спутником девушки. И я перестал ходить к Милли, чтобы она не краснела за меня перед знакомыми, не совала мне монеты в карман пальто, не плакала по ночам, не писала писем отцу с просьбой устроить меня в какую-нибудь аптеку мыть бутылочки из-под лекарств.

В городе небоскребов нетрудно затеряться. Адреса бездомных бродяг не выдаются в справочных бюро. Я, со своей стороны, убедил себя, что мне нужно забыть о Милли, и, кажется, в самом деле забыл.

А о том, чтобы написать ей, я подумал уже на Пальмовых островах, когда почувствовал себя человеком в полной мере. Я даже надписал адрес на конверте... и тут же разорвал его. Прошло так много времени... Я представил себе, как получив письмо, Милли со смехом покажет его своему молодому мужу.

И все-таки письмо было отправлено — почти офи-

циальное поздравление с днем рождения. «Просто поздравление, — говорил я себе, — это ни к чему не обязывает». Но через два дня вы могли встретить Аллена перед географической картой — он подсчитывал, через сколько дней может прийти ответ.

Когда почтовый пароход пришел в Сан-Франциско, я воткнул в карту красный флажок. День на разборку почты. Экспресс на восток отходит вечером. Чем ближе к городу небоскребов, тем больше усиливалось мое волнение. Отрываясь от проб и таблиц, я думал, улыбаясь про себя: «Сейчас мое письмо в Скалистых горах... Сейчас оно в прериях... а сейчас поезд пересекает Миссисипи, под мостами гудят пароходы, тянутся бесконечные плоты, и желтое дно просвечивает сквозь воду...»

Но вот письмо дошло до цели. Сколько нужно девушке времени, чтобы написать ответ? Скажем, неделю. Но, обманывая себя, я уже через день вышел навстречу почте. Ведь Милли могла ответить телеграммой.

Через неделю флажок двинулся обратно. Он пересек средний Запад, миновал дымное Чикаго, прерии и горы, спустился к Золотым Воротам, пересел на пароход...

С почти суеверным чувством я ждал почтальона в тот день, когда флажок остановился в Пальмтауне, и как же я был зол, когда мне вручили конверт, на котором вразброд лепились кособокие буквы, написанные рукой тети Берты.

Я ждал, постепенно теряя надежду, утешая себя, придумывая причины задержки. Я ругал себя за сдержанный, почти официальный тон. Милли получила такое письмо, на которое можно ответить и через полгода. Я написал вторично, испортив пять черновиков, потом решил не посылать письма, пропустил пароход, а через день послал авиапочтой. Снова истекли сроки — и добавочные и самые последние. Ответ не пришел. И я понял, что вчерашний день не воротись, что разбитое сердце не склеивается, что гордость есть не у меня одного и не я один умею забывать...

В тот день, когда я окончательно решил забыть о Милли навсегда, почтальон принес телеграмму:
«Встречай «Уиллелу» Пальмтауне *Твоя Милли*».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Три точки, три тире, три точки... Три точки, три тире, три точки... СОС! СОС!..

В уютной, хорошо освещенной комнате вы сидите в кресле возле радиоприемника. За окном ночь, дождь стучится в окна, и деревья низко кланяются порывистому ветру. Ветер хлопает ставнями, громы хает на крыше, но в комнате тихо, тепло, и голубые кольца сигарного дыма безмятежно поднимаются к потолку.

На электрической плитке — кофейник. Приемник подмигивает своим зеленым глазком — он обещает потешить вас за ужином, и вы неторопливо крутите ручку настройки, выбирая передачу по вкусу.

Эфир переполнен. В комнату входят голоса, иногда по два сразу — обрывки музыкальных фраз, пение, бой часов, скороговорка футбольных радиокomentаторов, частый писк служебных раций, протяжные свистки помех, невнятное бормотание, бульканье, клеткот. И вдруг...

— Ти-ти-ти, та-а, та-а, та-а, ти-ти-ти... Три точки, три тире, три точки!..

СОС! Сигнал Обреченного Судна. СОС! Спасите От Смерти!

СОС! Тревожная весть из далекого неблагоустроенного мира. Где-то там, в темноте, в бушующем океане гибнут люди, и вот над темными волнами, над угрюмыми хребтами, над городами и селами, через тучи и косые потоки дождя пришел к вам крик о помощи. СОС! Спасите От Смерти!..

* * *

Только что было совершенно спокойно. По случаю ненастной погоды в салоне собралось множество пассажиров — гораздо больше, чем обычно. Здесь

было шумно, тепло, ярко горело электричество, и никому не хотелось выходить на палубу в густой ядовитый туман, от которого першило в горле.

«Уиллела» шла в открытом море. Тяжелые серые валы молча выкатывались навстречу ей из молочной мглы. Пароход резал их надвое острым носом, кряхтя взбирался на гребень, подминал волну под себя и, перевалившись через нее, грузно оседал вниз. Океан, не сдаваясь, выдвигал из тумана следующий вал, пароход преодолевал его, а море присылало еще один, упрямо продолжая ту же игру, словно надеясь, что «Уиллела» устанет первой. И неведомо было, сколько еще валов в запасе у моря, сколько спрятано их в тумане за горизонтом, сколько тысяч раз придется пароходу влезать на водяные горы и нырять с них, прежде чем море утихнет.

Просторная каюта была заполнена табачным дымом и сдержанным гулом разговоров. В общем гуле, как в плеске волн, выделялись выкрики картежников: беру! дама! пасс! за вами сто двадцать!

Молоденькая мисс с кудрявыми волосами сидела у пианино, исполняя по заказу своей мамы этюды, сонаты и рапсодии. Мисс с размаху била по клавишам с такой яростью, как будто пианино было ее личным врагом (а может быть, это соответствовало истине!), а мамаша, сидя в отдалении, восхищалась вслух: какая экспрессия! какая сила удара!

Группа дельцов (все толстые, лысые и краснощечие) солидно обсуждала биржевой бюллетень...

— Иранская нефть ненадежна, — сказал один из них, — лично я вкладываю только в оружие.

И все остальные закивали головами:

— Да, да, в наши дни стоит вкладывать деньги только в оружие. Все остальное ненадежно...

— Бог создал Америку для высокой цели, — говорил пожилой проповедник, подчеркивая каждое слово плавными жестами профессионального говоруна. — Мы призваны руководить другими народами. Азиаты — младшие дети цивилизации, и, как всякие дети, они нуждаются не только в ласке, но и в отеческом наказании...

Полная дама с седыми буклями и в очках слушала его, кивая после каждого слова, и восторженно шептала:

— Да, да, отеческое наказание. Ах, как тонко! Ах, как мудро!

Милли сидела в самом дальнем углу, забравшись в кресло с ногами и укрыв платком колени. Милли чувствовала себя в своей стихии. Кругом было много людей, она старалась следить за всеми, вылавливая из общего гула слова, и одновременно поддерживала разговор с молоденьким помощником штурмана — представителем новой для нее профессии.

— А бывают все-таки происшествия на море? — спрашивала она. — Какие-нибудь крушения, столкновения?..

Но она сама понимала, что задала несерьезный вопрос. Туманы и волны были где-то там, снаружи, а здесь даже качка не чувствовалась. Стальной нос уверенно разрезал волны — от мощных движений машины чуть вздрагивал корпус. Что может случиться с этим плавучим кусочком Америки, где сотни пассажиров могут, так же как на суше, играть в карты, болтать и слушать болтовню, делать дела, барабанить по клавишам?

— Современная техника кораблевождения, — напыщенно сказал помощник штурмана, — обеспечивает нам полную безопасность.

— А жаль, — легкомысленно заметила Милли. — Я бы хотела, чтобы мы потерпели крушение. Это должно быть занимательно.

В этот самый момент и произошло непредвиденное.

Позже Милли вспомнила, что все началось с яркой вспышки света, такой яркой, что многие оглянулись на окна. Затем раздался страшный грохот, как будто десяток орудий выстрелил в упор, и палуба, такая надежная и прочная, встала дыбом, сбивая с ног элегантных дам и деловых людей.

На Милли обрушилась полная мама музыкальной дочки. Она кричала басом, как пароходная сирена. Три дамы, занятые туалетами, визжали оглушитель-

но и тонко, широко раскрывая рты. И Милли со своей стороны не без озорства присоединилась к испуганному хору.

Красноречивый проповедник боролся с седой восторженной дамой, стараясь вырвать у нее спасательный круг. Толстый деловой человек, покупающий только «оружейные» акции, протискивался на палубу через окно, хотя рядом была открытая дверь.

Смятение продолжалось полминуты, не больше. Затем пол принял прежнее положение, и, заглушая крики перепуганных пассажиров, заговорил радиоузел парохода.

«Леди и джентльмены, соблюдайте спокойствие. «Уиллела» получила незначительные повреждения, которые будут исправлены. Просьба к пассажирам разойтись по каютам, чтобы не мешать судовому персоналу».

О том, чтобы пассажиры отобрали свои лучшие вещи, было объявлено уже позже, когда матросам удалось отгеснить встревоженных людей в каюты.

Как секретарь и уполномоченный Чилла, Фредди на судне занимал особое положение. Поэтому после тревоги он отправился наверх на капитанский мостик.

На шлюпочной палубе, обычно такой пустынной, сейчас хлопотало множество народу. Матросы снимали брезент со спасательных шлюпок — тяжелых пузатых ботишков, каждый из которых был рассчитан на семьдесят человек. Первый помощник осматривал боты один за другим, пересчитывал заранее установленные баллоны с водой и указывал, как укладывать провизию.

— Очевидно, блуждающая мина, — ответил он на вопрос Фредди и добавил, пожимая плечами: — Океан — не дорожка в парке. Его нельзя было начисто вымести после этой проклятой войны.

Капитан был в радиорубке. Он стоял возле дверей и внимательно следил, как стучит ключ под рукой судового радиста. Время от времени радист прекращал передачу и, наморщив лоб, вслушивался в отрывочные звуки, возникавшие у него в наушниках.

Сырой непроглядный туман, который казался таким пустынным каждому пассажиру, был полон звуков для радиста, и он с трудом выбирал нужные сигналы из музыкальных нот и радиотелеграмм — деловых, коммерческих, личных и строго секретных дипломатических, которые в это мгновение пронеслись над океаном.

— Долгота сто пятьдесят семь, восемнадцать, широта... — монотонно докладывал радист.

Капитан приложил масштабную линейку к карте.

— Продолжайте поиски, — спокойно сказал он, — эти не успеют...

— Какое судно, русское? — спросил Фредди, волнуясь.

Капитан недружелюбно взглянул на него, но ответил вежливо:

— «Святой Олаф». Норвежский китобоец.

— Ищите как следует! — крикнул Фредди радисту. — Мы возле русских островов. Здесь должны быть «их» пароходы.

Кто-то, невидимый в тумане, подошел к окошку и сказал взволнованным голосом:

— На левом борту пробойна, в носовом отделении лопнули три шпангоута, у самого форштевня пробита обшивка на уровне ватерлинии. В машинном отделении тоже вода.

— Пошлите человека с футштоком мерить воду в лиалах, — сдержанно ответил капитан.

— Есть — уже послал.

— Займитесь пластырем.

— Не можем подвести, там целый водопад.

— Продолжайте подводить пластырь. Поставьте пассажиров на ручные помпы, — ответил капитан. — А сами ведите команду в трюм. Пусть выгружают тюки за борт...

— Грузы за борт? — воскликнул Фредди. — Ни в коем случае! Вы ответите перед шефом. Я запрещаю, слышите, капитан?

Капитан поднял голову, и Фредди вздрогнул, увидев холодные глаза человека, которому нечего терять.

— Да, я отвечу, — сказал капитан, не повышая голоса. — Я отвечу акулам. Через два часа «Уиллела» причалит на дно. Вы мешаєте мне. Уйдите с мостика.

Радист, морщась, как от зубной боли, прикрыл рукой наушник.

— «Грозный», — сказал он. — Русское судно. На траверзе острова Вулканический. Радируют: «Идем на помощь».

Капитан молча приложил линейку к карте и затем крикнул в туман:

— Паркер, распорядитесь давать сирену. Через полтора часа подойдет судно.

«Через полтора часа подойдет судно. Приготовиться к посадке», — так было объявлено во всех каютах, и все с надеждой, страхом и нетерпением ожидали русский пароход.

Соседки Милли рыдали, ломая руки, и рвали на себе волосы. Раскрыв чемоданы, из куч дорогого их сердцу тряпья они выбирали самые любимые тряпки, ежеминутно теряя, путая, забывая и орошая слезами каждую ленточку. Кроме Милли, спокойствие сохраняла только восьмилетняя девочка в зеленом пальтишке. Она смотрела на суматоху круглыми глазами и время от времени спрашивала:

— Мама, мы поедem на необитаемый остров, да? Мама, а там на острове есть такси? Можно мне взять кроватку для куклы Пусси?

— О моя милая, несчастная детка! — истерически рыдала мать.

Милли сидела на своей койке, поджав ноги, и хмуро смотрела в иллюминатор. Приключение казалось ей все еще не настоящим, может быть потому, что никогда в жизни у нее не было приключений. Подумаешь, беда — через час подойдет русский пароход, Милли со своим чемоданчиком перейдет из этой каюты в другую такую же. Может быть, там будет теснее и неудобнее, только и всего.

Но все-таки поглядывать в иллюминатор было страшновато. Прежде, в хорошую погоду, Милли видела за круглым стеклом ярко-синюю поверхность,

на которой играли солнечные искры. Если пароход покачивало, синяя поверхность колыхалась: линия горизонта медленно поднималась, заполняя круглое окошко, затем спадала до самого низу. Иногда, в сильную волну, на стекло попадали брызги пены. Дрожащие радужные пузырьки держались минуту на стекле, а затем лопались, оставляя мокрый след. Сейчас все выглядело иначе: иллюминатор глядел под воду — прямо в темные глубины. Довольно крупная рыба — губастая, с колючей чешуей, приставив нос к стеклу, смотрела в лицо Милли выпученными, ничего не понимающими глазами.

«А может быть, мы уже на дне?» — думала иногда Милли.

Больше всего успокаивал радиоприемник. Голос диктора был таким привычным и будничным... Когда он начинал говорить, все время казалось, что следует обычное объявление: «Леди и джентльмены, завтрак начинается ровно в девять ноль-ноль. Превосходный выбор холодных и горячих блюд. Вино за особую плату...» Милли проснется, и крушение окажется сном.

И вот диктор говорит своим подчеркнуто спокойным голосом:

«Леди и джентльмены, сейчас приближается русский пароход. Прошу женщин с детьми выходить на шлюпочную палубу. Только женщин с детьми. Мужчины — во вторую очередь».

Только на палубе Милли поняла, что пароход гибнет.

«Уиллела» стояла в странном положении, задрав корму кверху и накренившись на один борт. На мокрой палубе было очень скользко. Женщины с неуклюжими узлами падали, сбивая с ног друг друга, теряли детей и звали их, громко рыдая.

Машину остановили, не было привычного гула и содрогания. Зато тревожно выла сирена, гудки ее были коротки и порывисты, как частые стоны тяжелобольного. Казалось, раненый пароход кричит от боли, страшно было слушать горестный вой могучего металлического существа.

Временами, когда сирена замолкала, из тумана доносились отдаленные, еле слышные гудки русского парохода. В тумане терялось направление: гудки слышались то справа, то слева.

Между тем началась посадка в спасательные боты. Толкаясь, крича и плача, пассажиры заполняли пузатые белые лодки. Грузовые подъемные краны тут же подымали шлюпки в воздух. Капитан боялся излишнего переполнения, и боты, доверху набитые людьми, узлами и чемоданами, покачиваясь, висели вдоль борта в ожидании русского парохода.

Силуэт его возник в тумане внезапно — что-то темное, неопределенное и расплывчатое, не то скала, не то маленькая лодочка. Затем порыв ветра рассеял мглу, и сразу все — все пятьсот человек на борту «Уиллелы» — увидели небольшой, сверкающий белизной пароходик с длинной низкой кормой и одной-единственной каютой. Он оказался под самым бортом «Уиллелы», так что можно было разглядеть даже лица русских моряков: капитана с выпуклым лбом и густой черной бородой, скуластого механика с узкими глазами и долговязого юнгу лет семнадцати в мешковатом брезентовом комбинезоне и огромных резиновых сапогах.

У Милли хватило юмора, чтобы вспомнить о «тесной и неудобной» каюте. «Куда же здесь денутся пятьсот человек?» — подумала она.

Она не знала, что та же самая мысль мелькнула у всех пятисот пассажиров одновременно. И даже капитан сказал в этот момент у себя на мостике:

— Для чего же мы ждали эту пигалицу? Начинайте спускать шлюпки!..

Теперь одна только надежда на шлюпки — это поняли сразу все пятьсот пассажиров. Слабая цепь матросов, сдерживавшая толпу, прорвалась. Милли оттолкнули в сторону. Она увидела, как сладкоречивый проповедник швырял на головы женщин свои чемоданы, как висящая шлюпка, облепленная людьми, словно мухами, наклонилась и пассажиры с дикими криками посыпались в воду. Яркие пальто и плащи: голубые, малиновые, песочно-желтые, клетча-

тые, надуваясь пузырями, запестрели на воде. Милли заметила в стороне под бортом зеленую пелеринку и, не раздумывая, в ту же секунду бросилась в воду вниз головой.

Я говорил уже, что Милли была чемпионом по плаванию в своем учебном отделении. Милли проплывала вольным стилем сто метров за одну минуту тридцать две секунды и сдавала специальный экзамен по спасению утопающих. Очень приятно было плыть по бассейну с ярко-зеленой хлорированной водой, поддерживая двумя руками над поверхностью голову «учебного утопающего». Но здесь все оказалось иначе.

Вода была жгуче холодной, совершенно ледяной. От холода у Милли сразу заоченели ноги. Платье мокрым компрессом прилипло к телу, связало руки. Зеленая пелеринка исчезла из виду в брызгах, крутящихся пузырях. Кто-то ухватил Милли за ногу — это был владелец оружейных акций. Милли ударила его свободной ногой в лицо. «Спасите», — крикнул кто-то еще, навалившись сверху. Милли догадалась нырнуть. Что-то мокрое запуталось у нее в руках, может быть, это была зеленая пелеринка, что-то ударило ее по голове, может быть, чемодан проповедника. Милли глотнула соленой, очень холодной воды и почувствовала, что тонет сама...

А между тем вот что происходило наверху.

Подойдя к борту почти вплотную, русский катер остановился против капитанского мостика, и чернобородый капитан, схватив жестяной рупор, крикнул на английском языке:

— Эй, на борту, где у вас повреждение?

— Отойдите, — ответил американский капитан. — У нас мало времени, мы идем ко дну. Держитесь в стороне — будете подбирать людей (он не хотел, чтобы «Грозный» мешал спускать шлюпки).

Но Фредди (неожиданно для всех) уверовал в русских и, перегнувшись через борт, крикнул им:

— Слушай, товарищ, мы наскочили на мину, у нас разворочен левый борт в носовой части, чуть пониже ватерлинии.

Фредди мог объясняться только на английском языке, но слово «товарищ» он произнес по-русски — так ему казалось убедительнее.

«Грозный» обогнул нос «Уиллелы», на миг утонув в тумане и снова приблизившись, стал у левого борта, метрах в 20 от пробоины. Ближе подходить было опасно. Волны могли столкнуть оба парохода. Никто из пассажиров не следил за маневрами «Грозного». По-прежнему людской поток кипел у шлюпок. Капитан, размахивая револьвером, пытался прекратить свалку. Фредди, единственный, перебежал на левый борт. Ведь никто, кроме него, не знал, что за судно «Грозный». И только он видел все подробности с самого начала и до конца.

На палубе «Грозного» было совсем немного людей: чернорободый капитан в морской фуражке (Фредди решил, что это и есть профессор Чернов) и несколько матросов в брезентовых куртках и резиновых сапогах. Среди них был юноша, почти мальчик. Мешковатая брезентовая одежда была явно велика для него.

Капитан стоял на рубке вполоборота к Фредди и очень внимательно разглядывал ящик, больше всего похожий на небольшой телевизор со светящимся экраном. Фредди, понятно, ничего не мог разглядеть на экране, но догадался, что это за прибор, когда капитан, закончив наблюдения, уверенно показал рукой на пробоину. По-видимому, Чернов осматривал корпус «Уиллелы» с помощью того же подводного телевизора, который показывал ему японский транспорт на морском дне.

Затем капитан что-то скомандовал (Фредди слышал слова, но не понял их) — и борт «Грозного» ошестинился оружием. Сам капитан стал возле короткой пушечки, матросы взяли в руки длинные стволы, напоминающие противотанковые ружья. Фредди невольно отшатнулся от перил. На мгновение ему показалось, что «Грозный» готовит залп, чтобы добить утопающее судно. Но залп не состоялся. Вместо пуль и снарядов из всех стволов одновременно вылетели струи белого искрящегося, оку-

танного дымкой порошка. Струи ударили в воду близ «Грозного», все в одно место. И там, где они скрестились, колыхаясь, всплыла небольшая сахарно-белая льдинка.

«Значит, это и есть морозометы, о которых писалось в очерке. Вот как они выглядят!» — подумал Фредди.

Вслед за тем матросы, точнее сказать, морозометчики, стали наращивать льдину. Дула морозометов ходили вокруг льдинки по воде, и за каждым тянулась белая струйка, как бы черточка, проведенная мелом. Белого становилось все больше, льдина росла. За несколько минут морозометы нарастили ледяную площадку около 10 квадратных метров. И тогда юноша, самый молодой из морозометчиков, опершись на длинное дуло морозомета, ловко спрыгнул на верткую льдину.

Двое товарищей последовали за ним. Им передали на льдину морозометы. И Фредди увидел, что длинное дуло — это только наконечник прибора. Сзади к дулу присоединялся длинный гибкий шланг. Он разматывался по мере того, как льдина отходила от «Грозного». Видимо, по этим шлангам подавался единственный состав, превращающий воду в лед.

Стоя на льдине, морозометчики продолжали увеличивать ледяной плот в ширину и в глубину, больше всего на стороне, обращенной к «Уиллеле». Здесь сооружался покатый подводный выступ. Стараясь достать как можно глубже, юноша лег на льдину, даже руки опустил в холодную воду. Набегая на льдину, волны обдавали его брызгами. Брызги замерзали на одежде ледяными каплями, но юноша не обращал на это внимания и продолжал водить морозометом под водой слева направо и справа налево, широкими равномерными взмахами, как на косьбе. Одна из волн, побольше, даже смыла его со льдины, но он проворно вскарабкался на нее и, мокрый насквозь, даже не встряхнувшись, снова лег у передней кромки с морозометом в руках.

Фредди покачал головой и поежился. «Что за народ! Как они выдерживают?» — подумал он.

Через несколько минут льдина подошла вплотную к борту «Уиллелы». Расчет был правильный. Течение поднесло ее прямо к пробоине. Подводный ледяной выступ голкнулся в борт ниже пробоины. Фредди услышал скрежет льда, царапающего обшивку. А на поверхности между судном и льдиной остался небольшой пролив, метра в два шириной. И здесь сразу образовалась воронка над самой течью.

Теперь работа шла под ногами у Фредди, метра на четыре ниже палубы. Перевесившись через перила, он следил за всеми подробностями борьбы между холодом и прорвавшейся водой и даже решался время от времени повторять: «Русски, хорошо. Очень хорошо».

Наступил самый трудный момент в работе морозометчиков. Холод никак не мог совладать с течью. Холодильное вещество, срываясь с морозомета, белым облачком растекалось в воде и ледяной кашей всасывалось в трюм. Очевидно, именно поэтому льдину пришлось заготовить в сторонке, в более спокойной воде, и подвести ее к пробоине издалека. В самом низу, под течью, она подошла к борту вплотную. Здесь ее удалось приклеить свежим льдом. Но наверху, где плескались волны и крутился водоворот, текучая вода побеждала холод.

Русские работали упорно. Они теснили воду сантиметр за сантиметром, наращивали ледяные натёки на швах и вмятинах обшивки, прибавляли лед снизу, где течение было слабее, заготавливали удлиненные льдинки, старались, чтобы эти льдины застревали, мешали течению. Морозометчики создавали ледяные пробки, превращали их в бугры, примораживали, перекидывали ледяные мостики к своей льдине или к судну. Три человека работали слаженно, как сыгравшаяся команда. Как только намечался успех в одном углу, две струи спешили на помощь. И океан стал сдавать. Шумный водоворот исчез, пролив сузился, обмелел. Еще несколько взмахов, и там, где крутился водоворот, теперь возвышалась ледяная пристройка. Морозометчики один за другим перебрались на борт «Уиллелы».

Затем русский пароход приблизился. Капитан еще раз для верности окатил свежую льдину искрящейся сгруей из короткой пушечки. Поднялся холодный туман. Фредди, закашлявшись, прикрыл рот шарфом.

— Еще схватишь воспаление легких с этими фокусами, — пробурчал он.

— Эй, на борту! — крикнул русский капитан в рупор. — Созывайте шлюпки. Мы закупорили течь.

Капитан не обратил внимания на эти слова. Может быть, он не слышал, а если и слышал, то не поверил. И он продолжал спускать шлюпки, пока снизу не прибежал взволнованный механик с докладом:

— Уровень воды в трюме понизился на четыре дюйма. Течь закрылась.

Только после этого капитан послушался русских и подал сигнал, чтобы вернуть пассажиров. Откуда ему было знать, рядовому американскому капитану, что перед ним профессор Чернов, изобретатель морозометов, и что «Уиллела» была первым в мире судном, которое русские спасли совершенно новым способом — путем замораживания течи.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Клэй первый сообщил мне о катастрофе. Ничего не подозревая, утром во время завтрака он сказал мимоходом: «Говорят, с «Уиллелой» несчастье. Наша радиостанция принимала «СОС».

Моя новая должность позволяла мне не очень точно приходить в лабораторию. Я поспешил на радиостанцию. Дежурный сказал: «Ничего особенного. Пароход спасен, вероятно, дня через четыре он будет здесь. Была, правда, паника, и несколько человек утонуло: трое мужчин, шесть женщин и один ребенок. Все остальные здоровы».

Я немедленно послал радиограмму Милли и ушел почти успокоенный. Десять человек из пятисот пассажиров — не так много. Милли прилично плавает — она была чемпионом в своем отделении. Бывают, конечно, случайности...

Я зашел через час, через два, через три, но ответа не получил. Сотни людей забрасывали капитана радиограммами с запросом о судьбе своих родных. Вместе со мной в двери радиостанции стучались инженеры и рабочие, молодые и старые, и, глядя на их расстроенные лица, я начал понимать, что означает хладнокровная арифметика... «Шесть женщин и один ребенок». Может быть, среди них жена вот этого добродушного толстяка с лицом, запорошенным цементной пылью, может быть, мать вот этого чертежника с черными усиками под Чарли Чаплина... «Уиллела» была единственным пассажирским пароходом, который заходил на концессию. Почти все пассажиры ехали к нам. Значит, среди людей, толпившихся здесь, наверняка были овдовевшие и осиротевшие сегодня ночью.

Можно ли так надеяться на умение плавать? Самые умелые пловцы иногда погибают во время паники. В холодной воде бывают судороги, течение может затянуть под борт.

И вместе с десятками других встревоженных людей я убеждал, упрашивал и подкупал радиста: «Пошлите запрос... ну еще раз, пожалуйста».

Так продолжалось трое суток. Семьдесят два часа бесплодных терзаний, бесконечных размышлений на одну и ту же тему: «Кто утонул? Она или не она?»

Я посылал радиограммы во все русские и японские порты, куда «Уиллела» могла зайти для ремонта. Некоторые из них ответили: пароход не приходил.

Наконец на третьи сутки пришло известие: «Минутная чужеземные порты, «Уиллела» направляется прямо в Пальмтаун».

Я выпросил отпуск и помчался в столицу Пальмовой республики. Дорога шла по берегу моря, через светло-зеленые бамбуковые рощи, мимо чайных плантаций, усеянных кустиками, похожими на темно-зеленых ежей. Я не замечал ничего, я видел только темную точку на горизонте — это был дымок «Уиллелы».

Когда мы подъехали к порту, пароход стоял на рейде. С мола я разглядел цветные точки на борту — головы пассажиров. Какая из этих точек — Милли?

Милли, отзовись! Или не отзывайся, но только будь живой!..

Ах, как томительно тянулась процедура причаливания! Таможенная инспекция, санитарная инспекция! Что они медлят? Ведь это пустая формальность — подписать протокол, пожать руки; все знают, что суда мистера Чилла имеют право входить в любой порт Пальмовой республики. Но вот таможенный катер отчаливает. «Уиллела» огибает маяк, неторопливо разворачиваясь, замедляет ход... Уже можно разглядеть фигуры людей, их одежду. Слышно, как капитан командует на мостике: «Малый вперед. Левый самый малый назад. Правый самый малый вперед». Клопочет вода, вырываясь из отверстий. Небесно-голубое южное море становится бурым от мазута. Матрос на баке ловко кидает конец портовым мальчишкам. Лохматый канат толщиной с удава захлестывает чугунную тумбу.

Человеческие лица в два ряда нанизаны на перила. Где Милли? Я не вижу ее. Обвожу глазами палубы второго и первого классов. Машут руками все, все улыбаются, все кричат. Где Милли? Неужели я не могу узнать ее?

Проверяю лица одно за другим. По порядку — слева направо. Нет, не она. И это не она. Десять, двадцать, тридцать незнакомых веселых женщин. Почти все на палубе. Только немногие стоят на внутренних трапах с чемоданами. И еще шесть на дне. Неужели среди этих шести моя Милли?

Со скрипом и кряхтением спускается с палубы шаткий трап. Крикливые носильщики устремляются вверх. «Ваши вещи, мистер. Пять центов — самый большой чемодан». И вот, смущенно улыбаясь, неуверенно ступает на трап первая пассажирка.

Платья, костюмы, пальто — серые, коричневые, белые, красные, соломенно-желтые; сумки, мешки, чемоданы, сундуки, узлы, рюкзаки; лица загорелые, бледные, румяные, свежие и морщинистые — все это медленно стекает по трапу мимо меня. Я боюсь считать их. Уже не так много женщин осталось на пароходе...

Кто-то хватает меня за руку сзади. Милли? Нет, не Милли. Это Джо — мой старый товарищ по тяжелым временам. Очевидно, он все еще служит на «Уиллеле» помощником повара, куда я устроил его весной.

— Мистер Джонсон, — говорит Джо, глядя себе на ботинки, — я хотел потолковать с вами насчет крушения. Наши ребята кое-что заметили. Это важное дело, так мне кажется.

— Важное дело? Джо, дорогой, прости, мне не до тебя! Приходи ко мне завтра с важными и неважными делами. Я буду очень рад!..

Джо отходит недовольный. Кажется, он бурчит что-то о долларах, которые портят приличных людей.

— Слушай, Джо, ты не слыхал, у вас во время паники утонула девушка?

— Кто их знает, — отвечает Джо. — Шлюпка опрокинулась. И все сразу — человек шестьдесят — высыпались, как мусор из ведра... Девушка? Может, была и девушка. Я сам вытащил одну девчонку, лет восьми, в зеленом пальтишке. Мать у нее сразу пошла на дно. Видная была такая — пудов на семь. А еще говорят, что толстые не тонут...

Милый Джо, какое мне дело до толстых, худых, видных и невидных...

Поток пассажиров редет. Теперь спускаются по одиночке самые богатые, неторопливые, обремененные багажом. Сзади всех плывет полная дама в лиловом шелковом платье с какой-то невероятной клумбой на голове вместо шляпы. Перехватив мой напряженный взгляд, дама оборачивается и кокетливо улыбается, показывая зубы. И это все. Матросы начинают мыть опустевшую палубу. Кто-то из них шутки ради направляет брандспойт на мол, где стоят торговки со связками бананов.

Милли! Неужели тебя нет?..

Но вот опять появляются люди. Пятясь задом, санитары выносят носилки. Милли? Нет, какой-то мужчина. Небритые щеки, усы...

Худенькая женщина в больничном халате спускается по трапу. На руках у нее довольно большая

девочка, завернутая в одеяло. У женщины бледное усталое лицо, синяки под глазами... И вдруг...

— Аллэн! — кричит она.

— Милли!

— Аллэн!

— Милли!

В крикливом портовом городе, на молу, где пахнет солью, кожами, цементом и гнилыми фруктами, стоят мужчина и женщина. Стоят и твердят, как заклинание, одни и те же имена: Аллэн, Милли, Аллэн, Милли!!!

И все уже сказано. И все понято.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Мне бы очень хотелось самыми возвышенными, поэтическими словами передать вам историю моей любви. Но я, к сожалению, инженер, а не поэт. И я опасаясь, что дорогое мне посторонним покажется скучным и бесцветным.

Я мог бы описать весь день приезда Милли минута за минутой — рассказать, как, отойдя от трапа на шаг, она остановилась, уперла руки в бока и деланно-сварливым тоном объявила:

— Но имейте в виду, сэр, — нас двое: я и Лу. Мы вместе тонули, нас вместе вытащили из воды. Я ее выхаживала в лазарете, и мы твердо решили не расставаться. Или вы берете нас обоих, или никого...

Я мог бы рассказать, какой сердитый голос был у Милли и как смеялись у нее глаза при этом, как забавно было, что она, сама еще девчонка, изображает из себя приемную мать.

Я мог бы рассказать, как Милли, придя в мою комнату, прекрасную комнату, которую я сам убрал накануне, сразу же обнаружила под шкафом склад окурков (я их старательно заметал туда, чтобы не валялись на виду) и, вместо того чтобы сесть на кушетку и поведать о всех этих годах, которые мы

прожили врозь, побежала за метлой к старухе при-
вратнице.

Я мог бы бесконечно рассказывать о словах, жест-
сах и взглядах Милли, но все ее слова, жесты и
взгляды имеют значение только для меня, точно так
же, как только для вас имеет значение, какая ко-
синка была сегодня у вашей подруги Мэри Энн и
как она нахмурила брови, когда сказала «здравств-
уйте»...

Но вернемся к технике...

Приблизительно через неделю после приезда Мил-
ли ко мне в лабораторию зашел Фредди. Прежде
всего он шепотом попросил удалить лаборантов, сам
опустил шторы, выглянул за дверь, чтобы проверить,
не подслушивает ли кто, и после всех этих предо-
сторожностей вынул из-под пальто обыкновенный
термос.

В термосе оказались куски сероватого, довольно
грязного и уже подтаявшего льда. Пока я рассмат-
ривал их, Фредди рассказал мне, что этот лед был
изготовлен каким-то знаменитым канадским ученым,
умершим в прошлом году. Мистер Чилл приобрел
у наследников лабораторию канадца вместе с обору-
дованием, но все записки и протоколы опытов ока-
зались утерянными, так что секрет канадского льда
пропал бы, если бы Фредди не нашел несколько ку-
сков в погребе в старой мороженице. Теперь все
лаборатории шефа заняты анализом канадского льда,
но он, Фредди, по дружбе оставил полкилограмма
для меня. Здесь есть возможность отличиться. Шеф
хорошо заплатит тому, кто раскроет секрет канадца.
Только надо работать по вечерам, соблюдая стро-
жайшую тайну, и без помощников.

Вся эта запутанная история сразу показалась мне
неправдоподобной. Я смутно догадывался об истин-
ном происхождении канадского льда и не стал до-
пытываться. Я понимал, что в мои руки попал тот
рычаг, который может сдвинуть с мертвой точки
проект ледяной плотины.

В тот же вечер, запершись в лаборатории, я на-
чал исследование. В моем распоряжении было не-

сколько осколков мутного крупнозернистого льда, ничем не замечательного на вид. Каким же образом мог быть изготовлен этот лед?

Чтобы заморозить воду, нужно создать искусственный холод — это понятно. Создать искусственный холод — это значит поглотить часть тепла.

Наука знает целый ряд процессов, при которых поглощается тепло. К числу их относятся нагревание других холодных тел (теплообмен), таяние, испарение, расширение газов, размагничивание, растворение солей.

Внешний осмотр ничего не сказал мне. Я рискнул попробовать лед на вкус. Лед показался мне довольно соленым. И это привело меня к мысли, что он получен при помощи какой-нибудь соли.

Какие же соли поглощают тепло при растворении? Я взялся за химический справочник, и оказалось, что тепло поглощают самые разнообразные соли: хлористый кальций, селитра, обыкновенная поваренная соль, бертолетова соль, марганцовокислый калий, нашатырь и еще десятки других азотнокислых, уксуснокислых, фосфорнокислых и роданистых солей, о которых я никогда не слышал. Кроме того, «канадский профессор» мог приготовить какую-нибудь новую, небывалую, особенно сильно действующую соль.

Чтобы разобраться во всем этом и сделать достаточно точный анализ, мне нужно было заново изучать химию. Но, к счастью, я был связан с химической лабораторией. Иногда по нашему заказу там делали анализ воды или песка. Я решился нарушить запрет Фредди, растопил кусочек льда и снес пробирку с соленой водой к знакомому химику. Химик попросил у меня три дня и точно в назначенный срок принес мне лист бумаги, на котором были выписаны формулы и проценты.

— Это обыкновенная морская вода, — сказал он, — я ручаюсь, что никакие соли в нее не добавлялись.

Было от чего прийти в отчаяние.

Обыкновенная морская вода! Но как же она заморожена?

Я снова осмотрел образцы и на этот раз обратил внимание на пузырьки воздуха. Может быть, вода была заморожена жидким или твердым воздухом? Правда, в лабораториях Чилла это не получалось, но, возможно, «канадский профессор» был удачливее сотрудников шефа.

Опять я отправился к химику, на этот раз с кусочком льда. С большим трудом мы собрали в пробирку газы из пузырьков, химик произвел анализ и со вздохом сказал:

— Все-таки это обыкновенная морская вода. В ней всегда растворены газы, и, когда вода замерзает, они образуют пузырьки.

Отброшенный на исходную позицию, я снова оказался ни с чем.

«Ну, хорошо, — говорил я себе, — вода заморожена. Это значит, что она получила холод извне — от какого-то охладителя. Охладитель, в свою очередь, был охлажден в холодильнике, где-нибудь в другом месте — скажем, на берегу. Холодильник мог изготавливать жидкий воздух, мог также охлаждать какое-нибудь твердое вещество — железные опилки, бумажную массу, песок, пыль, и это твердое вещество служило переносчиком холода от холодильника к воде. Но в таком случае мы должны найти в воде твердые частицы».

Я взялся за микроскоп и почти сразу же обнаружил какие-то твердые частицы, похожие на прибрежный песок и короткие тоненькие волокна. Одно только смущало меня. Лед по своей структуре был крупнозернистым. Если песчинки были переносчиками холода, они должны были оказаться в центре зерен. Но, как правило, я находил песчинки между зернами льда. Непонятно было также, какую роль играли волокна. Я заподозрил, что это водоросли, но в нашем техническом городке не оказалось ни одного специалиста по водорослям. Пришлось в ближайшее воскресенье взять отпуск и поехать в Пальмтаун в Океанографический музей.

Еще через неделю я получил оттуда ответ: «Это обыкновенная морская вода, — писали мне океано-

графы. — Волокна — это водоросли, а твердые частицы, которые вы приняли за песок, — обломки микроскопических ракушек. Все эти ракушки и водоросли живут в северной части океана. Вы найдете их в каждой капле...»

Обыкновенная морская вода! Окончательно обескураженный, я часами сидел в лаборатории, глядя на мутные льдинки. В чем их секрет? Мне уже приходило в голову, что я напрасно мучаюсь с ними. Возможно, охладитель находился не в этих льдинках, а рядом. Его могли подавать по трубам. Когда замораживают грунты при строительстве, так и делают: охлажденный ледо-соляной раствор циркулирует в трубах, забитых в грунт. Но тогда «канадский лед» должен был бы получиться не зернистым, а слоистым или монолитным.

«Думай, Аллэн, думай, — говорил я себе. — Пока ты не решил эту проблему, твоя ледяная плотина остается воздушным замком, построенным на облаках. Оставь канадца в покое, — ты не знаешь, что он за человек. Но попробуй представить себе, как организовал бы работу профессор Чернов. Ведь у него не было никаких труб — только морозометы и бисерные струи, окутанные паром...»

Разгадка пришла ко мне неожиданно, однажды ночью. Когда я понял, в чем дело, я расхохотался. Потом я ударил себя по лбу и назвал круглым дураком... Почему я не догадался с самого начала? Но тут же я все простил себе. Я разбудил Милли и сказал ей: «Милли, твой муж молодец. Ледяную плотину можно строить хоть завтра».

В несколько минут я набросал схему производства льда по «канадскому» способу. Конечно, я не могу описывать ее здесь, поскольку «канадский» лед является собственностью фирмы Чилла. Все было сделано. Осталось только написать отчет.

Фредди первое время очень интересовался ходом анализа. Но вскоре ему надоело выслушивать мои предположения, проверки и опровержения. А затем он уехал в Штаты и вернулся вместе с шефом через

месяц, когда я уже дописывал последние страницы отчета.

Я передал ему отчет ровно в полдень, как раз перед обеденным перерывом, а в половине второго Фредди, взволнованный и растрепанный, прибежал ко мне на квартиру и, задыхаясь, сообщил, что мистер Чилл хочет разговаривать со мной лично.

Можно представить себе, как волновалась Милли, провожая меня в «тронный зал» говяжьего короля, сколько раз она перевязывала мне галстук, как старательно счищала пылинки с пиджака, как горячо целовала на прощанье. В то же время Фредди, со своей стороны, внушал мне, как вести себя перед лицом живого миллиардера.

— Прежде всего, — говорил он, — будь сдержан. Не суйся с протянутой рукой — шеф терпеть не может фамильярности. Говори коротко, по существу, но не раздумывая над каждым словом, а то шефу покажется, что он теряет с тобой время. Если он не будет слушать, все равно говори. Шеф никому не смотрит в глаза, всегда в сторону. Обычно, если он доволен, он поглядывает на потолок, а если скучает, полирует себе ногти. Как увидишь, что шеф занялся ногтями, сейчас же кончай. И еще одно — садись к нему правым боком. Ты порезал левую щеку бритвой, а шеф не выносит вида крови. Он падает в обморок, если поцарапает палец...

Фредди говорил еще долго, а я, волнуясь, с тоской думал, как страшно жить в мире, где судьба целой семьи зависит от царапины на левой щеке и от слабых нервов владыки.

Но в кабинете за письменным столом мистер Чилл показался мне совсем не страшным. Он был невелик ростом, со вкусом одет и необычайно вежлив. Слушая его приятный, немного приторный голос, трудно было понять, отчего люди боятся этого небольшого изящного человека, с прилизанными редкими волосами и совершенно безвредными маленькими, почти детскими руками — холеными мягкими руками, годными только на то, чтобы без движения лежать на ручках кресла.

— Расскажите подробно, как вы изучали лед, — сказал Чилл, не протягивая мне руки.

Несколько сбиваясь и путаясь, я рассказал ему всю историю анализа. Чилл несколько раз задавал вопросы, и мне казалось, что он допытывается, самостоятельно ли я разрешил задачу.

Когда я кончил, он помолчал минуту, затем спросил:

— Можно ли теперь организовать заводское производство?

Мне нетрудно было ответить. Собираясь строить из «канадского льда» свою будущую плотину, я заранее продумал все рабочие процессы.

Чилл перебивал меня ежеминутно. Его интересовало главным образом, сколько будет стоить каждый цех, каждый станок и по какой цене можно будет выпускать на рынок готовый лед.

— Я вижу, вы разработали технологию, — сказал Чилл в заключение. — Но есть еще деловая сторона вопроса. Кто будет покупать этот лед? Лично я сомневаюсь, что мы сможем вытеснить с рынка сухую углекислоту. (Боюсь, что я улыбнулся. Я знал, что Чилл — владелец всех крупных заводов «сухого льда» и, конечно, он не захочет быть конкурентом самому себе.) Нельзя ли подыскать новое применение льда — в военно-морском флоте, например?

В сущности, уже несколько месяцев я готовил ответ на этот вопрос, и все-таки я заколебался. Мне встомнились насмешки Фредди: «В лучшем случае, — говорил он, — у тебя купят проект, чтобы положить под сукно». Вероятно, и Чилл скажет то же самое.

Но, с другой стороны, чем я рискую? Ведь это мой единственный шанс. Весь план моей жизни заключался в том, чтобы ехать в Штаты, искать деловых людей, которые согласятся меня финансировать. И вот передо мной сидит деловой человек и сам спрашивает: «Как надо применять лед?»

— Я не занимался военными вопросами и не хотел бы заниматься ими, — ответил я, — у нас хватает всякого рода оружия, и незачем изобретать новое. В мире и так слишком много кровопролития.

Простым людям нужны не новые танки, а новые дома, заводы и плотины для орошения полей. Кроме того, мне кажется, низкие температуры не имеют перспектив в военном деле. Холод действует постепенно, вода замерзает не сразу. Нет никакой надежды на то, что можно внезапно заморозить крейсер или авианосец. Другое дело — мирное строительство...

И я рассказал Чиллу все: о плотине у Гибралтара, об энергии морского прибоя, о гидростанции на реке Патрика...

— Сейчас невозможно представить, — сказал я под конец, — все возможные способы применения льда. Мне ясно одно: владелец льда будет хозяином рек, морей и океанов. Ему будут подчинены самые обширные пространства на земном шаре.

Чилл слушал меня, не перебивая. Я не видел его глаз и не мог понять: одобряет он или посмеивается... Кончив, я перевел дыхание и вопросительно взглянул на него.

— Вы рассказывали это кому-нибудь?

— Только своему приятелю. Но он меня высмеял. Он сказал, что это пустые фантазии.

— Кто этот приятель? Фредди, мой секретарь?

Чилл опять помолчал. По лицу его было видно, что он подсчитывает что-то.

— Фредди — мелкая рыбешка, — сказал он наконец. — Он хороший делец, когда нужно заработать сто долларов, на тысячу у него не хватает головы. У вас голова на миллион, я откровенно вам говорю. Надеюсь, что похвалы не испортят вас. Но вы не деловой человек — это понятно с первого слова. Как вы возьметесь за дело? Имеете ли вы понятие о кредите, обеспечении, субсидиях, о тех силах, которые будут вам противодействовать? Понимаете ли вы, что главное для вас — реклама, что без рекламы вы не сможете бороться со строительными компаниями. (Вот когда я вспомнил слова Клэя: «Стоит ли столько хлопотать, чтобы доходы Смита, Джонса и Робинсона перешли к Чиллу, Смигу и Джонсу?») А для рекламы нужен удачный момент. Нужно, чтобы где-нибудь провалилось большое строительство, и тут

выступаем мы, строим быстрее и дешевле... главное — дешевле!.. Я думаю, вам следует продолжать работу. Я вам создам условия. Но нужно улучшить дело. Нужно найти новые, небывало мощные охладители, чтобы при наглядной демонстрации вы могли поразить — это самое важное — поразить воображение. Я сам подберу удобный момент, я создам его, если он будет запаздывать. Я обеспечу успех, короче говоря, когда вы найдете то, что нужно...

На прощание шеф встал и положил мне на руку два пальца. Я вылетел из его кабинета на крыльях. Должно быть, каждый мог прочесть на лице у меня, что я счастлив. Во всяком случае, Фредди сразу, ничего не спрашивая, протянул мне руку:

— Поздравляю, Аллэн. Ну, как тебе понравился шеф?

Я взглянул на Фредди сверху вниз.

— По-моему, он очень приличный человек, — сказал я. — Не понимаю, почему его считают пугалом!..

Фредди многозначительно улыбнулся.

— С его деньгами можно быть приличным человеком, — сказал он. — Шеф не любит раздражаться. Если нужно, он нажимает кнопку и говорит: «Фредди, задайте взбучку...» И Фредди сердится, ругается, угрожает, разносит, выгоняет и портит нервы вместо шефа. Шеф платит ему доллары за злость.

Так брызжал Фредди. Но я не поверил ему тогда...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Так я стал благополучным американцем, бизнесменом, человеком дела, как говорят у нас. Но не следует думать, что золотой дождь долларов сразу затопил меня, что у меня появились дома, сейфы, текущий счет в банке, доходы и чековая книжка. Отнюдь нет. Чилл сказал, что заслуги — заслугами, а контракт — контрактом и будто бы его нельзя нарушать без согласия всех совладельцев и акционеров поголовно. Чилл обещал мне и богатство, и акции, и участие в прибылях, но не сейчас, а через четыре

с лишним года, когда истечет контракт. До той поры я считался служащим фирмы, работал за жалованье, и все мои открытия, изобретения и предложения считались собственностью фирмы.

Правда, прибавку я все-таки получил. Я смог сменить свою холостяцкую комнату на уютную квартиру, и Милли постаралась наполнить ее ковриками, соломенными циновками, тихоокеанскими идолами, малайскими колчанами, японскими веерами и прочими изделиями из красного и черного дерева, из слоновой кости, из бамбука, из лака, из перьев райской птицы — так, что нельзя было повернуться, чтобы не уронить и не сломать что-нибудь.

А на работе я ни в чем не знал отказа. У меня был целый корпус в городке так называемой Кокосовой концессии Чилла — лаборатория холода, механическая лаборатория, модельный цех, бассейн для моделей площадью в сто квадратных метров.

Зато я и работал не за страх, а за совесть. Четырнадцать часов в сутки, как правило, а иногда — восемнадцать. Я спроектировал опытный завод (он был выстроен), довел до рабочих чертежей проект плотины и мог бы хоть завтра приступить к строительству. Я нашел, наконец, новый способ добычи холода — сделал то, что сам считал невозможным при первом разговоре с Чиллом.

Передо мной стояла задача: найти охладитель более мощный, чем жидкий воздух. Каждому понятно, что в стоградусном льде больше холода, чем в пятидесятиградусном; вообще чем ниже температура охладителя, тем больше воды может он заморозить. Казалось бы, вся задача состоит в том, чтобы изготовить вещество, температура которого будет ниже нуля на тысячу или десять тысяч градусов. Но, к сожалению, такая задача невыполнима и даже — с точки зрения физики — неграмотна.

Что такое тепло? На этот вопрос наука отвечает так: то, что мы называем теплом, — это движение молекул. Жара — быстрое движение; холод — медленное. Когда мы охлаждаем воду, мы тормозим движение ее молекул. В конце концов при нуле гра-

дусов подвижные молекулы жидкости начинают как бы слипаться, образуя кристаллы. Они перестают двигаться самостоятельно, в одиночку.

Движение молекул есть и в твердом теле. Там они колеблются, и колебания эти тем меньше, чем ниже температура. При температуре минус двести семьдесят три градуса движение молекул прекращается. Это абсолютный нуль, предельный, самый большой мороз, который только может быть. Ниже температура спуститься не может: ведь не может существовать ничего медленнее полного покоя.

С первого взгляда кажется, что я попал в безвыходное положение. На самом деле это не так. Ведь низкие температуры были для меня не целью, а средством. Температура в минус десять градусов вполне устраивала меня для строительства ледяной плотины. Для меня важна была не разница температур, а обилие холода, не высота водопада, а работа, которую он может совершить.

Вообще говоря, запасы холода в природе необъятны. Вспомните зимние морозы, поля с глубокими сугробами, замерзшие реки и заливы, ледники в горах, плавающие айсберги. Сколько холодильных машин потребовалось бы, чтобы засыпать снегом все наши поля! Отчего бы не построить ледяную плотину за счет зимних вьюг и трескучих морозов?

Я сильно рассчитывал на зимние холода на реке Патрика, полагал, что зима намного удешевит строительство. Но мне не хотелось целиком зависеть от погоды, собирать толпы рабочих в мороз, сидеть без дела во время оттепели, три месяца в году работать, а девять месяцев дожидаться. И потом зимние морозы существуют не повсеместно. На реке Патрика их можно использовать, а Северное море, например, не замерзает совсем. Поэтому мне хотелось найти надежный искусственный источник холода, чтобы я мог строить в воде из воды, когда понадобится и где понадобится, хотя бы на дне морском на глубине 300 метров, как профессор Чернов, когда он поднимал затонувший транспорт.

Итак, я взял курс на искусственный холод.

В предыдущей главе я уже говорил, что охлаждение можно получить и без холодных веществ. Тепло поглощается при испарении, растворении солей, расширении газов, размагничивании. Правда, во всех этих процессах поглощаются десятки калорий на килограмм вещества, а мне хотелось бы поглощать десятки и сотни миллионов калорий.

Можно ли от сотен сразу перейти к сотням миллионов? История науки знает такие скачки. Долгое время самым лучшим горючим считался водород. Сгорая в кислороде, водород выделяет свыше тридцати тысяч калорий на килограмм. Химикам казалось, что это предел или близко к пределу. Но в наши дни мы знаем атомное горючее. При распаде одного килограмма урана выделяется около двадцати миллиардов калорий!

Я думаю, читатели уже поняли, к чему я веду. Мне нужно было найти такие процессы, при которых поглощается примерно столько же тепла, сколько выделяется его при распаде урана или при синтезе гелия.

Трудности, стоявшие передо мной, были велики.

Найти процесс — это было проще всего. В природе каждый процесс можно вывернуть наизнанку. Все зависит от внешних условий.

При температуре минус один градус вода замерзает. При этом выделяется восемьдесят калорий на один килограмм. Но при температуре плюс один та же замерзшая вода тает, поглощая те же восемьдесят калорий.

В земных условиях ядро урана расщепляется, выделяя огромное количество энергии. Но где-то в другом месте (некоторые ученые полагают, что это происходит в недрах звезд) ядро урана образуется и при этом поглощает столько же энергии.

Значит, все дело в том, чтобы создать условия.

Чтобы пояснить мои трудности, я приведу пример, который никакого отношения не имел к моей работе.

Когда уголь горит в печке, он превращается в углекислый газ и при этом дает нам семь тысяч калорий тепла на один килограмм.

Чтобы превратить в уголь ту же порцию углекислого газа, нужно вернуть ему семь тысяч калорий тепла. Иначе говоря, углекислый газ мог бы служить источником холода, если бы он забирал калории из воздуха.

Но этого никогда не бывает, потому что в каждой отдельной молекуле воздуха слишком мало тепла, чтобы разбить одну молекулу углекислого газа.

Значит, нужно было создать копилку, которая могла бы собирать тепло из воздуха и отдавать его углекислому газу. Между прочим, есть предположение, что зеленый лист — похожая копилка.

Мало того. Нам нужна была копилка, которая действовала бы очень быстро, почти мгновенно, чтобы она забирала из воздуха почти все тепло.

Год понадобился для того, чтобы только наметить приблизительно направление работ. А еще через полгода моя лаборатория начала конструировать замораживающий аппарат небывалой мощности. Официально этот прибор назывался высоковольтным возбуждателем каскадного поглощения энергии, но для краткости мы именовали его просто «электромороз».

Должен сознаться, что мистер Чилл оказывал мне энергичную помощь. Оборудование у меня было превосходное. В мое распоряжение предоставлялась любая информация. Мистер Чилл, как владелец предприятий государственного значения, добывал мне самые секретные сведения.

В начале работы мы с ним совершили поездку в Штаты, и я помню, как меня поражало сперва, с какой легкостью получал мистер Чилл любые, самые ответственные секреты. Стоило ему взяться за телефонную трубку — и через полтора часа в отель к нему являлся чиновник с подробнейшим докладом.

— А что особенного? — сказал мне как-то Чилл, когда я выразил удивление вслух. — Вы говорите — закон о государственной тайне! Ну, да, законы у них, а заводы у нас. Ведь я выполняю важные заказы. Должен я знать, что и как делать на своих заводах?

Таким образом, бо́льшую часть сведений я получил в готовом виде. Мало того, когда мне понадоби-

лось провести очень сложные и кропотливые исследования, благодаря влиянию Чилла эти исследования были сделаны в государственных лабораториях. В сущности, на меня работала вся американская наука. Кроме того, я получал регулярные сведения о работах иностранных ученых — англичан, немцев, французов, итальянцев и даже одного бразильского физика, фамилию которого Чилл ни за что не хотел называть.

Одно время я подозревал, что этот «бразилец» — профессор Чернов, но подозрения мои не подтвердились. Судя по статьям профессора, он работал в другом направлении.

Я настойчиво требовал, чтобы мне доставлялись все труды русского ученого и все статьи о нем, даже мельчайшие заметки. Вскоре я узнал, что профессор закончил сооружение опытного ледяного порта на острове Вулканическом и начал новый порт где-то на Севере, кажется в устье Анадыри. Затем с помощью холода он поднял три крупных парохода в Тихом океане. Попутно он изучал влияние воды на климат и напечатал несколько статей о таянии, замерзании и испарении. Как выяснилось вскоре, эти теоретические исследования имели определенную цель, и профессор откровенно изложил ее в популярном журнале «Природа».

«Биологи утверждают, — писал Чернов, — что для растения необходимы свет, воздух, пища, тепло и вода. Я, как ледотехник, хотел бы напомнить также о значении льда как источника воды и регулятора тепла. Всем хорошо известно: когда вода замерзает, она отдает тепло — восемьдесят калорий на литр; когда тает лед, тепло поглощается — восемьдесят калорий на килограмм. И эти калории не пустяк. В тепловом балансе Земли они играют немаловажную роль. Не будь таяния, лето было бы длиннее и жарче, зима — длиннее и суровее. Лед тающий, вода замерзающая уменьшают размах температур. Лед — великий регулятор климата, и мне кажется, пришла пора людям взять в руки этот регулятор.

Мне очень хотелось бы, чтобы советские гидротех-

ники, географы и климатологи задумались над такими проблемами:

1. В тундре излишек воды — множество болот и озер. Я предложил бы в зимнее время проморозить эти озера до дна, а затем засыпать землей, выключить их из теплового оборота, снять с теплового довольствия. Что это даст? Раньше придет весна, раньше зацветет тундра. Лето удлинится, мы успеем посеять и снять урожай. Пусть солнечные лучи достанутся хлебам, а не тающему льду.

2. Быть может, вообще стоит уменьшить площадь Ледовитого океана, заморозив его. Эту работу могут выполнить совместно мороз и насосы. Путем постепенного наращивания льда, а затем и ила можно создать крупные острова и даже превратить весь океан в сплошной материк. Но тут надо все как следует обдумать. Очевидно, исчезновение океана заметно скажется на климате в северном полушарии. Зима станет суровее, лето суше.

3. На юге, наоборот, нам желательно увеличить объемы тающего льда. Это можно делать так: в зимнее время брать воду из рек, из соленых озер, даже из таких морей, как Аральское, и разливать ее, слой за слоем, в пустынных местностях. Вода будет замерзать и постепенно образует обширные искусственные ледники. А весной и летом эти ледники будут таять, охлаждая и увлажняя атмосферу.

4. В случае необходимости таяние можно регулировать. Можно ускорить таяние вечных снегов и ледников в горах Тянь-Шаня и Памира и получить добавочную воду во всех реках Средней Азии.

5. Даже нежным южным растениям может пригодиться замерзающая вода. Ненормально холодные зимы у нас на юге иногда губят целые рощи эвкалиптов, цитрусовых и других фруктовых деревьев. Прошлой зимой мы проводили опыты по искусственному снегопаду — в сильные морозы опрыскивали деревья мелкой водяной пылью с помощью дождевальных машин. Тепло, которое выделяла замерзающая вода, повысило температуру в садах от минус 20 до 1—2 градусов мороза».

Всего в этой статье было 14 пунктов, и больше всего меня взволновал последний, 14-й пункт:

«14. И нам и нашим потомкам придется очень много поработать, чтобы исправить одну неприятную для нас ошибку природы. Дело в том, что на юге у нас недостаточно воды, а целый ряд крупных рек течет на север и уносит драгоценную пресную воду в Ледовитый океан. Нам очень нужно, чтобы Северная Двина, Печора, Обь, Енисей, Лена несли свои воды на юг, а не на север, и в ближайшие годы мы начнем их поворачивать.

Предстоит постройка целого ряда небывалых по величине сооружений. И здесь, по моему мнению, стоит призвать на помощь сибирские морозы — возвести речные плотины из речной воды».

К статье был приложен портрет профессора, и я долго всматривался в его черные глаза, крутой лоб, мохнатые черные брови, раздвоенную бороду. Вот он каков — мой предшественник и учитель!

Мне очень хотелось написать ему: «Алло, мистер Чернов. Мы делаем одно и то же дело: вы в восточном полушарии, я — в западном. Давайте будем думать вместе, ум хорошо, а два — лучше! Я разгадываю ваши мысли, как ребусы. Мне хочется просто спросить у вас совета. Я думаю, вам не повредит гидростанция на реке Св. Патрика. И мне не повредят ваши сибирские реки, ворочайте их куда хотите. Сядем за стол и дружески поговорим. Разве дело не пойдет быстрее у нас обоих?»

Много раз я мысленно сочинял это письмо, но, увы, отправить не мог. Моя работа принадлежала Чиллу. Не только русским, ни одному американцу я не имел права сказать, чем я занимаюсь. Я должен был прийти к финишу раньше всех, раньше всех получить патент и перехватить заказы. Я обещал захватить первое место, за это мне платили жалованье.

Не только я обратил внимание на 14-й пункт статьи Чернова. Вокруг него разгорелась целая дискуссия в русской печати. Были высказывания «за», были и «против». Яростнее всех возражал академик Скатов, защитник проекта поворота Енисея (оказы-

вастья, такой проект уже существовал). По его мнению, Енисей заслуживал надежной земляной плотины, а не сомнительной — ледяной. Некий инженер Косачев утверждал, что для постройки плотины в Сибири не хватит мороза. Его энергично опровергал климатолог Никольский. По его расчетам, сибирские морозы обеспечивали сооружение пятиметровой толщи за одну зиму. А какой-то студент 3-го курса Одищов внес техническое предложение, как эту толщу увеличивать втрое, вчетверо или впятеро в случае необходимости.

Я забеспокоился. По-видимому, русские собирались строить плотину всерьез. Я собрал вырезки и при первом подходящем случае показал их Чиллу.

— Нам надо спешить, — сказал я, — когда русские начнут строить, у нас все бросятся на эту идею. Зачем откладывать? Мы можем начать сооружение, имея в руках прежний способ замораживания, а в разгар стройки подоспеют каскадные аппараты.

Но Чилл не согласился. Он сказал: «Не нужно. Поспешим — сорвемся. А русских не бойтесь, у них ничего не получится с природным морозом. Главное — закончить аппарат».

Разве может спорить с королем состоящий у него на жалованье инженер? Я не согласился, но промолчал... Что мне оставалось делать? Спешить закончить аппарат. Но как спешить? В сутках только двадцать четыре часа, из них нужно спать по крайней мере шесть, иначе ничего не придумаешь.

И все-таки работа была сделана. Однажды весной я показал Чиллу довольно увесистый прибор, по виду похожий на снаряд, но обвитый снаружи цветными проводами и украшенный циферблатами и кнопками. Это и был долгожданный каскадный возбудитель — «электромороз».

А две недели спустя я вылетел на специальном самолете на Аляску для решающего испытания.

Аляска была выбрана в целях сохранения тайны, потому что появление ледяных гор близ Пальмовых островов не могло бы пройти незаметно. Из тех же соображений со мной были только двое: летчик и до-

веренный наблюдатель Чилла, но не Фредди. Чилл боялся, что Фредди будет пристрастен ко мне.

Сам Чилл не поехал — и не только потому, что он был занят. У всякого человека есть свои слабости, в том числе и у миллиардера. Испытание было связано с некоторым риском: мог произойти взрыв, могли быть непредвиденные неожиданности. А великий король говядины боялся шума и крови.

Я хорошо помню каждую минуту знаменательного для меня дня испытаний. На Аляске начиналась весна, подтаявший снег ослепительно сверкал на черных склонах гор. Ледник, спускавшийся к морю, был на поверхности серовато-коричневым, а в трещинах — ярко-зеленым. Спокойный океан чуть рокотал в скалистых бухточках.

Спрятав самолет под прикрытием базальтового мыса, мы трое подъехали на лодке к узкому пляжу. Вода у берега была совершенно прозрачной, и трудно было разобрать, где кончается дно, покрытое галькой, и где начинается галечный пляж.

Летчик помог мне установить метательную машину, специально сконструированную для испытаний, — нечто вроде широкоствольного миномета. Для безопасности нам нужно было забросить «электромороз» как можно дальше в море, а сами мы хотели быть в укромном месте на берегу.

И вот настал решающий момент. Вдвоем опускаем мы в ствол тяжелую металлическую сигару. Короткая вспышка — и темная масса, взвившись вверх, исчезает из виду.

Небольшой фонтан километрах в двух от нас обозначает место падения. Минута, другая, третья... Мы напряженно, не мигая, смотрим на воду. И в голове уже мелькает: «Что, если осечка, неудача, просчет?..» А море все так же спокойно. Брызги уже улеглись. Тишина. Безмолвие.

И вдруг... зеркальная гладь встает горбом. Волна набегают на берег, покрывая скалы пеной, туча соленых брызг обрушивается на нас. И когда, промокшие насквозь, стряхнув ледяную пену, мы протираем глаза, то видим: вдали на взволнованной поверхности оке-

ана покачивается полукруглая ледяная гора, похожая на купол планетария.

Всего мы провели шесть испытаний, и только один аппарат отказал. Мы изготовили три ледяные горы. Одна за другой отчалив от берегов Аляски, они выплыли на просторы Тихого океана.

Можно представить себе, как я смеялся позже, прочтя в научных журналах статьи о необычайных шарообразных льдинах, открытых возле Алеутских островов.

Один аппарат сработал в воздухе, не долетев до воды, и мы нечаянно получили неожиданный результат. Почти сразу возник туманный ком. Он начал разрастаться на глазах, превратился в темную тучу, и косая полоска дождя потянулась к морю. Затем с берега подул ветерок, все сильнее и сильнее, закурился снег на горных склонах, с грохотом сорвалась лавина, и внезапно вокруг нас все закружилось, забушевало, завывало. Туча коснулась воды, и тотчас возник чудовищный вихрь, словно темный мост перекинулся от моря до неба. Холодный туман набежал на берег. У нас захватило дыхание. Океан и горы исчезли из виду — впереди кружилось что-то серое, клочковатое. Я думал, что в самом центре, там, где бушевал смерч, шел дождь из жидкого воздуха. Но проверить это, конечно, я не мог.

Смерч, к счастью для нас, прошел стороной, а ветер развеял остатки тучи.

Я очень гордился этой искусственной бурей и, осмелев, решился на самый заветный опыт. Последний аппарат я заложил на дно речки, чтобы возвести здесь ледяную плотину.

Но, увы, с плотиной вышло гораздо хуже — «электромороз» действовал слишком медленно. Текучая вода сносила мелкие льдинки, они не успевали смерзаться. Вместо единой льдины получилась ледяная каша, которая незаметно стекла в океан. Только кое-где в заводях образовались забереги, да на той мели, где лежал аппарат, возник ледяной бугор, в плане похожий на каплю. Бугор оказался непрочным. Снаружи он начал таять, а в центре еще про-

должалось охлаждение и лед лопался, отслаиваясь, как будто бугор шелушился. В трещины проникала вода, замерзала и взрывала мою льдину с треском и гулом, похожим на орудийные залпы. Мы заложили аппарат с вечера, и всю ночь меня будили эти «выстрелы». Ничтожная речонка с торжеством доламывала неудавшуюся плотину и грохотом лопающихся льдин салютовала в честь моего поражения.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Я телеграфировал Чиллу о своих успехах и неудачах и неожиданно получил приказ немедленно вылететь в Вашингтон для подробного доклада. Самолет у нас был свой, снаряжение не так велико. Мы погрузили его немедленно и за трое суток пересекли наискось весь материк от снежных скал Аляски до пыльных улиц Вашингтона.

Я видел много городов у нас и в Европе. Вашингтон, пожалуй, один из самых скучных. У каждого города есть свое лицо, своя излюбленная профессия. Я знаю города-заводы, города-рынки, города-ворота, города-арсеналы, города-церкви, города-музеи и даже города-кладбища. Вашингтон — единственный пример города-канцелярии. Даже хуже того — это прихожая канцелярии, где толпятся чиновники, лакеи и просители.

На этот раз в канцелярии было беспокойно. На углу Мериленд-авеню мы стояли двадцать минут — переждали демонстрацию, а на площади перед Белым

домом с трудом пробилась через целую толпу пикетчиков с плакатами.

— Народ недоволен поправкой, — сказал мне шофер, головой показывая на пикетчиков.

— Какой поправкой?

— Поправкой сенатора Мак-Свина.

К стыду своему, я должен был признаться, что не знаю об этой поправке. Работая по шестнадцать часов в сутки, я почти ничего не читал, кроме технических журналов, а в последние две недели не видел даже газет.

— Поправка насчет антиамериканской деятельности, — пояснил шофер. — Предлагают считать подрывной всякую организацию, где имеются подрывные элементы. Если, скажем, к нам в союз шоферов затесалась дюжина красных или там каких-нибудь сторонников мира, стало быть, весь профсоюз — подрывная организация. Понятно?

— Вот так штука! — воскликнул я. — Хитро придумано. Таким способом каждый профсоюз можно объявить подрывной организацией. Неужели рабочие мирятся с этой поправкой? И потом интересно — где же работать коммунистам?

Шофер подозрительно покосился на мое дорогое пальто и, очевидно, решил, что со мной не стоит откровенничать.

— Туда и дорога им, пусть подышают, — сказал он фальшивым голосом. — Все они иностранные агенты. Надо выслать их, и дело с концом (вероятно, он принял меня за провокатора).

На все дальнейшие вопросы он отвечал только «да, сэр» и «нет, сэр». После нескольких попыток я прекратил никчемный разговор и задумался о предстоящем докладе Чиллу.

Приходилось откровенно рассказывать о неудаче. Аппарат не годился для сооружения плотин, во всяком случае, на быстрых реках. Гидростанция на реке Патрика откладывалась на долгий срок. Сначала надо было усовершенствовать аппарат, и уже дорогой я наметил новый путь для поисков.

Я сравнивал наш аппарат с копилкой, собирающей тепло. Копилка эта была очень объемиста, но заполнялась она не так быстро, как хотелось бы. Ее лимитировала теплопроводность. В копилку попадало все тепло, которое притекало снаружи, но притекало оно довольно медленно.

Первый опытный аппарат мы просто положили в воду и были разочарованы. Вода подавала тепло неторопливо, замораживание шло еле-еле. Заметная по величине льдина образовалась только через несколько дней.

Тогда мы переделали аппарат. Наши новые аппараты раскрывались, падая, и специальный взрыватель выталкивал струю охлаждающего вещества. Замораживание начиналось в большом объеме сразу. Такого рода аппараты мы пробовали на Аляске. В воздухе это получилось очень хорошо. Охладитель падал ледяным дождем. Вокруг охлажденной зоны возникали вихри, смерчи, воздушные течения, быстро разносившие холод. Здесь «электромороз» оказался на высоте.

Гораздо хуже выходило в воде. Вода тормозила струю охладителя. Поэтому замерзание шло медленно и мощность аппарата пропадала впустую. В текущей воде ее не хватило даже для создания крупной льдины, а в спокойной воде — в море — льдина получилась случайная и уродливая, внутри промерзшая, снаружи непрочная. Она трескалась и отслаивалась.

Я видел только один выход: заново переделать «электромороз». В наших аппаратах электронные лучи включали охладитель, затем он выбрасывался наружу. Надо было сделать наоборот: сначала растворить охладитель в воде, потом включить его электронными лучами.

Это было равносильно переходу от бомбы к двигателю. Нам нужен был аппарат, который бы без шума, треска и световых эффектов выполнял порученное задание, но я надеялся, что, усердно работая, года за два я сумею превратить мою ледяную «бомбу» в строительную машину.

Все это я сказал Чиллу. Я просил продлить исследовательскую работу на два года. Миллиардер выслушал меня внимательно и ответил коротко: «Не надо».

— Почему не надо? Ведь есть недостатки, которые препятствуют нам, мистер Чилл...

— Не надо, — повторил Чилл, — не требуется. Я и так доволен вами, Джонсон. Откладывать на два года не к чему. И потом мне не нравится эта возня: раскладывать охладитель, да выравнивать, да облучать. Нам нужно показать товар лицом. Включил кнопку: трах — и плотина. Главное для нас — наглядность. Пусть плотина выйдет несуразной — потом можно будет ее подровнять кирками. Пусть она даже растает. После, когда зрители уйдут, мы починим ее жидким воздухом, чем угодно, даже цементом. С нас никто не спросит. Вы славно поработали, Джонсон. Наша победа гораздо ближе, чем вы думаете. Я уже советовался с опытными людьми и...

Он нажал звонок, и почти сейчас же из приемной вбежал суетливый человечек лет пятидесяти, с маленькими глазками и примечательным красно-синим носом.

Не поднимаясь с кресла, Чилл небрежно представил нас:

— Инженер Джонсон — изобретатель. Мистер Литтлснейк — мой представитель в Вашингтоне, так сказать, официальный посол фирмы.

— У вас громкая фамилия, — сказал я, пожимая вялую руку носатого карлика. — Помнится, во время войны какого-то сенатора Литтлснейка судили за взятки.

Посол фирмы поморгал глазами и ответил без тени смущения.

— Это я и есть тот несчастный сенатор, — сообщил он, ухмыляясь. — Поверьте, мистер, я пострадал от злостной клеветы врагов. Сплошь подтасованные документы и лжесвидетели. Обычный трюк республиканцев, чтобы опорочить честного демократа. При случае я охотно познакомлю вас...

Чилл постукал карандашом по стеклу.

— В другой раз, Литтлснейк. Сейчас я хочу послушать ваши деловые соображения. Можете говорить при мистере Джонсоне, я вполне доверяю ему.

Литтлснейк суетливо выхватил из кармана какие-то смятые бумажки.

— По вашему указанию я подготовил оба варианта, мистер Чилл. Вариант номер один...

— Нет, сначала о втором варианте...

— Слушаюсь, сначала о втором варианте. Речь идет о том, какими путями получить разрешение на строительство электрической станции на порогах реки Святого Патрика, — пояснил он, обращаясь ко мне. Я кивнул, очень довольный распорядительностью Чилла, который заранее, еще до моего приезда, начал наводить справки.

— Вопрос о гидростанции на реке Святого Патрика имеет длительную историю. Сначала промышленники хотели захватить реку в свои руки, но правительство воспрепятствовало. Потом покойный президент Рузвельт хотел строить на реке правительственную гидростанцию, но промышленники не допустили. В результате силы определились, и мы заранее знаем, кто выступит против проекта. Разрешите, я напишу на бумаге...

Примостившись на самом углу стола, Литтлснейк начал выписывать названия фирм. В этом списке оказались:

1. Строительные компании, владельцы цементных заводов, поставщики камня, песка и бетона.

2. Угольные компании, которые справедливо будут опасаться, что мы уменьшим спрос на уголь и собьем цену.

3. Железнодорожные компании, которые не заинтересованы, чтобы река Св. Патрика стала судоходной и грузы пошли бы водным путем.

И, наконец:

4. Электрическая компания «Дженерал Электрик», для которой мы будем мощным и опасным конкурентом, и заодно, к сожалению, стоящий за ней банк Моргана.

-- Все эти компании, вместе взятые, — продолжал Литтлснейк, — могут собрать в конгрессе 30 или 40 процентов голосов. Мы же, со своей стороны, наберем процентов 10 — голоса Иллинойса, где находятся заводы мистера Чилла, и голоса тех штатов, которые поставляют скот для этих заводов. Остается еще 50 процентов нейтральных конгрессменов, среди которых можно найти понимание, если взяться за это энергично и умело. За нас могут проголосовать, например, представители южных штатов, если мы их поддержим в вопросе о хлопковых тарифах, ну, и, конечно, если пообещаем давать нашу энергию неграм только по двойной цене. Наш спор с тепловыми электростанциями Востока безразличен для отдаленных западных и юго-западных штатов, и, по всей вероятности, Юта, Невада и Аризона проголосуют за нас. Это обойдется в среднем около тысячи долларов за голос. Если мы поссорим угольщиков и нефтяников, тогда нас поддержит Оклахома. Монтану можно будет соблазнить крупными заказами на медные провода, с остальными будем разговаривать индивидуально.

Я слушал этого проницательного человека со смешанным чувством возмущения и ужаса. Суевой скороговоркой делового, очень занятого человека он разрушал привитое мне с детства глубочайшее уважение к государственным людям — избранникам народа. Знаменитые конгрессмены, талантливые ораторы, видные деятели, почтенные, седовласые, превращались у него в поштучные голоса — голоса медные, хлопковые, нефтяные, говяжьи. Их можно было получить за крупные заказы или обменивать — медь на рыбу, хлопок на проволоку. Если бы мне говорил это какой-нибудь репортер, я просто не поверил бы, я назвал бы его клеветником. Но Литтлснейк никого не обвинял и не упрекал. Он только составлял смету.

— Слушайте, — крикнул я, не слержавшись, — неужели, по-вашему, в конгрессе нет принципиальных, независимых людей?

Литтлснейк поглядел на меня с некоторым недоумением.

— Конечно, есть, — сказал он, пожимая плечами, — и с ними больше всего хлопот. Например, мистер Олдерфут из Род-Айленда — очень осторожный и принципиальный человек. Прежде чем проголосовать, он обычно советуется с женой, и в общем с помощью манто из норки мы можем быть уверены в его мнении... Сенатор Илхед всегда выступает неожиданно, но я третий месяц проигрываю ему в гольф и надеюсь, что он не подведет меня при голосовании. Конгрессмен Фиггинс — безусловно порядочный человек, но очень любит редкие марки. А я обещал достать ему уникальную оливково-зеленую бразильскую марку со штемпелем 1874 года.

Говоря так, Литтлснейк проворно набрасывал список, который он озаглавил «Смета на утверждение проекта в конгрессе».

Фиггинс (Вермонт) — браз. марка	2 500	долларов
Догг (Алабама) — чек на	1 000	»
Киллер (Арканзас) — взнос на церкви	1 500	»

— Но дело не в этом, — сказал Литтлснейк, подводя черту и выписывая очень солидный итог. — Я лично заинтересован в этой работе. Мне еще не случалось выполнять таких крупных поручений. Но я должен честно предупредить — даже при очень крупных затратах нельзя ручаться за успех. Со своей стороны, группа Морганов также будет склоняться на свою сторону членов конгресса, всячески убеждать их (он называл это «убеждать»). Безусловно, некоторую часть они успеют убедить раньше, чем мы, и тем самым достигнут абсолютного большинства.

— Это все правда? — спросил я Чилла. Шеф одними веками ответил «да».

— Но слушайте, — воскликнул я. — Если у вас такие факты, почему вы терпите? Проект ледяной плотины говорит сам за себя. Обратимся в газеты, опубликуем его, расскажем заодно об осушении морей. Мы можем дать землю всем безработным во всем мире. На земном шаре не будет голодных. Об этом надо думать, а не о марках и норках.

Чилл и Литтлснейк переглянулись, кажется, с легкой улыбкой.

— Я могу представить отдельную смету затрат на газеты, журналы, радио, телевидение, — продолжал Литтлснейк, не повышая голоса. — Но мистер Чилл знает: нас безоговорочно поддержат только газеты Среднего Запада. К сожалению, река Святого Патрика находится на Востоке. Здесь против нас выступят газеты, связанные с Морганом, в том числе «Нью-Йорк Таймс», «Нью-Йорк Геральд Трибюн», а значит, и весь газетный трест Скриппс Говарда, «Нью-Йорк Сан», журналы «Кольерс» и «Лайф» и многие другие. Мы можем вести борьбу за нейтральные журналы и газеты, но и противники наши, со своей стороны, не станут сидеть сложа руки. Вы напишете в одной газете, что гидростанция на реке Святого Патрика — благословение божие. Но целых пять газет заявят вам в ответ, что вы швыряете в реку деньги налогоплательщиков, что строительство гидростанции увеличивает налоги, что тепловые станции «Дженерал Электрик» дешевле, надежнее и практичнее для народа, что ваша государственная электростанция душист частную инициативу, что вы противник «американского образа жизни», что вы толкаете страну к рабству, что вы сочиняете планы в советском духе, что вы тайный агент Москвы, — одним словом, все, что писали те же газеты, когда президент Рузвельт отстаивал тот же проект... Тут ничего не поделаешь — у нас в печати соотношение 5:1. Вы говорите, что дадите землю всем безработным. Допустим, я верю в это. Допустим, вы напишете это в одной газете. Но в ответ на это пять газет поместят обширные статьи с метровыми заголовками: «Инженер Джонсон строит на деньги народа тающие плотины», «Профессора А, В и С свидетельствуют, что Джонсон — невежда», «Диверсант Джонсон хочет утопить десять миллионов фермеров на дне моря». Дело вы предлагаете новое, рискованное, непривычное, ваши противники найдут сколько угодно ученых дураков, которые с глубоким убеждением будут доказывать, что по старинке лучше. Вся беда в соотношении 5:1. Как служащий ми-

стера Чилла, я возьмусь за это дело, но, как опытный человек, не советую, не могу обещать удачи.

Но здесь я не сдержался.

— Довольно, мистер Литтлснейк, — крикнул я. — Вы не понимаете, о чем идет речь... Дело не в прибылях и не в парламентских комбинациях. Существует река, она может служить народу и не служит. Есть земля — она может кормить голодных и не кормит. Нужно, чтобы народ узнал об этом, и тогда он сам прикажет использовать эту воду и землю. Вы и мистер Чилл можете отказаться — это ваше дело. Но я не откажусь. Я найду газеты настоящие — не свиные, не хлопковые, а народные. Я расскажу всю правду... и про наш разговор тоже, про то, что в конгрессе сидят любители марок и норковых шуб. Я опубликую в печати вашу смету...

Я думал, что Чилл взбеленится и выгонит меня. Ведь перед этим живым воплощением мистера Доллара все ходили на цыпочках. В глазах Литтлснейка я уловил испуг. Покосившись на меня, он нервно схватил со стола список и спрятал за спину. Но Чилл сохранил спокойствие.

— Я много раз говорил вам, Джонсон, — сказал он ласково и снисходительно, — у вас голова на миллион, но в делах вы сущий ребенок. Чего вы хотите? Построить плотину. С чего вы собираетесь начать? Сражаться с конгрессом. Разве вам это под силу? Разве под силу вам исправить человеческую натуру? Люди есть люди, все они живут и дышат долларами. Вам повезло: вы добываете доллары головой — это приятно и почетно. В Вашингтоне сидят люди, у которых нет ничего, кроме должности. Они выжимают доллары из своего кресла. Не покушайтесь на их кресло, а то вас разорвут в клочья. С людьми нужно ладить, нужно помогать им зарабатывать, а не драться. Я знал заранее все, что рассказывал Литтлснейк. Все это не страшно, все можно уладить. Пускай сейчас соотношение 5:1 не в нашу пользу. Сегодня это так, а через год — наоборот. Нам нужен счастливый случай и реклама. Реклама нужна, а не война с конгрессом. Не лезьте вы в это дело, Джонсон. Я сделаю

все сам, спокойно и без истерики. Вы, кажется, говорили, что у вас родился сын. Так вот, не горячитесь, поезжайте к жене... и ждите. Подойдет момент, и я вызову вас. Но только держите язык за зубами до той поры.

И я дал себя уговорить. Со стыдом сознаюсь, но я сдался сразу. «Конечно, — рассуждал я, — и Чилл и Литтлснейк — порядочные мерзавцы, лучше бы держаться от них подальше. Но с волками жить — по-волчьи выть. Я не умею выть по волчьим правилам. Так пусть же Чилл и Литтлснейк воют и грызутся вместо меня, пусть эти хитрцы делают хорошее дело: пробивают дорогу ледяной плотине».

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Мистеру Аллэну Джонсону-младшему исполнилось только четыре месяца, но в доме своего дедушки он был главным лицом. О нем говорили за завтраком и за обедом, а вечером о нем же рассказывали гостям. Его одеяльца и распашонки висели в саду и на кухне, валялись в кабинете на письменном столе и в столовой на чайном подносе. Дедушка следил за режимом малыша, бабушка купала, а старшая сестра Лу и юная тетка — девятилетняя Прюденс спорили, чья очередь донести его до постели. И с утра до вечера по всему дому звенел голос Милли, оповещавшей о своих открытиях:

— Мама, у него подбородочек совсем, как у Аллэна.

— Аллэн, смотри, какие у него осмысленные глаза. А где папа, мой маленький? Гляди, повернул голову. Он все понимает.

— Такой горластый, он обязательно будет оперным певцом, — воскликнула Милли однажды. — Будет знаменитым-знаменитым баритоном, поедет на гастроли в Европу, заработает кучу долларов и нам с тобой пришлет подарки. Мне — подлинник Тициана из Италии, а тебе — коробку самых лучших кнопок.

А вечером она сказала:

— Ах ты, драчун. Зачем ты ударил маму? Наверное, он будет генералом, Аллэн, разобьет все армии, завоюет все страны, какие только есть на свете, и за это его выберут президентом.

— Ну, нет, Милли, я не согласен. «Завоюет», «разобьет», за это нельзя выбирать президентом. Мой сын будет строить, а не бомбить.

— Ну, хорошо, пусть строит. Он выстроит что-нибудь замечательное и станет президентом. И, кроме того, невероятным богачом — в десять раз богаче твоего Чилла. Ты будешь сочинять проекты, а он финансировать.

Мы самым серьезным образом обсуждали будущее нашего сына. Нам очень хотелось, чтобы он жил очень хорошо, лучше нас, правильнее, удачнее. Мы гадали, кем он захочет быть. И отец Милли — доктор Мистейк — сказал однажды со вздохом:

— Сейчас, увы, ничего нельзя определить. Но как только ребенок научится разговаривать, я исследую его сознательное Я и подсознательное Оно. И тогда мы научно выберем ему специальность.

Мой тесть считается сейчас одним из виднейших психиатров в стране. Он читает доклады на конгрессах, пишет статьи в ученых журналах. В газетах можно нередко встретить его круглое лицо, обрамленное седой бородой. Но знаменитым доктор стал недавно, на склоне жизни — и, кажется, неожиданно для себя самого. Всю жизнь он был скромным провинциальным врачом, служил в психиатрической больнице и с трудом сводил концы с концами. Семья была большая — шестеро детей. Доктор работал очень много — вечером после службы принимал больных, по ночам дежурил сверхурочно в больнице, а в свободное время собирал материалы для научного труда «История знаменитых сумасшедших».

И вот постепенно, благодаря постоянному общению с ненормальными, у доктора сложилась своеобразная теория, которую он изложил в небольшой книжке с броским названием: «Америка сходит с ума».

Признаться, я с большим трудом прочел эту книгу, где каждая строчка переполнена «анамнезами», «синдромами» и прочими учеными терминами. Вкратце суть теории Мистейка такова:

По его мнению, так называемых нормальных людей в природе не существует. Все люди — от рождения маньяки и психопаты. Те из них, которые не умеют сдерживать свои инстинкты, попадают в желтый дом, а кто умеет сдерживать, — ходит на свободе. Но так как сдерживать себя, бороться с собой и притворяться нормальным очень неприятно, скрытые сумасшедшие глубоко несчастны в жизни.

«Между тем, — писал доктор в заключении, — американский образ жизни предоставляет широкое поле деятельности для любого маньяка. Так, например, маниакальный лжец и фантазер может стать превосходным репортером, человек с манией преследования — сыщиком или полисменом, злобный психопат с манией разрушения — старательным солдатом и даже генералом, субъект с патологической болтливостью — превосходным оратором. Не надо стыдиться своей болезни, не надо мучить себя, подавляя инстинкты. Нужно только найти им правильное применение, источник горя и страха превратить в источник дохода».

Мне до сих пор непонятно, почему издатели напечатали этот бред. Мне еще непонятнее, почему специалисты встретили его с восторгом. Моего тестя провозгласили величайшим психиатром мира. Его называли нашим американским Фрейдом. Писали, что он выразил дух свободного предпринимательства в психиатрии, что он спас десятки тысяч сумасшедших для Америки, что отныне каждый психопат и маньяк, пользуясь его советами, может стать владельцем автомобильного завода и даже президентом. Со всех сторон посыпались заказы на статьи, приглашения читать лекции, просьбы дать совет. Богатые психопаты приезжали лечиться к доктору в Индианополис. Бедных психопатов доктор пользовал по почте. И это для них в газетах Нью-Йорка и Чикаго (по воскресеньям) печаталось объявление:

ВЫ ЕЩЕ МОЖЕТЕ НАЙТИ СВОЕ СЧАСТЬЕ!

Не жалейте, что вы больны.

Ваша болезнь — это ваш бизнес!

Специалист по эмоциям, доктор медицины Мистейк дает советы по вопросам любви, горя, жизненных неудач и затруднений, выявляет инстинкты, *указывает выход.*

Анкеты высылаются бесплатно. В приложении следует подробно рассказать о своих несчастьях и тайных пожеланиях.

Не стыдитесь и ничего не скрывайте! Цена за совет 15 долл. Письма без марок не принимаются.

Вы думаете, не нашлось желающих? Как бы не так. Каждый день доктор вынимал из ящика толстую пачку писем, присланных людьми, которые еще хотели найти свое счастье. Доктор иногда читал нам эти письма. Среди них бывали наивные, смешные, чаще трагические и обязательно в каждой пачке попадались три-четыре письма такого рода:

«Уважаемый доктор! Мне 12 лет, я работаю мальчиком в аптеке: мою посуду, вытираю столики, отношу покупки. Кроме того, по вечерам продаю газеты и колю дрова. Посылаю вам 15 долларов — я копил их три месяца. Я хочу точно знать, как сделаться миллионером. Напишите мне как можно подробнее. Мне нужно разбогатеть поскорее, потому что мама больна и не может работать и лекарства стоят очень дорого, а нашего папу убили в Корее».

Сколько их было — этих маленьких американцев, которым срочно нужно было стать миллионерами! Наверное, на каждое вакантное место — сотни тысяч желающих.

Были и такие письма:

«...Доктор, я прочел ваше объявление и решил, что это мой последний шанс. Насчет инстинктов я не разбираюсь, а тайное пожелание у меня одно — достать денег и выкупить ферму. Я сам из Айовы. Места у нас хорошие, только засухи мучают. И вот беда: когда засуха, и сами сидим голодные, цены на

хлеб отменные, но нечего продавать. А когда урожай, только думаешь поправиться — хлоп! — цены падают и ты остаешься ни с чем. Я задолжал в банк, и ферму мою пустили с молотка.

Тогда я продал вещи, жену с детишками подкинул брату, а сам двинулся сюда, на золотые прииски. Места здесь хорошие и золото есть, но вот беда: когда находишь золото, долларов получается много, но все остается у компании в лавке, потому что бобы и хлеб и даже вода в 10 раз дороже, чем в Айове. Если тебе повезет, ты только-только сыт, а не повезет — затягивай пояс. В прошлом месяце мы с приятелем наткнулись на жилу и думали разжиться. Но компания узнала, и нас вызвали в суд, а по суду вышло, что наш участок на земле компании. Мы, стало быть, не хозяева и все, что добыли, должны отдать.

Напишите, доктор, куда мне теперь ткнуться, и есть ли в Америке такие места, где человек работает сам на себя и компании его не трогают».

Доктор отвечал на письма по вечерам. Он надевал на нос роговые очки, расчесывал бороду, садился к столу, такой добродушный, уютный, ласковый, раскладывал письма по порядку. Чтобы упростить работу, он заказал типографские бланки и составлял ответы по принципу: «ненужное вычеркнуть, нужное подчеркнуть».

«Дорогой мистер, миссис, мисс, мальчик!

Я получил ваше письмо от... Сведения, которые вы излагаете в письме, *достаточны, недостаточны.*

Я могу ответить *после добавочной анкеты, немедленно.*

Судя по письму, у вас мания...

Ваши инстинкты *соответствуют вашей профессии, не соответствуют.* Вам следует заниматься *прежней профессией, изменить профессию на...*

Для того чтобы завоевать жизненный успех, необходимо иметь ярко выраженные инстинкты.

Ваши инстинкты выражены *достаточно ярко, недостаточно ярко.*

Вам *не нужно развивать инстинкты, необходимо развивать инстинкты.* Рекомендую вам...»

Подчеркивая и зачеркивая, доктор за пять минут решал судьбы будущих миллионеров и бывших фермеров. С помощью тех же бланков он отвечал даже на такие письма:

«Я сомневаюсь, чтобы вы помогли мне, док, но жена настаивает, чтобы я написал вам. Мне 39 лет, из них 19 я работал на конвейере у Форда. Конечно, с перерывами. Когда автомобили не покупались — нас рассчитывали, потом принимали назад. Последние 8 лет я надевал шайбу на втулку. Надевал, а потом бил молотком. Каждые 2 секунды — удар; и так весь день. Думаю, от этого со мной что-то стряслось — в голове все время шумит, как будто там бьют молотком. И спина болит, и руки не такие проворные, как прежде. Я уже не поспеваю за двадцатилетними, трудно мне. Ну вот, я пропустил одну втулку и еще одну, и меня выгнали. Теперь мне уже не найти работу. На всех заводах берут молодых в первую очередь, а я не поспеваю. Посоветуйте, как мне стать моложе молодых. Если можете, тогда вы гений, док».

Разоренные фермеры, выброшенные рабочие, покинутые жены и осиротевшие матери!.. В этот идиллический домик почта приносила исповеди горя, отчаяния и страха. Я как-то посоветовал доктору не отвечать на письма, а вместо того публиковать их в специальном сборнике, даже ежемесячном журнале, назвать его «Америка в истерике» или «Америка в отчаянии» и печатать все подряд, начиная со страшного письма солдата Джона Блоу.

«Меня зовут Джон Блоу и по профессии я убийца. Я умею убивать мужчин, а также и женщин. Дело несложное: ты берешь в руки автомат, нажимаешь гашетку, и фигурки, попавшие на мушку, падают. Когда я работал на фронте, я убивал почти каждый день — в будни и в воскресенье. Я привык к этому бизнесу. Я выполнял его равнодушно, и это самое страшное. Я убивал, потом шел обедать. И даже не всегда мыл руки. Потерпите, говорили нам, это ненадолго. Меня обещали вернуть, когда я отработую 36 баллов. Но я вернулся после 7. Оказалось,

что азиаты тоже умеют стрелять. Их снаряд оторвал мне левую ногу и левую руку тоже. Я просил врачей, чтобы они выкинули в океан то, что осталось, но меня зачем-то привезли в Штаты к замужней сестре. Не знаю, что я буду делать, ведь я умею только убивать. Кажется, я попал в скверную историю. Может быть, это возмездие за убийства, но тогда непонятно, почему меня учили убивать и наградили медалью. Лично мне не нужна та земля, где закопаны моя нога и рука. Оказывается, американца не труднее убить, чем желтого. И мне хочется сделать это еще один раз в жизни — пристрелить того, кто впутал меня в это грязное дело. Только я не знаю кого и боюсь промахнуться. Может быть, вы знаете, доктор?»

Помнится, я думал об этом письме целую ночь напролет, а утром за завтраком сказал тестю:

— Напишите Блоу, что он поздно спохватился. Если бы все солдаты своевременно подумали, куда стрелять, — войн не было бы совсем.

— Тс-с! — прошипел тесть. И теща повторила:

— Тс-с!

— Почему «тс-с»?

— Дети услышат.

— Ну и пусть слышат.

— Как можно? Еще сболтнут в школе, дойдет до комиссии по проверке лояльности.

А между тем я думаю, с письмом Джона Блоу необходимо познакомить будущих американских солдат — всех мальчиков поголовно, в том числе мальчиков доктора Мистейка — Джека и Бена. Когда они станут солдатами, они будут спрашивать: «Папа, почему ты не предупредил нас, что такое война?»

Я высказал это доктору, и он обиделся. Дня три мы не разговаривали, а потом рассорились окончательно. Вот как это произошло.

Среди многочисленных писем искателей счастья оказалось одно, адресованное мне. Его написал Клэй — мой первый начальник на Пальмовых островах. Оказалось, что он уже не служит у Чилла, си-

дит без работы в Чикаго и ищет, кто бы мог дать ему рекомендацию.

От Индианополиса до Чикаго всего несколько часов езды, и я решил навестить Клэя. У меня сохранились о нем самые хорошие воспоминания. Это был человек без задних мыслей. С Клэем можно было разговаривать начистоту, и мне захотелось поговорить с ним.

Конечно, я встретил Клэя в баре, на вращающемся стуле, у буфетной стойки. Клэй постарел, поседел и опустился. Костюм у него был потерт, на щеках — седоватая щетина, под глазами — мешки. И здесь, у стойки, размешивая соломинкой коктейль, Клэй рассказал мне историю своего падения.

Последнее время за ним кто-то следил. Клэй замечал, что в его столе кто-то роется, раза два у него пропадали письма. Его книги исчезали и неожиданно возвращались на место. Потом Клэя вызвали в комиссию по проверке лояльности и целых два часа выпрашивали, кто он, кто его друзья, не знаком ли он с анархистами, не ходил ли на митинги, не давал ли денег на испанских республиканцев, не выступал ли против Гитлера, не высказывался ли за ограничение монополий и трестов, не читал ли прогрессивных газет или книг?

Клэй отвечал: «Нет, нет, нет...» Клэй сказал даже, что он совсем не читает газет, а книгу в крайнем случае подкладывает под щеку, чтобы удобнее было спать после обеда.

— Ну, а что вы делаете в свободное время? — спросил следователь комиссии.

— Пью, — сказал Клэй лаконично.

Следователю очень понравился этот ответ. Он заулыбался, стал расспрашивать подробности, даже записал в книжечку рецепт коктейля «Чудовищный». Видно было, что он одобряет пьющих.

— Но, говорят, когда вы пьете, вы смущаете людей вопросами, — сказал он под конец, — спрашиваете, зачем люди живут, зачем вы сами живете?

— Бывает, — сознался Клэй, — я люблю подумывать на досуге...

Следователь сразу нахмурился и покачал головой.

— Это нехорошо, — сказал он. — Настоящий американец не размышляет, а энергично действует. Он делает свой бизнес. У него есть ясная цель — разбогатеть. А вы о чем размышляете? Зачем жить? Может быть, вам не нравится американский образ жизни?

И, в сущности, на этом допрос закончился. А на следующий день Клэя без каких-либо объяснений освободили от работы.

— Понимаете, Аллэн, — говорил он мне, судорожно жестикулируя, — меня выгнали за то, что я думаю. Я не коммунист, я не якшаюсь с ними, я не читаю подрывных статей, но я думаю... И это они считают опасным. Их пугает самостоятельная мысль. Они боятся думающих.

Я не очень поверил Клэю. Мне показалось, что он раздражен и преувеличивает. И тем не менее я вернулся из Чикаго с очень тяжелым чувством. Целый день я ходил под впечатлением этого разговора и за обедом рассказал о нем доктору Мистейку.

Доктор почему-то пришел в восторг. Он сказал, что Клэй — очень интересный экземпляр для его коллекции. «Пусть он напишет мне, — сказал доктор, — я ему пошлю совет бесплатно. Это редкий случай психопата с манией покоя. Нервное переутомление, и все инстинкты подавлены. Патологическое нежелание действовать. Конечно, такой человек не должен быть инженером. Ему нужна спокойная, созерцательная специальность отвлеченного характера — теоретическая математика или шахматные задачи. А еще лучше для него — отказаться от науки и открыть бар. Тогда он мог бы удовлетворять свои влечения к алкоголю, к болтовне и бездействию».

Не знаю, почему я взбесился. Возможно, это была капля, переполнившая чашу. А может быть, я ближе принимал к сердцу судьбу Клэя, которого знал лично и уважал.

— Когда я был на фронте, доктор, — начал я, — я одно время служил во взводе маскировщиков. Это

интересное занятие — вы прячете ваши танки или самолеты в лесу, прикрываете их кустами, листьями, зеленой материей, наконец, просто зарываете в землю. А рядом, где-то в сторонке, делаете ложный аэродром с фанерными самолетами, или танки из дерна, или бугор, по виду похожий на каземат. Это ложная цель — она служит для того, чтобы сбить с толку врага, заставить его впустую тратить снаряды и бомбы.

Я долго не мог понять вашей теории, доктор, но сегодня я раскусил вас окончательно. Вы сапер-маскировщик в психологии. Вам пишут живые люди — несчастные, обездоленные, безработные. У них нет хлеба — вы им советуете менять профессию. Их калечат на войне — вы поете им о вечных инстинктах. Они спрашивают: кто виноват? Вы отвечаете: психика. Они спрашивают: что делать? Вы пишете: потакать преступным маниям. Вы сбиваете их, ставите ложную цель, вы путаете и маскируете правду, и за это о вас пишут хвалебные статьи, и за это вам присвоены ученые степени. Вы крадете правду, доктор, а это самое вредное воровство, хуже, чем красть кошельки в толкучке.

Доктор что-то кричал, Милли держала меня за руки. Она боялась, что я ударю ее отца. Я выбежал в нашу комнату. Мне было горько и вместе с тем легко на душе. Наконец-то рассеялся туман, вся эта путаница с маниями и инстинктами. «Он просто маскировщик! — твердил я вслух, швыряя свои рубашки в чемодан. — Он питается наукообразной ложью, превращает обман в доллары». И вдруг страшная мысль возникла в моей голове. Меня сразу прошиб холодный пот, руки у меня опустились. Я сел, чтобы перевести дыхание.

Что, если и я маскировщик в своем деле?

В стране безработица, кризис, фашисты рвутся к власти, детей готовят в солдаты, солдат калечат на войне... Кому нужны сейчас ледяные плотины? Может быть, это тоже ложная цель?

Но с такой мыслью нельзя было жить и работать. И я отогнал ее.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Я вовремя стал собирать чемодан. В тот же вечер я получил, как было условлено, телеграмму: «Выезжайте. Момент пришел. Встречаю борту «Уиллелы». Дж. Ч».

И вот я на борту «Уиллелы» в своей роскошной каюте, рядом с апартаментами Чилла. Невольно вспоминаются слова Фредди: «Ты, сидя в трюме, на самом дне, сочиняешь новые рейсы, а я предпочитаю ехать в первом классе». Теперь, пожалуй, и я еду в первом классе — и в прямом смысле и в переносном.

Широкие окна моей каюты смотрят на шлюпочную палубу. Ниже корма, прикрытая парусиновым тентом, за ней — бесконечный зеленовато-синий океан, разрезанный надвое плоским следом винта. И совсем далеко за горизонтом, за тысячи миль отсюда, — американский берег. Америка скрылась в тумане, растаяла в синем море со всеми своими волнениями, заботами, и вместе с берегом ушли мои береговые сомнения, словно их сдул свежий ветер, смыла соленая вода. Нет, ледяная плотина не ложная цель, теперь я уверен в этом. Ведь ложная цель скрывает за собой что-то. А что спрятано за проектом ледяной плотины? Ничего плохого, право же, ничего.

«Работать надо, а не философствовать, — твержу я себе, сидя у письменного стола, — только работа чего-нибудь стоит. Остальное от лукавого».

На моем столе горка папок, я с удовольствием листаю бумаги: проект нового завода на Пальмовых островах, чертежи цехов, заказы на оборудование, расчеты, сметы... Главное — дело идет, завод уже строится. Через год он будет выпускать сотни «электроморозов». Тогда мы поговорим и о ледяной плотине, так сказал мне Чилл при встрече.

С радостью я нахожу статьи и заметки моих знакомых русских друзей. Их уверенные строки подбадривают меня. Русские работают всюду, только поспевай за ними. Вот статья о деревянной арматуре для ледяных сооружений, вот проект ледяной шпору

под плотиной, краткое сообщение: на реке Северной будет строиться ледяная перемычка.

В популярном журнале опять помещена заметка профессора Чернова. Она называется «Где не ступала нога человека». Я уже знаю, что каждая заметка Чернова — это программа научных работ, и тотчас берусь за словарь.

«Где не ступала нога человека? — пишет профессор. — Не ломайте себе голову, не ищите «белых пятен» в недоступных горах, в джунглях или во льдах. На земном шаре — 71 процент территории, где не ступала нога человека. Эта территория — морское дно. Именно мы, советские ледотехники, имеем возможность освоить подводные глубины.

Океаны в два с половиной раза обширнее суши. Возможно, что на дне их в два с половиной раза больше ископаемых, чем на всех материках. Мы знаем, что нефтяные месторождения Баку продолжаются под Каспийским морем. На дне северных морей живут бактерии, создающие марганцевую руду. Как только геологи укажут нам, где находятся подводные богатства, мы, ледотехники, соорудим ледяной остров, базируясь на нем, построим шахту до самого дна, а потом углубимся в дно при помощи замораживания. Не так уж далек тот день, когда в ледяных забоях под водой будут работать советские шахтеры».

Я заканчиваю перевод с радостным облегчением. Чернов не упоминал об осушении мелководных морей. Впрочем, это понятно — у русских сколько угодно земли. Им не нужны новые острова для переселения. Эта идея за мной.

Я аккуратно укладываю перевод в особую папку, которая называется «На будущее». Здесь я храню записанные на отдельных листочках идеи, возникшие попутно мысли, смутные, еще не оформленные проекты. Я надеюсь вернуться к ним позже, через год-полтора, когда (честно говоря) кончится мой контракт, и мои предложения, мысли и идеи уже не будут полной собственностью Чилла, когда я буду не инженером на жалованье, а компаньоном, смогу не только исполнять приказы, но и высказываться. Только тог-

да я вздохну свободно, только тогда развернусь в полную силу.

В моих руках оказалась новая, необыкновенная возможность. Я умею замораживать воду не только зимой, но и летом, в самую жару. Это очень нужно для плотин... и для многих других целей. Другие цели и приходят мне в голову постепенно в процессе работы.

Я думаю, каждый изобретатель поймет меня. Представьте, что вы нашли что-то новое, допустим, новый способ штамповать металл. Теперь начинается применение, развитие способа: вы начинаете штамповать гайки, болты, молотки, шкивы, кулаки, барабаны, застежки, крышки, дверные ручки. Вы вспоминаете сотни металлических изделий разнообразной формы, к каждому в отдельности нужно приспособиться, видоизменить форму штампа, исправить, переделать, улучшить свой прибор.

Или представьте себе, что вы изучили новый язык: французский, немецкий или, скажем, русский. И вот перед вами открылась целая страна. Вы можете прочесть тысячи книг — об истории, нравах, о быте, познакомиться с классической и новой литературой, с техническими журналами, проштудировать авторов, известных только понаслышке.

Именно это произошло со мной. Я научился замораживать воду. Для чего? Десятки идей приходили мне в голову, и я наскоро записывал их, чтобы позже, на досуге, проверить их и развить.

Вот и сейчас нужно взять на заметку мысли, возникшие в Индианополисе, и записать несколькими строчками:

«...Страница 113. Плавающие острова. При достаточном развитии ледяной промышленности можно строить вдали от берега небольшие плавающие острова площадью до двух-трех квадратных километров. Эти острова будут служить якорными стоянками в открытом океане. Здесь можно располагать также маяки, ремонтные базы, аэродромы или даже морские курорты.

Между прочим, профессор Чернов тоже говорил

о сооружении ледяных островов в Полярном море, но, судя по тексту, не плавучих, а стационарных — стоящих на мели.

Страница 114. Искусственный дождь. Даже в самый жаркий безоблачный день в воздухе всегда есть невидимые водяные пары. Чем жарче, тем больше может быть пара. Внезапное охлаждение при помощи «электромороза» заставит эти пары превратиться в дождь или снег. Таким способом можно получать дождь в любое время и в любом месте по заказу.

Страница 115. Еще к вопросу о строительстве гидростанции.

Надо принимать во внимание внутреннее тепло Земли. Раскаленные слои глубин нагревают земную кору снизу, и хотя до поверхности доходит очень мало тепла, о нем нельзя забывать. По расчетам геофизиков тепло, приходящее из глубин, может ежегодно расплавить слой льда в семь-восемь миллиметров. Если плотина рассчитана на сто лет, она должна иметь запасной слой льда у подошвы около восьмидесяти сантиметров или же систему труб, позволяющих подмораживать ее ежегодно.

Страница 116. О поддержании холода.

Атомная бомба, взрываясь, выделяет огромную энергию в доли секунды. Металл радий тоже выделяет немало энергии, но не сразу, а постепенно, в течение сотен и тысяч лет. Мне удалось найти охладитель, действующий мощно и быстро, как бомба. Нельзя ли найти иной охладитель — замедленный, похожий на радий? Действуя в течение сотен лет, он мог бы предохранять ледяные сооружения от таяния».

Смятый листочек с номером 116 до сих пор лежит у меня в кармане. Вероятно, я сунул его в карман в тот момент, когда снаружи в дверь каюты постучали и я, отложив ручку, крикнул «войдите!».

Хотя мы не виделись больше года, я сразу узнал Джо, моего старого приятеля по тяжелым временам. Джо был подстрижен, выбрит, чисто одет, но выглядел он, пожалуй, гораздо мрачнее, чем прежде.

— Вы не очень заняты, мистер Аллэн? Можно поговорить с вами?

— Заходи, Джо, без всяких церемоний. Для тебя я всегда свободен. Садись, потолкуем о старых временах. Хочешь рому или виски с содой, быть может? Сейчас я позвоню буфетчику...

Джо присел на краешек стула, видимо все еще стесняясь. Он спросил меня, как я поживаю, я спросил его, как он поживает. Затем наступило принужденное молчание. Оба мы никак не могли найти прежних дружеских нот. Я думал, что Джо скучно слушать про мои инженерные дела, а Джо полагал, что меня не интересуют его — матросские. И он глядел на свои колени, время от времени задумчиво вторгая:

— Да. Вот оно как...

— Может быть, ты хочешь попросить что-нибудь, Джо? Денег, а? Так возьми, пожалуйста. Сто долларов тебя устроит?

— Да, конечно, — угрюмо согласился Джо. — Сто долларов для вас пустяки. Теперь вы сидите на денежной горе, и вам трудно разглядеть нас — этих самых, как говорят газеты, «простых людей». А «простой человек», о котором так много говорят и всегда забывают, очень беспокоится сейчас, читая газеты. Речь идет о войне и мире... Впрочем, вы человек грамотный, мистер Аллэн, убеждать вас нечего, у вас есть мнение. Что вы думаете о войне?

— Что я думаю о войне, Джо? Право, незачем меня расспрашивать, ты знаешь сам. Когда наци наложили свою черную лапу на Европу, я пошел драться с ними. Я воевал не в штабе, а в окопах и знаю, что фронт — это не красная тесемка на карте. Я видел своими глазами горящие города и детей, искалеченных бомбами. У меня самого прострелена рука. Видишь, я поднимаю ее с трудом. Я думаю, Джо, это не должно повториться. Я лично заинтересован в этом, как отец и инженер. Я не хочу, чтобы бомбы портили мои сооружения и убивали моих родных.

Джо помолчал. Очевидно, он ждал, что я скажу «но», потому что многие обеспеченные люди в эти дни, поговорив об ужасах войны, добавляли много-

значительное «но» и затем начинали распространяться о возмутительных большевиках, которые мешают порядочным американцам делать деньги там, где хочется. Но я молчал. Лично у меня не было никаких претензий к русским. Каждый — хозяин в своем доме. А в русском доме, я подозревал, порядка больше, чем у нас. Во всяком случае, свои гигантские гидростанции они строят полным ходом, а мой проект еще не начинал обсуждаться.

Джо порылся в кармане и вынул голубоватый листок, испещренный каракулями людей, которым не часто приходится писать.

— А если ты за мир, — сказал Джо, — подпишись. Мы все на «Уиллеле» — матросы, кочегары, механики и пароходная прислуга — стоим за мир и против атомных гостинцев. И нам приятно будет, если мистер Джонсон — человек с верхней палубы — подпишется вместе с нами.

Я бережно взял в руки листок и дважды перечитал Воззвание комитета борьбы за мир. Да, конечно, за мир нужно бороться. Война никому не нужна, кроме спекулянтов оружием и оголтелых вояк из Пентагона. А мы, простые люди, — за жизнь, мы за мирный труд. И, подписываясь, я мысленно представил себе, как вместе со мной за мир голосуют простые люди всех пяти материков. И все они полны решимости сохранить жизнь своих детей и моего сына, отстоять свои дома и мою плотину от бомб.

Когда, расписавшись, я возвратил Джо листок с воззванием, я увидел на лице моего старого приятеля широчайшую улыбку.

— Я рад, старина Аллэн, — сказал он, — что ты не ослеп от блеска долларов. Хотел бы я посмотреть, какую физиономию скорчит босс, когда узнает, что его главный инженер подписал воззвание борцов за мир. Очень хорошо, что ты с нами, а не с торговцами оружием вроде Чилла!..

Я пожал руку Джо, но при этом нашел нужным вступить за своего хозяина и будущего компаньона.

— Ты ошибаешься, Джо. Чилл, конечно, не ангел божий, он делец и шкурник, но оружие не по его

части. Он торгует бифштексами, а не бомбами. В сущности, он и сам мог бы подписаться здесь.

В ту минуту я совершенно искренне думал так. И если бы Джо попросил меня, я, не колеблясь, пошел бы к Чиллу с воззванием. «В самом деле, — думал я, — почему бы Чиллу не подписать? Разве он хочет, чтобы атомные бомбы сжигали его заводы, чтобы от их жара таяли возведенные нами ледяные плотины?..»

Джо лукаво подмигнул мне.

— Новая сказка дядюшки Римуса! Братец Кролик уговаривает Лиса вступить в общество вегетарианцев. Конечно, босс только мясник. Я сам так думал месяц назад. Но за этот месяц я узнал кое-что новое... Ты знаешь, что «Уиллела» пришла сюда из Европы? А знаешь, зачем она ходила туда? Нет? Так я могу тебе рассказать...

Прежний президент любил повторять: «Всемогущий господь в своей неизмеримой мудрости и милости возложил на нас ответственность за сохранение мира». Хорошо!.. Полтора месяца назад мы с полным грузом на всех парах идем в Европу. Твой приятель Фредди шьет себе новый мундир, мы в кубрике стираем тельняшки — все в полной уверенности, что на берегу нас уже поджидают девчонки, чтобы расцеловать в благодарность за «копченный язык мистера Чилла...».

Хорошо. Мы входим в порт, и в самом деле — на берегу толпы народа без музыки, но с плакатами. А на плакатах на хорошем английском языке такими крупными буквами, чтобы самый непонятливый мог разобрать, написано: «Янки, убирайтесь вон! Мы не нуждаемся в вашем оружии, продавайте его рыбам!»

Капитан делает вид, что он неграмотный. Командует: «Малый вперед, малый назад. Стоп машина». Мы увязываем ящики: «майна!» Грузчики отвечают: «вира!» Мы стоим и спорим с ними трое суток: «майна», «вира», «майна», «вира». Нам на помощь приходит полиция, полицию грузчики прогоняют камнями. Короче, на пароход приезжает мэр. Он вне себя от стыда и ужаса. Он может уплатить нам за простой

тридцать тысяч извинений, а если мы поторгуемся — сорок тысяч. Но все-таки он просит нас уйти, иначе могут быть большие беспорядки.

Мы прячем парадную одежду в сундучки и ночью, избегая торжественных проводов, уходим в море. Но и в другом порту нас встречают точно так же. То же повторяется в третьем. Мы ходим из порта в порт не как благодетели, а как нищие и жалостливо просим: «Разгрузите нас, ради бога». А грузчики отвечают: «Если бог нагрузил вас ответственностью, пусть сам и разгружает...»

Наконец, нас приводят в военный порт, и солдаты перетаскивают в вагоны ящики с консервами Чилла, а мы в щелки можем разглядеть, что консервные банки с копченым языком по внешности очень похожи на минометы. Конечно, первое впечатление обманчиво, может быть, как это говорят доктора, наше заключение было поверхностным и поспешным. Просто копченые языки для большей сохранности были спрятаны в дуле миномета...

Итак, солдаты работают за грузчиков, а грузчики смотрят на все это из-за забора — должно быть, охраняют мирный труд солдат. Первый состав нагружен. Машинист трогает его, подъезжает к воротам порта. Не тут-то было: за воротами густая толпа. Машинист свистит, рабочие кричат: «Не надо нам оружия! Долой!» И тогда одна девушка, совсем еще девчонка, с черными кудрями до плеч, ложится на рельсы ничком. За ней другая, третья. Десятки людей ложатся на рельсы. Пути нет. Война не пройдет!..

Что же машинист? Машинист выходит из будки. Он говорит, что обязан водить паровозы по рельсам, а не по живым людям. Рабочие сбивают замки у вагонов, и охрана смотрит, почесывая затылок. И мы видим, как «языки» Чилла один за другим аккуратно идут на дно. Это было чудесное зрелище!

Я не слишком грамотный парень, Аллэн, хотя в свое время боцманы охотно учили меня шваброй. Но я всегда с почтением слушал старших и верил им на слово, что мы, американцы, — самые славные парни на белом свете. А чтобы теория не отставала от

практики, я всегда старался в портовых кабаках кулаками внушать уважение к дяде Сэму всем его непутевым племянникам: даго, макаронникам, лягушатникам, Джонам Булям и всяким прочим. Не знаю, правда ли, что французы едят лягушек, я не очень верю в это. А даже, если и правда, — чего не съешь с голодухи? Я сам в плохие времена пробовал крыс и думаю, что они ничем не лучше лягушек. Дело не в этом... На этот раз лягушатники пристыдили «самых славных парней». Они объяснили нам, что доллар не владыка мира, а просто грязная бумажка, что сила не в деньгах, а в руках, и если все мы обеими руками проголосуем за мир, некому будет воевать по приказу доллара.

И надо сказать, что у нас тоже нашлись настоящие парни из тех, которых называют «подрывными элементами». Они и рассказали нам...

Но здесь Джо пришлось прервать свой рассказ. Кто-то энергично постучал в мою дверь. Джо вскочил, и в ту же секунду в каюту вбежал Фредди.

С первого взгляда можно было понять, что у Фредди беда: он был растрепан, взволнован, суетливо размахивал руками, и глаза у него блуждали, как будто он искал что-то.

— Аллэн, ты мне нужен срочно! — крикнул он с порога. — Кто у тебя?.. Матрос? Вы хотели убрать каюту, друг мой? Зайдите позже, у нас дела с мистером Джонсоном.

И Фредди упал на стул, закрыв лицо руками.

— Слушай, — продолжал он, когда дверь за Джо закрылась, — ты должен спасти меня!.. Во имя нашей дружбы, во имя нашей юности!.. Вспомни, Аллэн, как я помог тебе в трудную минуту, вспомни, сколько раз я выдвигал тебя, сколько раз защищал тебя, когда шеф бывал недоволен! А ты знаешь, что значит убедить шефа? Это ледяное чудовище. Люди для него ничто, он их не замечает!.. Подумай, он хочет послать меня в Россию, чтобы раскрыть планы профессора Чернова. Помнишь, мы переводили статью о нем?.. Но ведь это гибель! В России проваливаются лучшие агенты. Русские сцапали Майка Хилла — знамени-

того Майка, который организовал четыре переворота в Центральной Америке. В России совершенно невозможно работать. Там мальчишки и старухи указывают на подозрительных людей. Аллэн, ты единственный человек, которого шеф послушает. Отговори его, он тебя уважает. Убеди его, что я не гожусь для этого дела. Я совершенно забыл русский язык, я его никогда не знал, ты можешь это подтвердить!..

Фредди не мог усидеть на месте. Он вскочил и в отчаянии забегал по каюте, натыкаясь на мебель. Время от времени, останавливаясь, он бросал две-три фразы и снова метался, как зверь, загнанный в железную клетку.

— Такая черная неблагодарность, такая бесчеловечность!.. Один-единственный раз вышла осечка, и то не по моей вине... Проклятые забастовщики подвели — и я уже не нужен!.. (Ах, вот как? Значит, Фредди поплатился за то, что не сумел доставить оружие в Европу.)

— Подумай, из-за одной неудачи забыты все мои заслуги! А что он делал бы, если бы я не раздобыл образцы русского льда? Я его спас тогда блестящим крушением «Уиллелы». Ему при всех его миллиардах за сто лет не выдумать такого плана!..

— Крушение «Уиллелы»? Что это значит, Фредди? Ведь она наскочила на мину...

— Да, да, все так считали! Это было ловко задумано и ловко сделано. Я знал, что русские пойдут на эту удочку и бросятся спасать пароход. Помнишь, в статье, которую мы переводили, говорилось о том, как русские поднимали затонувший транспорт? Шеф потратил двести тысяч, чтобы добыть секрет русского льда, — все впустую. Тогда я предложил ему этот фокус с «Уиллелой». Все было продумано в деталях. Поблизости не было пароходов. Мы подвели «Уиллелу» почти вплотную к острову Вулканический. Я сам взорвал борт, мина лежала у меня в каюте. И вышло как по-писаному: русские сломя голову примчались, чтобы спасти судно, заморозили течь, и мы получили ценный груз первосортного русского льда. Я развозил

этот лед тоннами по всем лабораториям шефа. Кто же мог знать, что секрет разгадает рядовой инженер Джонсон? Ты оказался молодцом, Аллэн, когда раскрыл эту штуку!

Я и раньше догадывался, что пресловутый «канадский» лед Фредди привез с «Уиллелы», но мне и в голову не приходило, что крушение было подстроенно. Подстроено крушение парохода! Но ведь там были пассажиры, живые люди, американцы! И Милли среди них!

Фредди смутился на минутку.

— Честное слово, Аллэн, если бы я знал, что твоя невеста взяла билет на «Уиллелу», я бы отговорил ее ехать. Дело было рискованное... Мы играли крупную игру, и пароход был ставкой. Конечно, русские могли опоздать, тогда получилось бы плохо. Но стоит ли жалеть сейчас? Все кончилось благополучно — Милли твоя жива и здорова!...

Я был ошеломлен логикой Фредди. Вот как рассуждает деловой человек! Надо было узнать русский секрет. Чилл поставил на карту пассажирский пароход и выиграл. Все обошлось благополучно. Только в панике утонули трое мужчин, шесть женщин и ребенок. Каких-нибудь шесть американцев лишились жен, какой-нибудь десяток детей стали сиротами!.. Какая-то девочка по имени Лу потеряла мать. Мог потерять невесту какой-то инженер Джонсон... Все это не имело значения, потому что шла крупная игра: Фредди Палома зарабатывал свою сотую тысячу, а шеф его — сотый миллион!..

А Фредди между тем, считая вопрос о крушении исчерпанным, продолжал убеждать меня. Я почти не слушал его, но внезапно до моего слуха дошла непонятная фраза:

— Ты должен помочь мне! Ведь я, в сущности, пострадал из-за тебя...

— Что это значит, Фредди? При чем здесь я?

— То есть как при чем? Все произошло из-за твоих игрушек. Мы их везли на «Уиллеле»!

— Какие игрушки? Я ничего не понимаю, Фредди!..

— Будет притворяться! Кому же понимать, если не тебе?

— Да нет, подожди. Это нужно выяснить. Что ты имеешь в виду?

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

И вот какую сценку рассказал мне Фредди.

Место действия: гостиная богато обставленного особняка.

Действующие лица: Преуспевающий Сенатор. Пухлый, жизнерадостный, улыбающийся человек с блестящей лысиной. Он похож на доброго дядюшку-холостяка, у которого в кармане всегда есть шоколадки для племянников.

Иностранный Генерал. Сравнительно молодой, смуглый, с тонкими черными усиками, в мундире с золотыми шнурами и эполетами. Он сидит против зеркала и, время от времени поглядывая на свое отражение, поправляет воротник или манжет.

Чилл сидит в глубине комнаты, в тени, сложив на животе свои бесполезные руки. Он не принимает участия в разговоре, упорно разглядывает карниз, а губы его шевелятся, как будто он высчитывает в уме сложные проценты.

В глубине комнаты, за ширмой — Фредди. Ему поручено коротко записывать самую суть, так как разговор слишком секретен, чтобы доверять стенографистке.

Генерал. Я не могу выразить, сколько удовольствия мне доставило пребывание здесь. Я впервые приехал в вашу страну и каждый час стараюсь использовать, чтобы ознакомиться с вашей своеобразной культурой и духовной жизнью, столь непохожей на жизнь нашей увядшей Европы. Меня восхищает все.

Фредди записывает: «Генерал спрашивает: «Зачем вы меня пригласили?»»

Сенатор. Я, со своей стороны, высоко ценю

древнюю культуру Европы. Я вывез из Германии собрание картин, и дочери мои шьют платья только в Париже. В наши дни государственные границы — это пережиток. Мировая культура едина, мы все хотим оградить ее от общего врага. Подходит час испытаний, когда мы все должны внести свой вклад в общее дело, не считаясь с затратами и жертвами. Страны, богатые материальными ценностями, должны внести ценности, остальные — добрую волю и готовность к усилиям.

Фредди записывает: «Сенатор предлагает увеличить количество пехотных дивизий. Америка снабдит их оружием».

Генерал. Моему народу выпала тяжелая доля. Мы больше всех перенесли унижений в прошедшей войне и после войны должны были не покладая рук бороться за культуру в отсталых странах. Но, к сожалению, высокие идеалы цивилизации не всегда доступны простым умам детей природы. Они привыкли к грубой жизни в лесных трущобах и малярийных болотах. Они еще не доросли до понимания высшей гуманности.

Фредди записывает: «Генерал говорит: «Куда нам лезть в новую драку, когда мы не можем справиться с партизанами в колониях».

Сенатор. Наша страна с сочувствием воспринимает ваш вклад в дело реконструкции и прогресса. Мы, со своей стороны, всегда относились к вам с дружеским участием и склонны были поддерживать вас в разумных рамках.

Фредди записывает: «Сенатор говорит: «Мы вам давали оружие. Какой толк от этого?»

Генерал. Наши солдаты совершают чудеса храбрости во имя высшей культуры, но поверьте, слезы навертываются у них на глазах, когда они вспоминают о своих старушках матерях, изнывающих от жары на убогом винограднике.

Фредди записывает: «Генерал говорит: «Солдаты хотят домой. Они бросают оружие».

Сенатор. Мы готовы к тому, чтобы терпеливо

и мужественно продолжать дружную работу во имя всеобщего благоденствия. Я хотел бы, чтобы вы познакомились с нашими деловыми кругами. Наш хозяин, мистер Чилл — один из самых замечательных людей этой страны. Я уверен, что вы найдете с ним общий язык.

Чилл (*по обыкновению говорит тихим, спокойным, почти ласковым голосом*). Я деловой человек, господа. Позвольте мне как деловому человеку быть кратким. В моих лабораториях создано новое мощное сружие. Не вдаваясь в технические подробности, могу сказать, что это оружие способно быстро понизить температуру до ста девяноста градусов ниже нуля по Цельсию. Десятка бомб достаточно, чтобы превратить в груды льда целый город. Тропики или полюс — для бомбы безразлично. Банановые рощи будут засыпаны снегом, люди заморожены мгновенно и безболезненно. С неба начнет капать жидкий кислород.

Генерал. Это интересно...

Сенатор. Слушайте, слушайте!..

Чилл. Это величайшее изобретение современности. Ему предстоит выполнить благородную и гуманную задачу — установить вечный мир. Война против этого оружия немыслима, сопротивление невозможно. Кроме того, армия становится ненужной. Вместо полчищ вечно недовольных солдат организуются небольшие мобильные отряды моторизованных могильщиков. Когда температура поднимается, вы входите в пустой город, где в целости сохранилось каждое здание, каждый завод, каждая машина на заводе, каждое платье в шкафу, каждый ломтик сыра, каждый брусок масла. Каждую бутылку вина вы получите свежей, как из холодильника. Вашим солдатам придется только подсчитать добычу.

Генерал (*в восторге*). Каждый ломтик сыра, каждая бутылка вина!

Чилл. И все это без единого выстрела!

Генерал. Да, да! У наших партизан в тропических лесах уже выстроены заводы...

Чилл. Чрезвычайно приятно было бы получить все это в сохранности. Я надюсь, правительство не

будет препятствовать предприимчивым людям возглавить трофейную промышленность?

Сенатор. Наше правительство всегда поддерживало разумные требования. Мы существуем для того, чтобы оберегать интересы инициативных предпринимателей.

Чилл. Мне незачем говорить, сколько вы сэкономите на снарядах, автоматах, пулеметах, орудиях, заменяя их нашим гуманным и гигиеничным оружием. Мы установили умеренную цену, она не покажется вам чрезмерной. Оружие может быть вам продемонстрировано в течение ближайших трех дней, за особую плату, конечно.

Сенатор. Потребуется разрешение правительства на вывоз оружия.

Чилл. О нет, бомбы изготавливаются за пределами Штатов. Но, разумеется, мы не возражаем против необходимых расходов.

Сенатор. Да, да, конечно.

Генерал. Я должен запросить инструкцию от своего правительства. *(Пожимает Чиллу руку.)* Я спешу. Я потрясен. Это гениально! Это новая эпоха в военном деле!

Чилл. О да! Мы назовем ее эпохой холодной войны. К сожалению, этот термин уже испорчен болтливыми газетчиками.

Когда гости, сердечно простившись с хозяином, уходят, Чилл резким движением отодвигает ширмы:

Чилл. Протокол у вас?

Фредди. Я не записывал дословно. Может быть, имеет смысл переписать начисто...

Чилл. Перепишите, не выходя из комнаты, и отдайте мне черновик.

Фредди *(заискивая)*. Вы потрясли их до глубины души, мистер Чилл.

Чилл *(мечтательно)*. Я думаю, они купят у нас весь запас и тут же пустят в дело.

Фредди. Еще бы! Выиграть войну одной бомбежкой — это заманчиво. Вы очень хорошо сказали: «Война становится немыслимой». Мне жаль наших конкурентов. Бедные оружейники — они прогорят до-

тла. Заводы стали, пулеметов, снарядов придется закрыть все до единого. Вы не думаете, мистер Чилл, что наша победа приведет к кризису?

Чилл. Вы примитивно мыслите, дорогой. Войны всегда были, есть и будут. Человек — убийца по натуре. Но каждый хочет убивать и не быть убитым. Наши политики ненавидят красное, как быки, и все-таки боятся большой войны. Но наш электрический мороз подогреет их бодрость. Партизаны упрямы, они будут стрелять в ответ, может быть, собьют пару самолетов. А тогда мы поднимем шум и потребуем возмездия. Если завяжется дело, заказы польются к нам рекой... А если нет — тоже не беда. Инцидент послужит нам рекламой. Все государства наперебой начнут набивать арсеналы нашими бомбами. Я человек не кровожадный. Пусть себе бомбы лежат в арсеналах. А пока наш текущий счет заметно вырастет, не правда ли, а?

Фредди. И вы думаете, что бомбы никогда не пойдут в дело?

Чилл (*поднимая глаза к небу*). Надеюсь, что пойдут. Я неустанно молю бога, чтобы он в своей благодсти позволил нам заморозить Москву...

* * *

Что можно добавить к этой сцене? Сделка состоялась, и Фредди получил задание — доставить заказчику груз аппаратов «электромороз». Не его вина была, что это поручение не удалось выполнить и половина аппаратов оказалась на дне. Тогда Чилл распорядился возратить груз на Пальмовые острова. По договоренности с европейцами он решил поручить бомбардировку собственным летчикам.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Рассказ Фредди поразил меня, как землетрясение. Я был сбит с ног, ничего не понимал, я потерял почву под ногами.

Какой-нибудь час назад я был солидным, обеспеченным, уважающим себя, процветающим инженером, инициатором новой, нужной и полезной отрасли строительства. Жизнь моя была ясна и прямолинейна. Я просыпался, чтобы работать, и засыпал с мыслью о работе. Работа давала мне средства, работа давала удовлетворение, обещала славу, признание и благодарность.

И вот все рухнуло. Где моя работа? Оказывается, мои идеи — детские забавы, нечто вроде тех сооружений, которые дети лепят из песка. Чем я занимаюсь на самом деле? Создаю бомбу. Напрягая способности, я готовлю убийства, чтобы мистер Чилл перехватил заказы Моргана, Дюпона и Карнеги. Где радость труда? Где мое самоуважение? Где будущая слава и благодарность? Все исчезло. Остался рядовой конструктор оружия, жадный делец, убийца на жалованье.

На шлюпочной палубе я разыскал укромный уголок, где меня никто не мог найти. Мне нужно было обдумать, нужно было понять. Нужно было найти точку опоры в захлестнувшей меня волне.

Безбрежный океан шумел под моими ногами глухо и однообразно. Сверху вода казалась черной, как смола. На волны, раздавленные пароходом, набегала узорная пена, она белела, словно кружево, на черном бархате моря. На западе садилось солнце, постепенно наливаясь кровью. Проходя через низкие облака, шар искривлялся — превращался в огненную заклепку, заклепка в восьмерку, восьмерка в грушу. Я следил за всем этим, не понимая, и, морща лоб, старался поймать ускользающие мысли.

Что делать? Бросить все и уйти? Мне было нестерпимо жалко всего, с чем я должен был расстаться: моего кабинета, письменного стола с темно-зелеными скоросшивателями, гладкой чертежной доски из грушевого дерева, ароматной сигары, которую я закуривал, если дело не ладилось. Жалко было справочников, логарифмической линейки, жалко было тех куточков кальки, на которых я набрасывал схемки для своих помощников.

Жалко было еженедельного визита на почту. Так приятно было пересылать Милли сумму, вполне достаточную на расходы.

Но больше всего я жалел о разбитых идеях. Неужели все это никчемное: осушение Северного моря, искусственный дождь, ледяные плотины, мосты, аэродромы, чертежи, расчеты, профили и эскизы ледяной гидростанции на реке Святого Патрика?

Солнце село. На западе ярким малиновым пламенем горели облака, а с востока уже набегала тень. Небо темнело, и одна за другой зажигались звезды. Теряя нить своих мыслей, я обдумывал детали плотины, хватался за блокнот, чтобы записать вопрос «на будущее», и опять вспоминал, что вопросы уже не нужны. Остался только один: «Что же делать? Что делать?..»

Я устал от размышлений. Во мне нарастало раздражение против Фредди. Кто его тянул за язык? Почему он открыл тайну мне? На Пальмовых островах работает три тысячи человек. Все они соучастники преступления Чилла. Но они работают, ничего не подзревая, имеют возможность беспокоиться только о себе, только о своей семье. Больше того, даже если рассказать им о морозной бомбе, большинство из них скажет: пускай, нас это не касается. Почему же должен протестовать я? Я не герой, я — обыкновенный человек. Я боюсь безработицы, с дрожью вспоминаю о парковых скамейках. Мне нужно так немного: поработать еще года три. Через полтора года кончается мой контракт, мы заключим новый — на других условиях. Я получу проценты с прибыли, стану обеспеченным человеком. Тогда я смогу спорить с Чиллом, а сейчас — нет. Он хозяин — он отвечает за все. Не я создал этот мир. Так уж ведется — на всех не хватает счастья. Моей семье повезло — мы живем в стране, которая бросает бомбы. Партизанским семьям хуже — бомбы падают на них.

Но ведь так и начинаются большие войны!

Мы бросаем бомбы и думаем, что это сойдет с рук. Но ведь могут и ответные бомбы падать на наши го-

рода. Мы посылаем карательную экспедицию, чтобы хорошенько наказать непослушных азиатов. Но карателей встречают пулями. И вот двенадцатилетние сироты продают газеты, чтобы заработать на лекарство для матери. И в душном трюме возвращается на родину неудачливый убийца Джон Блоу без руки и без ноги. А может быть, его родители работали на оружейном заводе и рассуждали, как я: «Мы — люди маленькие. Не мы строили этот завод. У нас сын Джон. Его нужно вырастить». Вот и вырастили!

Шли часы и минуты. Когда били склянки, я вздрагивал: «Как? Еще полчаса?..» Но, оторвавшись на секунду, я снова спешил вернуться к своим мыслям: грустно-ласковым воспоминаниям о Милли и тревожным — о труде...

Милли! Что она будет делать, если со мной что-нибудь случится? Двое детей на руках — и никаких заработков. Историк прикладного искусства. В наши дни это не профессия. А Милли избалована — она привыкла к достатку, теплу и уюту.

Вероятно, она вернется к отцу, в дом, где живут обманом и маскировкой. И мы опять расстанемся. Ведь Милли не сумеет жить, продавая старые вещи. Научится ли она обходиться без ужина, чтобы накормить сына, браться за любую работу — стирать, шить и стоять у конвейера, чтобы у детей были башмаки, или лекарства, или учебники? И вправе ли я обрекать ее на лишения? Если бы я мог, я послал бы радиogramму: «Дай совет, Милли, что делать — не думать о тебе и спасать чужих людей, или не вмешиваться... пусть себе гибнут, а мы будем пока что в безопасности?» Интересно, что ответила бы Милли? А впрочем, я знаю. Милли уже решала этот вопрос, именно здесь, на борту «Уиллелы», может быть, на этом самом месте, где я сижу сейчас... Когда висящая шлюпка накренилась и пассажиры с дикими криками посыпались в воду, Милли заметила под бортом зеленую пелеринку и, не раздумывая, бросилась в воду вниз головой... Так решала Милли. Если дети гибнут, надо их спасать... Значит, надо спасать!..

Было около полуночи, когда я постучался в каюту

Чилла, даже не решив, о чем, собственно, я буду разговаривать. Кажется, я хотел спорить с ним, упрекать, возражать, сказать, что я не даю согласия превращать мое изобретение в орудие убийства. Кажется, я хотел проверить, правда ли то, что рассказал Фредди; боюсь, что в глубине души у меня теплилась трусливая надежда на то, что Чилл опровергнет все.

Чилл сидел в своей любимой позе, сложив руки на животе, и поглядывал на карниз. В свободное время он любил размышлять. Я никогда не видел его за книгой. Чилл считал, что ему некогда читать. «Романы, — говорил он, — отнимают слишком много времени». Если бы красоты Шекспира изложить на десяти страницах, он, Чилл, прочел бы с удовольствием...

— Садитесь, Джонсон, — вежливо сказал он, — рассказывайте, в чем дело. Хотите рома или виски с содой? Я позвоню буфетчику.

Меня неприятно поразило, что Чилл встретил меня такими же в точности словами, как я встретил Джо.

— Это правда, что вы хотите использовать «электромороз» как бомбу?..

Почему я так поставил вопрос? Неужели мне хотелось, чтобы Чилл ответил: «Нет, неправда»? Неужели я успокоился бы, выслушав его оправдания?

Но Чилл не снизошел до оправданий.

— На вашего Фредди нельзя положиться, — сказал он. — Фредди болтун. Я даже не знаю, имеет ли смысл посылать его... с важным поручением...

Итак, Чилл не собирался отпираться. Он только сетовал, что Фредди разболтал мне.

— Фредди здесь ни при чем! — солгал я. — Историю с разгрузкой «Уиллелы» знают оба континента. Что же касается Фредди, — конечно, на него нельзя положиться. И я бы не посылал его в Россию. Он совершенно не знает русского языка.

Чилл поднял на меня глаза — пустые, стеклянные, ничего не выражающие.

— Выучит!.. — жестко сказал он. — Есть захочет, выучит.

Меня поразила эта неумолимая логика. В самом деле, Фредди может отказаться от опасного поручения. Он даже не будет голодать — у него есть уже капиталец, сколоченный на службе у Чилла, потому что как рыба-лоцман, которая плавает вместе с акулой и подбирает ее объедки, так и Фредди вместе с деньгами Чилла ставил свои и подбирал сотни там, где Чилл глотал сотни тысяч. У Фредди хватит средств, чтобы открыть собственное дело: табачную лавочку, гараж или тайный игорный дом. Но Фредди не пойдет на это. Он согласится на унижения и даже на грязную работу шпиона, лишь бы не отрываться от больших денег. А что бы я сделал на его месте? Хватило бы у меня смелости сказать: «Прощайте, мистер Чилл, я уйду на бульварные скамейки».

Я набрал полную грудь воздуха.

— Мистер Чилл, я категорически возражаю против такого применения искусственного холода. В нашем договоре речь шла о ледяном строительстве, и только: о плотинах, мостах, о мирных сооружениях...

— И о различного рода новых применениях льда, не предусмотренных в перечне, — добавил мистер Чилл, не повышая голоса. — Дорогой мистер Джонсон, я очень высокого мнения о вас как об инженере, но вы совсем не знаете жизни. Я понял это с первой встречи, когда вы пришли ко мне в кабинет и стали болтать какую-то чепуху о новых домах для простых людей... И сейчас вы такой же: умница за письменным столом и простачок за дверьми кабинета. Я сам виноват в этом (в голосе Чилла послышалось отеческое назидание). Я посадил вас в уютную комнату, снабдил книгами, чертежной бумагой, мягким креслом, даже сигарами из Гаваны. Вы имели удовольствие изобретать. Я отгородил вас от жизни, я грудью прокладывал вам дорогу, я давал вам деньги, чтобы вы могли мыслить продуктивно (образ мистера Чилла в полосатой пижаме и бархатных туфлях, который своей тщедушной грудью прокладывает мне дорогу, вызвал у меня невольную улыбку). Я заботился, чтобы ваши мысли не остались химерами, и вы же меня упрекаете. Нехорошо!..

Я с величайшим удовольствием строил бы любезные вашему сердцу плотины, — продолжал Чилл, — но, к сожалению, сейчас это нерентабельно. Вы же сами знаете положение дел. Я нарочно свел вас с Литтлснейком в Вашингтоне. Против нас строительные, угольные, электрические, железнодорожные компании, Меллоны и Морганы. Я еще недостаточно силен, чтобы бороться один против всех...

Напрасно Чилл напомнил мне вашингтонский разговор. Я вспомнил все подробности: намеки, упущенные в свое время, связались в цепь неопровержимых доказательств. Я понял, что Чилл всегда обманывал меня. Он вообще не собирался строить плотины и с самого начала думал только о войне. Для войны он построил лабораторию на Пальмовых островах и там на антилопах испытывал жидкий водород. Потом он пытался украсть открытие профессора Чернова, думал, что это открытие легко превратить в оружие. И когда я разгадал тайну мнимоканадского льда, Чилл спросил первым делом: «Как применять его в морской войне?»

Я сказал: не знаю. Тогда Чилл предложил мне искать новый способ замораживания, хотя ледяную плотину можно было строить и по методу Чернова. Наконец, когда я приехал в Вашингтон, у Чилла уже имелось два варианта использования на практике моего изобретения. Меня познакомили только со вторым, заранее отвергнутым, а о первом — основном — умолчали... Чилл собирался изготавливать только бомбы, остальное его не интересовало. А я, к сожалению, не догадался, в чем дело.

Между тем Чилл продолжал меня уговаривать:

— Подумайте сами, Джонсон, — говорил он, — даже если мы, улучив момент, протащим ваш проект через конгресс и получим подряд, чего мы добьемся? В наше время государственные стройки влачат жалкое существование. Как только военные потребуют добавочных расходов на армию, нам тут же урежут кредиты. Ничего не поделаешь: в свое время мы сделали глупость — позволили русским разбить Гитлера и микадо, уничтожить мощь наших будущих союзни-

ков. Теперь приходится наверстывать — вооружать их заново и вооружаться самим. Сейчас не до плотин, мистер Джонсон, все идет на войну. Скажите мне спасибо, что я нашел выход. На бомбы всегда есть деньги. Какое вам дело до этих косоглазых, которых мы будем вымораживать? Мы деловые люди. На моих фабриках работает сто двадцать тысяч человек, все чистокровные американцы. Я кормлю их, их жен, их ребятишек. Ради них я обязан брать любой заказ. Или вы хотите, чтобы эти сто двадцать тысяч семей голодали из-за нашей мягкотелости?

Не надо быть наивным, Джонсон, — сказал мне Чилл в заключение. — Жизнь — борьба. Ради победы иногда приходится перегрызть горло. Наступают великие дни. Мы используем вашу мысль на практике, — это будет новая Хиросима. Я думаю, мы славно заработаем на этом деле! Ваша доля может дойти до трех миллионов лет через пять. Три миллиона — всегда деньги. Вы сможете прожить всю жизнь, ничего не делая, поехать на яхте вокруг света или купить усадьбу с речкой и построить для собственного удовольствия ледяную плотину, чтобы освещать свой дом или гараж. С тремя миллионными можно быть сумасбродом и даже филантропом. Ведь вам не снилась такая сумма, Аллэн, а?

Я молчал, и Чилл, решив, что он убедил меня, улыбнулся мягко и ласково. Но я молчал не потому, что согласился. Я понял одну простую вещь: споры полезны, когда нужно выяснить истину, но с вооруженным убийцей не спорят — его бьют чем попало. «Не надо быть наивным», — сказал Чилл. Он был тысячу раз прав. Только наивный простачок мог вообразить, что миллиардер, говяжий король, будет орудием хорошего дела. На самом деле орудием был я. Он распоряжался — я выполнял приказы. Сила была в его руках, он гнул куда хотел, а хотел он долларов, долларов и долларов. Вчера доллары платили за мясо — он заказывал машины для убийства быков. Сегодня доллары платят за разрушения — он заказывает машинки для убийства людей. Убеждать его бесполезно. Он признает только один довод: «За это пла-

тят». Заплатить больше? Но где взять столько денег? Бороться? Но Чилл магнат, а я пешка. Есть ли на свете люди, которые посмеют восстать против финансового короля?

— Да, есть, — ответил я себе. — Сегодня Джо говорил мне о них.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Джо удивился, когда я попросил познакомить меня с «подрывными элементами».

— А стоит ли? — спросил он, и в его голосе я услышал недоверие к преуспевающему инженеру. Когда я объяснил, что речь идет об оружии, оставшемся в трюме, Джо все еще пытался успокоить меня, говоря, что они сами предупредят рабочих в любом порту, куда бы ни пошла «Уиллела».

Но мне все-таки удалось уломать Джо. Он попросил меня подождать на нижней палубе и вскоре привел туда молодого худощавого кочегара, смуглого от угольной пыли, въевшейся в поры.

— Вилкинс, — представился «подрывной элемент».

Я спросил его, не коммунист ли он, и был разочарован, получив отрицательный ответ. Совершенно неожиданно для самого себя я понял, что в душе у меня произошел переворот. В кругу инженеров Чилла принято было говорить о коммунистах с некоторой опаской, но сейчас, когда я сам свернул с дозволенного пути, мне казалось, что только коммунист мог указать мне надежную дорогу.

— И зачем только вы, инженеры, выдумываете такие пакости? А еще ученые люди! — с упреком сказал Джо, когда я закончил рассказ о намерениях Чилла.

Я покраснел, как будто в самом деле был виноват. И мне было приятно, что кочегар Вилкинс нашел нужным прийти ко мне на помощь.

— Ерунду говоришь, Джо! — сказал он. — Вещи сами по себе не бывают злыми и добрыми. Ружье — штука хорошая, оно выдумано для охоты. И пароходы очень полезны, — тебе не надо это объяснять. А когда

нашему брату дают в руки ружье и сажают на парход, чтобы мы убивали корейских крестьян, — это очень скверно. Но изобретатели здесь ни при чем...

— Так вы считаете, что это дело неотложное? — продолжал он, обращаясь ко мне.

Я подтвердил. «Уиллела» должна была завтра к вечеру прийти в Пальмтаун. Послезавтра самолеты Чилла возьмут аппараты на борт, и в тот же день они будут сброшены в партизанских районах. Не думаю, чтобы Вилкинс мог сагитировать летчиков — этих отборных наемников доллара.

Между тем к нам присоединились еще трое: долговязый швед, малиновый от загара, худощавый итальянец и негр. Каждый из них крепко пожал мне руку, кроме негра. Негр не рискнул протянуть руку белому мистеру.

Когда я закончил рассказ, второй раз передавая им все с самого начала, сразу вспыхнул спор. Никто не сомневался — аппараты надо уничтожить, но как?

Итальянец предлагал проделать все в полной тайне. «Нас пятеро решительных, — твердил он, — у нас есть ножи. Зачем лишние разговоры? Мы окружаем каюту шефа, нож к горлу и пусть дает распоряжение капитану: «Все оружие за борт!»

Вилкинс с возмущением возражал:

— Мы матросы, а не бандиты! Мы открыто стоим за дело мира. И это все должны знать...

— Я так и предлагаю. Мы схватим шефа за горло и объясним ему. А что ты хочешь? Рыться в трюме? Разве мы найдем эти бомбы?

— В самом деле, мистер Джонсон, вы знаете, где лежат ваши бомбы?

К счастью, эта трудность быстро разрешилась. Конечно, матросы сами должны были знать, где что уложено. Когда я подробно описал, как выглядят аппараты, Джо радостно вскрикнул:

— Я знаю, где они! Они не в трюме, а в холодильнике, возле камбуза.

При этом известии все заговорщики оживились.

— Значит, это рядом с кубриком. Очень удобно, мы вытащим бомбы прямо на нижнюю палубу!

— Но ведь там охрана!

— А кто в охране? Толстый Дик? Мы уговорим его.

— Но имейте в виду, ребята, там штук сорок, и все они тяжелые. Здесь пятерых мало, мы провозимся всю ночь.

— Ну вот, я говорил, что надо поднимать народ. Пошли в кубрик!

В матросском кубрике было душно и тесно. Пахло мокрой обувью, потной одеждой, крепким табаком. В углу под тусклой лампочкой четверо матросов играли в карты. Остальные спали на койках. Они стонали во сне, скрежетали зубами и неожиданно всхрапывали, а пружинные койки скрипели под тяжестью сильных тел.

Джо и негр стали к дверям, остальные принялись расталкивать спящих. Зевая, потягиваясь, выворачивая лопатки, матросы начали подниматься. Я смотрел на эту сцену, почему-то мне казалось, что я уже видел такое. И вдруг вспомнил: «Да ведь это же ночлежка!»

Не знаю почему, но это воспоминание помогло мне порвать паутину недоверия. Я почувствовал себя на привычном месте. Я снова был безработным инженером, который приплелся на дно одолжить десять центов у товарищей по несчастью. И я сразу нашел тот дружеский тон, который не мог найти в разговоре с Джо и Вилкинсом.

— Вот какая вышла история, ребята...

...Меня слушали со вниманием и отлично понимали, даже когда я говорил о технических подробностях. Изредка меня прерывали репликами, задавали вопросы.

— Значит, вроде зажигательной бомбы навыворот, — заметил один. — Для чего же ты ее, парень, выдумал?

Я объяснил, и доводы мои не вызвали никакого сомнения.

— Все они такие: Чилл и компания за доллар задушат и отравят! Чужими руками, конечно, чтобы своих не пачкать, — откликнулись матросы.

Только под самый конец рассказа произошла заминка. Какой-то парень, сидевший с картами в руках, встал и, лениво потянувшись, направился к выходу.

Джо преградил ему дорогу.

— Куда?

— Тебе какое дело? Покурить! — огрызнулся парень.

Джо возвысил голос.

— У нас не вагон для некурящих. Сядь на место, Майк.

— Фискалить хочет! — крикнул кто-то.

Майк сел у входа и демонстративно закурил.

Когда я кончил свой рассказ, заговорили все сразу.

— Что выдумал: холодная война! Самого бы заморозить!

— Доллары, доллары!.. Подавились бы они долларами!.. А бомбы эти на дно!.. Пусть рыбы воюют!..

Вилкинс сразу подхватил инициативу:

— Мы понимаем, что означают эти бомбы. Сегодня их испытывают в колониях, завтра они летят на наши головы. Надо уничтожить их! Выбросить за борт! Мы знаем, где они хранятся. А семейные — пусть посидят в кубрике.

— Почему семейным сидеть? Разве семейные за войну?

— У меня искалечили сына в Корее. Парню двадцать один год — потерял руки.

— У меня у самого пуля под ребром. Еще с той войны.

— Довольно калечить людей... к черту бомбы!!!

Вилкинс оказался превосходным командиром. Расторопные матросы мгновенно заняли все входы в коридор за кухней, и когда я подоспел к месту действия, Джо, ругаясь шепотом, уже ворочал в скважине подобранным ключом. Охранник — толстый Дик — связанный, лежал на полу, а итальянец, сидя на нем верхом, что-то шептал ему на ухо.

— Да я не против, — стонал Дик, — но меня же выгонят!.. Ребята, прошу вас, пырните меня потихоньку. Пусть видят, что я оказал сопротивление...

Матросы смеялись.

— Тебя не проткнешь, Дик, одно сало!

— Ну хоть кляп, ребята! Заткните мне рот кляпом. Ведь я же могу звать на помощь!..

А между тем Джо, волнуясь, гремел ключами.

— Джо, скорей! Мы теряем время...

— Верно, тащите лом, ребята...

Но в этот момент дверь, обитая цинком, открылась. Да, это были они! Я узнал острые крылышки стабилизаторов, черные кольца пластмассовой изоляции, стекла и кнопки автоматических приборов — мой труд, два с половиной года труда!

— Проворнее, ребята, проворнее!

И вот расторопные матросы, подхватив пятидесятикилограммовые аппараты, гуськом бегут по коридору.

— Послушайте, мистер, — Вилкинс упорно величает меня мистером. — Как их? Прямо за борт?

— Нет, нет, подождите. Сейчас я налажу метание.

Я пытаюсь сообразить, где предохранитель. При заводском изготовлении без меня внесли кое-какие переделки. Принцип тот же, но я не знаю, какие рычажки для чего.

Надо бы крикнуть, чтобы меня подождали, но кричать нельзя. Задыхаясь, бегу по коридору. Навстречу, выпучив глаза, топчет седоусый старик.

— Где Вилкинс? Майк удрал через окно! Мы гнались за ним до каюты босса...

— Ах, вот как! Чилл уже предупрежден... Скорее, ребята!

— Что здесь происходит? Стой! Кто разрешил?

Я не сразу узнаю голос Чилла. Я никогда не слышал, чтобы он кричал так яростно и визгливо. Обычно за него надрывался Фредди.

— Кто? — отвечаю я, задирая голову. — Я разрешил! Это мои аппараты, мои собственные...

— Стреляйте в него! — кричит Чилл своим телохранителям. — Стреляйте в Джонсона!

Что-то щелкает у меня над ухом. Звук похож на свист пастушеского кнута. Я знаю — это пуля. Ин-

стинктивно бросаюсь назад в коридор, где толпятся матросы с аппаратами в руках.

«Неужели все потеряно?» — мелькает в голове. В следующую секунду, выхватив ближайший «электромороз», я выскакиваю на открытое пространство.

— Эй, вы! — кричу я, прижимая аппарат к груди. — У меня в руках бомба (мне некогда объяснить, в чем сходство и разница). Стреляйте, попробуйте! Я уничтожу пароход и вас вместе с ним!

Минутное замешательство. Телохранители топчутся на месте. И вдруг оба они и Чилл вместе с ними, сбитые с ног, катятся с верхней палубы к нам на нижнюю. Наверху появляется Джо с пожарным шлангом в руках. Это он сильной струей воды сбил с ног Чилла и его молодцов. Очень смешно выглядит денежный король, когда он, мокрый, с головы до ног, отплевываясь, катается по палубе. Но нам некогда смеяться. Скорее, ребята!

Должно быть, некоторые аппараты все-таки взрываются неподалеку. Над нами проходит волна ледяного воздуха, палубу затягивает туманом. Это хорошо для нас — в тумане нельзя целиться. Я стою у входа, все еще потрясая аппаратом. Что там еще? Почему замешкались?..

— Это последняя! — отвечает негр, сверкнув зубами...

У меня горит плечо. Я, кажется, ранен. Впрочем, пустяки. В тумане бреду по качающейся палубе, прижимая к себе стальное тело аппарата.

— Стой! — кричит кто-то. Натыкаюсь на перила и с трудом переваливаю через них последний «электромороз». Почти сразу же из тумана передо мной встает покатый склон ледяной горы. Пароход ложится на бок. Мутный поток соленой воды плещет мне в лицо...

Кто-то тянет меня за руку.

— Идемте, мистер, идемте! Ребята спустили шлюпку. Идемте, я вас провожу!..

Мне трудно соображать от волнения и боли. «Это Вилкинс. Он парень надежный», — думаю я и покорно позволяю оторвать свои руки от перил...

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Море бушевало всю ночь. Огромные валы один за другим выплывали из темноты. Они вставали перед нами крутой стеной, и нависшие гребни заглядывали в шлюпку, как будто хотели пересчитать нас — свою будущую добычу.

Нас было шестеро в шлюпке — кочегар Вилкинс, Джо, швед, итальянец, негр и я. Матросы гребли, чередуясь, а я сидел на корме и, качаясь как маятник, вычерпывал воду из лодки, черпал и выливал за борт, черпал и выливал.

Моя рана болела все сильнее, должно быть потому, что ее разъедала соленая вода. Я промок насквозь, дрожал мелкой дрожью и громко стучал зубами. А в голове у меня, не переставая, копошилась одна и та же мысль: «Что же дальше? Что же делать теперь?»

Утром мы высадились на замороженный остров. Он весь утопал в сугробах. Гибкие стволы пальм обледенели. Иней сверкал на гигантских перистых листьях. Побелевшие кроны четко выделялись на темно-голубом небе.

Мы метали аппараты «электромороз» наобум в темноту, но, очевидно, большая часть их угодила в лагуну этого островка. Охладитель все еще действовал, мороз держался около 20 градусов. Для людей это было не страшно, только непривычно после плавания в тропиках. Пожалуй, мы с Чиллом преувеличивали силу аппаратов. Очевидно, «электромороз» мог напугать жителей юга, но для закаленных северян был безвреден и не страшен. Впрочем, я был рад. Ведь я изобретал не бомбу, а строительную машину. Пускай Чилл попробует переделать ее без меня. А что же делать мне? Я сидел у костра и думал только об этом. Искры летели мне в лицо, и угли жгли ноги через ботинки. Негр складывал возле меня сучья, покрытые инеем. Вот во что превратилась моя мечта — в ненужный иней, который растает через несколько часов.

Потом на горизонте появился пароход. Матросы

шутили, радуясь избавлению, а я сидел у костра и настойчиво думал: «Почему так вышло? И что мне делать теперь, когда вся работа сведена к нулю, изобретение выброшено, все кончено».

— Ничего, мистер Джонсон, — сказал мне Вилкинс. — Это только первая стычка в большой войне. Главное сражение — впереди. Мы выбросили одну партию бомб, только и всего. Но разве заводы Чилла остановились? Вторая партия, вероятно, уже лежит на складах, и в следующий раз Чилл будет осторожнее. Вшестером мы ничего не сделаем, если весь народ не поможет нам. Нужно сказать людям правду, мистер, громко сказать, чтобы вся Америка услышала. Чиллу придется уступить, когда народ скажет свое слово.

И я подумал, что Вилкинс прав. Замороженный остров — еще не все. Предстоит борьба за мирный труд, за плотины, борьба против бомб, против Чилла, против всех, кто хочет уничтожить, а не строить.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Что было дальше?

Я начал писать книгу сразу, еще на пароходе написал первые страницы про серый костюм. И позже, когда нас высадили в Канаде, я продолжал писать страницу за страницей, главу за главой.

С нашим пароходом в Канаду пришла сенсация. Нас встретили аршинные заголовки и непохожие фотоснимки. Неожиданный снегопад на тропическом острове обсуждался на все лады. «КОРАЛЛЫ ВО ЛЬДАХ», «ИНЕЙ НА ПАЛЬМАХ», «НЕОБЫЧАЙНЫЕ МОРОЗЫ НА ЭКВАТОРЕ», — кричали газеты. «НЕ ЗАМЕРЗАЕТ ЛИ МИР?» — спрашивала одна газета. Другая мрачно вещала: «НОВОЕ ОЛЕДЕНЕНИЕ НЕИЗБЕЖНО», «ЦИВИЛИЗАЦИЯ ПОГИБНЕТ ВО ЛЬДАХ».

Но на следующий день все прекратилось. Иней на пальмах был забыт, исчез, растаял, словно не существовал. И я понял, что длинная рука мистера

Чилла добралась до канадских газет. Чилл готовил вторую партию бомб. Шумиха была для него невыгодна.

Я понял также, что мне нужно торопиться с книгой, если я хочу предупредить новые преступления Чилла. Я писал дни и ночи, по 16 часов в сутки воевал с неподатливыми словами, расставлял фразы, формировал главы, как формируют полки перед боем. Я торопился начать битву с Чиллом. Да, по правде сказать, и житейские обстоятельства подгоняли меня. Я не успел разбогатеть на службе у Чилла. Наличных денег мне хватило бы только на три месяца самой скромной жизни. Мне нужно было кончить книгу как можно скорее и снова искать работу. Я позволял себе только одно развлечение: после обеда в дешевом ресторанчике проглядывал американские газеты. Я искал в них намеки на новые замыслы Чилла. Но о намерениях Чилла газеты хранили гробовое молчание. Зато я был вознагражден иными сведениями — короткими заметками о противниках Чилла.

Эти заметки надо было читать навыворот. Рабочие именовались в них «бунтовщиками», забастовщики — «саботажниками», демонстранты — «дикими толпами». И все-таки можно было понять, что матросы с «Уиллелы» не стали молчать. Им не удалось закрыть рот, как канадским газетчиком. В Сан-Франциско прошла демонстрация под лозунгом «Нам не нужны новые бомбы». В Ситтле докеры отказались грузить «Уиллелу». Заводы Чилла начали забастовку протеста. В левой печати появилась статья: «Чем занимается концессия на Пальмовых островах?»

Статью подписал какой-то Вилкинс, возможно, кочегар с «Уиллелы». Из всей нашей группы только он и Джо поехали в Штаты. Они не захотели искать счастья на чужбине.

— В трудные дни нужно держаться ближе к дому, — сказал Вилкинс.

Я дал Джо письмо для Милли, просил передать, по возможности, лично. Мне очень не хотелось, чтобы Чилл раньше времени узнал, где я нахожусь.

Я написал Милли, что ей опять придется ждать

долгие годы, прежде чем мы увидимся, что я не знаю, чем я буду жить, где и когда найду работу, что я обрекаю ее на трудную жизнь, но грозная опасность войны — слишком большая цена за маленькое семейное счастье инженера Джонсона.

Письмо ушло, и я очень долго не получал ответа. Очень долго. И я уже начал отчаиваться. Мне приходили на память многочисленные рассказы безработных о молодых женах, которые оставили своих обедневших, разорившихся или попавших под суд мужей.

«Милли не такая», — говорил я себе. Но, с другой стороны, жизнь еще не испытала ее. Милли всегда жила в довольстве, не знала лишений. Имею ли я право звать ее за собой в изгнание, обрекать на нищету?

Но вот однажды (кажется, я писал в этот день девятую главу про катастрофу на «Уиллеле», а может быть, десятую — о приезде Милли) в мою дверь постучала хозяйка и крикнула: «К вам гости». Я открыл дверь и увидел две пары розовых щек и две пары широко раскрытых серых глаз — Милли и бэби... Я оторопел... не знал, что сказать. Так и стоял молча с открытым ртом.

— Кажется, папа не рад нам, — улыбнулась Милли. — А мы так спешили к нему. Пойди вниз, Аллэн, там Лу сидит на чемодане.

А через несколько минут, освоившись, Милли уже распределяла вещи по углам, оживленно рассказывая:

— У нас был твой приятель Фредди, говорил всякие ужасы про тебя, что ты связался с бандитами, что-то украл и сбежал. Но я не поверила ни на грош. А потом приехал этот милый Джо, привез твое письмо и все объяснил. Папа ужасно возмущался. Он даже хотел тебе послать анкету с советами. Говорил, что у тебя маниакальное отвращение к оружию на почве ранения. Как он выразился, «в тебе пробудилось инстинктивное стремление беззащитного травоядного к вечному миру и вегетарианству». Я давно подозревала, что папа пишет вредные глупости, но думала: может быть, я не способна понять его, а тут

я очень хорошо разобралась. Травоядные инстинкты и бифштексы здесь ни при чем. Одно дело — убивать быков, а другое — людей. Я думаю, все женщины и все дети не любят бомб. И я и маленький Аллэн — тоже. Вот мы и приехали к нашему папе сказать ему, что он прав.

Начиная с этого дня мы работали вместе. Милли писала под диктовку и часто, даже не спрашивая меня, кое-что переделывала по-своему. А если я пытался протестовать, Милли возражала с возмущением: «Ты не спорь, Аллэн, я делаю лучше. Я ничего не понимаю в технике, но здесь литература. Это по моей специальности. Твоя книга должна быть очень убедительной, чтобы люди поняли, задумались, взволновались. А у тебя эта фраза не вышла — она скучная, казенная. Не так надо писать. Другими словами, гневными. Ты же обвиняешь убийцу, ты прокурор, а читатели присяжные. Они прочтут твою книгу и вынесут приговор мистеру Чиллу».

Литература для меня чужое дело. Я предпочитаю работать, а не описывать работу. Подбирать выражения, связывать их, украшать сравнениями, — не могу сказать, чтобы меня увлекало это вышивание словами. Для меня интерес был в другом. Последние годы я был слишком занят, чтобы всерьез задуматься над жизнью. Теперь я просматривал свои дела и подводил итоги.

Думаю, каждому человеку полезно остановиться в середине жизни и спросить себя — не обязательно записывая: «Что я успел? То ли я делаю? И что могу еще успеть?»

Вот мое прошлое. Я смотрю на него вторично, уже иными глазами. Была у меня мечта о ледяных стройках, о новых фермах, отвоеванных у морского дна. Я поделился этой мечтой с Чиллом. Был он моим другом? Нет, я возмущался им и презирал его. Но в руках у Чилла были сила, деньги, и я надеялся, что эта сила будет служить хорошему делу. Фредди разоблачил мираж. Сила шла своей дорогой. Не она служила мне, а я служил ей. Я возмутился, отказался работать на войну, я захотел остановить поджигателя.

Правда, один я бы не сделал ничего, но мне не пришлось искать долго союзников. Прогивники войны есть везде. Они нашлись и на «Уиллеле». Я выбросил за борт свой труд и сам оказался за бортом. Труд был уничтожен, мечта зачеркнута, место в жизни потеряно. Где же мое место теперь? Я не видел выхода, терялся, отчаивался. Простой кочегар Вилкинс сказал мне: «Вы должны написать правду. Это ваш долг».

И вот я пишу книгу. Но место еще не найдено. Книга — мой долг. Но это только отсрочка решения. Передо мной тот же вопрос: «А что же дальше?» Нужно бороться за ледяную плотину. Но где, с кем, как?

Перед отъездом Вилкинс познакомил меня со своими канадскими друзьями, и эти люди помогли выпустить мою книгу в прогрессивном издательстве. Книга вышла очень маленьким тиражом и на плохой бумаге, потому что издательство было небогатым и вдобавок правительство разоряло его штрафами. Но все-таки она вышла в свет, и я с волнением ожидал откликов, хотя бы маленькой заметки.

И отклики вскоре появились.

Знаменитый французский писатель Эмиль Золя давал начинающим авторам два совета: во-первых, невзирая ни на что, ежедневно с утра работать несколько часов, во-вторых, перед завтраком натошак глотать живую жабу, чтобы привыкнуть к мерзкой клевете бульварных газет.

Я не принял этой предосторожности и в первые дни был оглушен потоком клеветы: реакционные газеты обрушили на меня все ругательные слова, какие существуют в английском языке. Были напечатаны «подлинные» документы, доказывающие, что я соблазнитель, карманный жулик, международный шпион и скупщик краденого. Я узнал, что я всю жизнь провел в тюрьме Синг-Синг за отравление своей матери и сочинил книгу, сидя в камере. Кроме того, я узнал, что я родом японец и получил 10 тысяч долларов за то, чтобы оклеветать Чилла. К этому был приложен снимок расписки на японском языке. Проверить ее я не смог, потому что не знаю ни одного японского

иероглифа. Потом появилась фотография, где я был снят в обнимку с двумя неграми на фоне Кремлевской стены. и еще одна, где мне вручали пачку денег какие-то люди в чужой военной форме. В заключение сообщалось, что я убил свою жену, дочь уважаемого психиатра Мистейка, и в настоящее время арестован.

Здесь приводилось мое изображение в тюремном халате анфас и в профиль с соответствующим номером, а также отпечатки пальцев. Фотография была моя, и как ее сделали, я не знаю, но отпечатки не мои. Я слышал их целых два часа и ручаюсь, что они не похожи.

И я понял, что книга моя очень неприятна Чиллу, что она мешает ему творить черные дела, что она помогла твердым и честным людям, о которых я читал между строк в газетных полосах, переполненных ложью и грязью.

«Изгнать красных смутьянов с заводов Чилла!» — надрывались газетчики («Вот как, — думал я, — значит, рабочие Чилла не очень довольны хозяином»). «Кто смеет запретить Чиллу укреплять нашу мощь?» — кричала другая газета («Значит, кто-то выступает за запрещение морозной бомбы!» — догадываясь я). «Ни один честный американец не подпишет грязную листовку античилловцев!» («Стало быть, есть такая листовка и идет сбор подписей!») «Античилловские бумажонки не проникнут в Кентукки!» («А в другие штаты они уже проникли?») Если верить газетам, вся Америка была готова вступить за честь бескорыстного предпринимателя Чилла... И вдруг в конгрессе выступил некий сенатор с запросом о морозных бомбах. Он спросил: почему американцам дозволено производить важное оружие за пределами страны и продавать его за границу без разрешения правительства. Это был тот самый сенатор, похожий на доброго дядюшку, который свел Чилла с иностранным генералом. И если этот хитрец и демагог выступил с таким запросом, видимо, не стоило верить газетам. Америка действительно возмущалась, но не противниками Чилла.

Через несколько дней после этого сообщения

в моей тесной комнатухе появился гость. Он приехал, когда меня не было дома, а вернувшись, я застал маленького Аллена у него на коленях. Малышка смело исследовал незнакомое лицо, тыча ручонками в ноздреватый нос и рыжие брови.

— А Джо говорит, что маленький — весь в меня и на тебя не похож ни капельки, — с торжеством объявила Милли.

— Конечно, не похож, — подтвердил Джо. — Я разговариваю с ним целый час и не слышал ни одного слова о плотинах.

Мы сели рядом у стола, закурили. Джо сказал:

— Вилкинс прислал тебе письмо. Впрочем, я могу на словах передать то же самое. Пора тебе вернуться в Штаты, Аллен, показаться перед людьми. Книга написана, издана, прочитана. Ее надо подкрепить живым словом.

Глаза у Милли округлились. Она с жаром начала возражать:

— Джо, по-моему, Аллену опасно сейчас возвращаться. Могут быть всякие провокации. Мы каждый день получаем десяток анонимных писем. Аллена грозят застрелить, взорвать, разрезать на мелкие кусочки и изжарить. Я просто боюсь, Джо. По-моему, Аллен так много сделал, вы должны его беречь.

— Что его беречь? Аллен — взрослый человек. Он сам должен беречь вот таких, — Джо показал на маленького Аллена. — Конечно, все может быть. У нас страна «неограниченной свободы», у нас любая шайка свободно может повесить на заборе первого попавшегося негра. Но мистер Джонсон — не цветной, не думаю, чтобы его посмели тронуть. Неприятности, конечно, будут. Но что же делать? Правда никому не достается даром. Разве Аллен боится синяков?

Я заколебался.

— Не знаю, что ответить, Джо. В Штатах меня встретят не букетами. Боюсь, что мне пришьют какое-нибудь обвинение в антиамериканской деятельности, и я надолго выйду из строя. А у меня незаконченное дело — ледяная плотина. Думаю, что здесь, в Канаде, где так много морозов и льдов, я сумею в конце кон-

цов построить небольшую плотину, без морозных бомб, хотя бы с помощью зимнего холода. Хочу, чтобы на земном шаре была хотя бы одна ледяная плотина, чтобы в учебниках писали «был такой опыт», чтобы идея не затерялась...

Джо порылся в кармане и вытащил помятую газету.

— Кстати, о плотине. Вилкинс велел тебе передать...

Я расправил газету. Это был прогрессивный еженедельник, выходящий небольшим тиражом. В канадских библиотеках он не попадался мне ни разу. И я прочел заметку, обведенную синими чернилами.

НОВАЯ ПЛОТИНА В РОССИИ

«Этой весной закончено сооружение новой плотины в Сибири на реке Северной. Плотина длиной около 6 километров построена из чистого льда в течение одной зимы за счет сибирских морозов. К весне оставался узкий проход шириной около 200 метров. Этот проход был заморожен за несколько минут с помощью новых аппаратов системы инженера Косачева. Руководитель строительства профессор Чернов считает, что ледяные плотины будут полезны при строительстве многих гидростанций и оросительных систем».

Вот и все, что было там сказано: построена плотина, строил ее Чернов. Я отложил газету со смешанным чувством удовлетворения и ревнивой обиды. Много лет назад я испытал подобное чувство, когда узнал, что девушка, которую я любил в ранней юности, вышла замуж. Итак, моя любимая идея осуществлена — это радостно слышать. Но воплотилась она все-таки в далекой России — не на реке Святого Патрика. Русские сделали то, о чем я мечтал, о чем я мог только мечтать, потому что строить мне не дали. Не дали работать, связали руки, отобрали проект,

изуродовали его, исказили, мирную идею превратили в оружие и упрятали в арсенал.

По нашим законам нельзя изувечить человека. За это судят и тяжело наказывают. Но много ли лучше изувечить идею, отнять у человека его труд, свести к нулю несколько лет жизни? В сущности, Чилл ограбил нашу страну. У русских есть плотина, а у нас — нет. А те аппараты, которыми они замораживали реку, вероятно, не хуже моего «электромороза». И гоже могли бы, если понадобилось бы, засыпать снегом коралловый остров.

— Пожалуй, все-таки надо ехать, — сказал я Милли, передавая ей заметку. — Видимо, в чужих странах обойдутся без меня. Будем воевать за американские плотины.

Милли тяжело вздохнула.

— Трудно быть честной женой честного человека, — сказала она. — Когда мы уезжаем — сегодня вечером или завтра?

В этот день для меня закончился период размышлений. Я понял окончательно: чтобы строить, чтобы мирно трудиться, прежде всего нужно обеспечить мир. Мой путь — со сторонниками мира.

* * *

На этом заканчивается рукопись Аллена Джонсона.

Э П И Л О Г

Администрация заводов Чилла категорически запретила устраивать собрание рабочих на заводской территории. Лучший зал города оказался занят именно в это воскресенье. Заняты были и другие помещения. Рабочие обратились к владельцу прогорающего, почти пустующего театра. Неудачливый предприниматель на радостях запросил тройную цену, но поздно ночью, накануне митинга, он позвонил по телефону и сообщил, что помещение занято. Дело в том, что у себя на столе он нашел анонимное письмо. Ему грозили сжечь театр, если там состоится митинг.

Решено было устроить митинг под открытым небом в загородном парке. Демократические власти города не препятствовали прогрессивной организации. Только неожиданно накануне митинга была закрыта на ремонт трамвайная линия, ведущая к парку, да заперты были ворота и на них висел неизвестно кем написанный плакат, извещающий об отмене митинга.

Вторые ворота — боковые — охранялись усиленным нарядом полиции «во избежание беспорядка». Кроме того, здесь дежурили штатские молодцы с фотоаппаратами. Они снимали каждого, кто хотел проникнуть в парк.

Но все это напугало лишь десяток-другой неустойчивых. Когда на дороге из города показались колонны рабочих, где шли не десятки, а тысячи, полисмены молча отошли от ворот, а сыщики благоразумно спрятали фотоаппараты, и один из них сказал другому:

— Пойдем-ка отсюда. Пожалуй, разумнее фотографировать оставшихся дома. Так мы быстрее управимся...

Погода выпала неудачная. С утра моросил дождь, пропитывая влагой опавшую листву. Мокрые деревья понуро горбились под серо-коричневым небом. Ветер кружил золотые и багровые листья. Падая, они прилипали к зонтикам и плащам. В парке было сыро, холодно, но толпы народа терпеливо стояли на мокром лугу, ожидая, когда начнется митинг.

Наконец на крышу автомобиля, заменявшего трибуну, взобрался высокий плечистый человек с непокрытой головой. Это и был Аллэн Джонсон — автор книги о морозных бомбах Чилла.

Едва только он появился, со всех сторон раздались крики:

— Долой с трибуны!

— Заткните рот Джонсону! Он продан красным!

— У нас на юге таких линчуют!

— Вымазать дегтем и вывалить в перьях!

Кто их знает, откуда они взялись, эти молодцы в рабочих комбинезонах, но с холеными руками карточных игроков? Во всех концах луга они вертели трещотки, кричали, свистели, мяукали...

Неподалеку от автомобиля двое дюжих парней посадили третьего к себе на плечи. Очутившись наверху, он выхватил рупор.

— Слушайте все! Меня зовут Гарри Джонсон. К стыду своему, я должен признаться, что этот Джонсон на трибуне — мой двоюродный брат. Я должен предупредить вас — не верьте ему. Он никогда не ра-

ботал у Чилла, и вообще он не инженер. Его выгнали из колледжа за кражу пальто. А потом он удрал в Россию и прожил там десять лет. Посмей сказать, что я лгу, Аллэн! Посмей сказать, что ты не знаешь меня!

Наступила тишина, и тогда человек на трибуне негромко сказал:

— Отчего же, я узнал тебя, Гарри. Я вижу, ты все еще работаешь у О'Хара...

Имя О'Хара было слишком хорошо известно рабочим Чилла.

— Ах, вот как! — заговорили в толпе. — Это молодцы О'Хара. Это те, что стреляли в нас во время забастовки. Гоните их в шею!

— Полицию! — пискнул Гарри, проваливаясь в толпу. Во всех концах луга вспыхнули короткие схватки. Помятые хулиганы бежали под защиту полименов.

И тогда Аллэн начал свою речь, точнее не речь, а просто рассказ много думавшего человека, накопившего немало горечи и ненависти и нерастраченной любви к оставленному делу. Он рассказывал обо всем, что было написано в его книге, вплоть до событий на «Уиллеле», и о том, как, покинув пароход на шлюпке, матросы гребли всю ночь, о том, как они высадились на покрытый снегом коралловый остров. Джонсон рассказывал также, с каким трудом он вернулся в Штаты, как он сумел найти людей, указавших ему путь борьбы, как начал бороться за то, чтобы морозные бомбы никогда не взорвались в городах.

— Я описывал свою жизнь, — говорил Аллэн, — и снова продумывал всю ее от начала до конца. Но мне бы хотелось, чтобы со мной подумали все простые люди. Почему способный студент, который учился строить удобные и уютные дома, прямо со студенческой скамьи отправился разрушать чужие дома? Вы скажете — Джонсон пошел воевать с фашистами. Это верно. Нужно было уничтожить этих преступников, душителей свободы, проповедников звериного расизма, затеявших кровавую бойню для завоевания мирового господства. Но почему, вернувшись в Америку

после победы, Джонсон встретил у себя дома проповедников расизма и душителей свободы? Почему Джонсон опять слышит призывы к новой кровавой войне и разговоры о завоевании мирового господства? Почему фашисты оказались в Америке — вот о чем я хочу спросить.

Меня интересует также: почему, когда Джонсон кончил убивать, оказалось, что ему нечего делать? И Джонсон никому не был нужен, пока Чилл не начал разыскивать людей. Для чего? Только для того, чтобы придумывать новые способы убийства? Оказывается, по мнению Чилла, убийство — единственный выгодный бизнес. «Чтобы сытно поесть, — утверждает Чилл, — надо убить китайца или негра и отнять хлеб у его детей». Чилл считает, что ледяные бомбы нужны позарез, а ледяные плотины — никчемны и убыточны. Но вот в руках у меня записка. Она озаглавлена: «Новая плотина в России». Почему же в России можно строить плотины, а у нас нельзя? Почему в России плотины нужны, полезны, рентабельны, дают доход и заработок, а у нас выгодны только бомбы? Почему рядовой инженер Джонсон смог зарабатывать только на убийстве? А когда Джонсон кричит: «Не хочу убивать!» — подосланные молодцы требуют, чтобы Джонсона линчевали. Дело ваше, но я думаю, не все в порядке в нашей стране. Я не оратор, — продолжал Аллэн, — и не писатель — я инженер. Мое оружие не перо, а жесткий чертежный карандаш. Но я взялся за перо, чтобы разоблачить замыслы Чилла и ему подобных. Мы на «Уиллеле» выбросили за борт первую партию морозных бомб. Но у Чилла остались заводы, и на этих заводах он может изготовить новые партии. Мы убедились, что первые бомбы не оправдали себя как оружие. Но у Чилла остались еще доллары, он может купить других изобретателей, других инженеров, других матросов, другой корабль. Нужно, чтобы все вы — рабочие Чилла, все инженеры, все матросы, все грузчики — твердо сказали: «Нет! Мы не позволим вам бросать бомбы, мы не позволим втягивать нас в войну, мы — за мир».

Может быть, Чилл уже изготовил вторую партию морозных бомб, — вы знаете это лучше, чем я. Но, так или иначе, Чилл не решается сбрасывать эти бомбы. Недавно я узнал, что один сенатор выступил с запросом — почему вывозят за границу морозные бомбы без разрешения конгресса? Все мы знаем этого сенатора — он хитрец и демагог. Но если демагоги выступают против бомбы Чилла — это значит, что избиратели заставили их выступать так, это значит, что избиратели заговорили так громко, что их голоса услышали даже в сенате. Так нельзя же молчать, дорогие друзья! Нужно требовать, нужно настаивать, нужно заставляя! Мир не приходит сам собой. Так же, как счастье, любовь и славу, мир нужно добыть, завоевать и отстоять!

Я твердо знаю: наступит такой день, когда мы скажем: «Мир победил!» От вас зависит, чтобы этот день наступил скорее. И тогда я снова вернусь к своей книге, чтобы написать продолжение. Я напишу его не чернилами, а чертежным карандашом на твердой ватманской бумаге, в трех проекциях, с указанием размеров. Я приложу вместо иллюстраций формулы и расчеты, подробные, продуманные сметы. А если вы захотите ознакомиться с моим замыслом, с моей ледяной плотиной, вам придется идти не в библиотеку, а на просторный берег могучей реки...

Аллэн замолк и задумчиво поглядел поверх деревьев, как будто там, в мутном небе, уже были нарисованы контуры ледяных сооружений. Рабочие молча ожидали, многие из них, вероятно, думали о своих собственных неосуществленных замыслах. Но уже через минуту в центре поля возникла песня. Рабочие подхватили знакомый мотив, многие подняли кулаки над головой. Постепенно песня разлилась по толпе, проникла в самые отдаленные уголки, и над старым парком загремели слова, полные решимости к борьбе и твердой уверенности в конечной победе:

Наши силы растут.
Мир победит войну!

ОБ АВТОРЕ

Георгий Иосифович Гуревич родился в 1917 году в Москве. Учился в десятилетке, потом в институте. С 1939 года служил в Советской Армии — был кавалеристом, минометчиком, электриком, сапером.

После демобилизации из армии Г. И. Гуревич заканчивает институт, работает инженером-строителем. Одновременно занимается литературой: сначала пишет очерки и рассказы на спортивные темы, потом увлекается научной фантастикой. Первое научно-фантастическое произведение Г. И. Гуревича было опубликовано в 1946 году в журнале «Знание — сила».

Г. И. Гуревичем написаны научно-фантастические произведения, посвященные самым различным проблемам науки и техники. Среди них повести «Иней на пальмах» — о перспективах использования холода, «Подземная непогода» — об укрощении вулканов, «Купол на Кельме» — о геологической экспедиции, роман «Рождение шестого океана» — о передаче энергии без проводов и другие.

В настоящий сборник включена повесть «Иней на пальмах», впервые опубликованная в журнале «Знание — сила» в 1951 году, а также рассказы «Прохождение Немезиды» и «Инфра Дракона», посвященные вопросам покорения мирового пространства.

СОДЕРЖАНИЕ

Прохождение Немезиды	3
Инфра Дракона	54
Иней на пальмах	72

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте ваши отзывы о содержании книги, а также пожелания автору и издательству.

Укажите ваш адрес и возраст.

Пишите по адресу: Москва, А-55, Сушевская ул., дом 21, издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», массовый отдел.

Гуревич Георгий Иосифович
ПРОХОЖДЕНИЕ НЕМЕЗИДЫ

Редактор *Д. Кузнецов*
Художник *Г. Калиновский*
Худож. редактор *Н. Печникова*
Техн. редактор *Н. Михайловская*

А08154 Подп. к печ. 16/XI 1960 г.
Бум. $84 \times 108^{1/32}$ = Печ. л. 7,5(12,3)
Уч.-изд. л. 11,5. Заказ 1600.
Тираж 100 000 экз.

С 1/1 1961 г. цена 50 коп.

Типография «Красное знамя»
изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-55, Сушеская, 21.

**В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» ВЫШЛИ
И НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ СЛЕДУЮЩИЕ НАУЧНО-
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЕ КНИГИ,
А ТАКЖЕ КНИГИ О ПУТЕШЕСТВИЯХ:**

- Бадигин К. С., *Путь на Грумант, Чужие паруса.*
- Ганзелка И., Зикмунд М., *Там, за рекою, —
Аргентина (перевод с чешского).*
- Ганзелка И., Зикмунд М., *Через Кордильеры
(перевод с чешского).*
- Ганзелка И., Зикмунд М., *К охотникам за
черепами (перевод с чешского).*
- Днепров А. П., *Уравнения Максвелла.*
- Иванов-Леонов В. Г., *Генерал «Африка».*
- Кирюшкин В. В., Клипель В. И., *Путешествие
на «Скорлупке».*
- Колпаков А. Л., *Гриада.*
- Лем Ст., *Звездные дневники Ийона Тихого.*
- Мартьянов С. Н., *Первое задание.*
- Пасенюк Л. М., *Лед и пламень.*
- Полещук А. Л., *Ошибка Алексея Алексеева.*
- Сборник научно-фантастических рассказов под об-
щим названием «Альфа Эридана».
- Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н., *Путь
на Амальтею.*
- Томан Н. В., *Взрыв произойдет сегодня.*

50 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ПРОХОЖДЕНИЕ НЕМЕЗИДЫ

ГЕОРГИЙ ГУРЕВИЧ